

Эрик Х. Клайн

ИСТОРИЯ

1177 B.C. The Year Civilization collapsed

1177

ГОД ДО Н.Э.

Год, когда пала цивилизация

И С Т О Р И Я В О Д Н О М Т О М Е

Annotation

После столетий процветания цивилизованный мир бронзового века пришел к резкому и катастрофическому концу. Царства рухнули подобно домино всего за несколько десятилетий. Не стало более минойцев и микенцев, хеттов и вавилонян. Развитые цивилизации конца II тысячелетия до н. э., которые простирались от Греции до Египта и Месопотамии, внезапно прекратили свое существование. Наступили первые «темные века».

Как это произошло? И кто был виновником этого масштабного всеохватывающего коллапса?

В своей книге Эрик Клайн, отвечая на эти вопросы, рассказывает нам захватывающую историю о том, как коллапс цивилизаций был вызван многочисленными взаимосвязанными неудачами, начиная от вторжения «народов моря» и восстания до землетрясений, засухи и сокращения международных торговых путей. Воплотив в жизнь яркий мультикультурный мир этих великих царств, он рисует широкую панораму империй и глобализованных народов позднего бронзового века и показывает, что именно их взаимозависимость ускорила их драматический крах.

-
- [Эрик Клайн](#)
 -
 - [Предисловие составителя серии](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 -
 - [Вспоминая гиксосов](#)
 - [Флешбэк: Месопотамия и минойцы](#)
 - [Минойцы: их открытие и описание](#)
 - [Обратно в Египет](#)

- [Хатшепсут и Тутмос III](#)
- [Египет и Ханаан в битве при Мегиддо, 1479 год до нашей эры](#)
- [Египет и Митанни](#)
- [Восстание Ассува в Анатолии](#)
- [Экскурс: открытие и описание хеттов](#)
- [Восстание Ассува и «вопрос Аххиявы»](#)
- [Экскурс: открытие и описание микенцев](#)
- [Ранняя Троянская война?](#)
- [Заключительные замечания](#)
- [Глава 2](#)
 -
 - [Эгейский список Аменхотепа III](#)
 - [Архивы Амарны](#)
 - [Приветственные дары и семейные отношения](#)
 - [Золото, обман и торговля на высшем уровне](#)
 - [Возвышение Аласии и Ассирии](#)
 - [Нефертити и Тутанхамон](#)
 - [Суппилулиумас и «дело Цаннанцаса»](#)
 - [Хетты и микенцы](#)
- [Глава 3](#)
 -
 - [Улу-бурунский корабль](#)
 - [Синарану из Угарита](#)
 - [Битва при Кадеше и ее последствия](#)
 - [Троянская война](#)
 - [Иноземные контакты и материковая Греция в тринадцатом веке до нашей эры](#)
 - [Исход израильтян и покорение Ханаана](#)
 - [Хетты, ассирийцы, Амурру и Аххиява](#)
 - [Хеттское вторжение на Кипр](#)
 - [Кораблекрушения у Иры и мыса Гелидония](#)
- [Глава 4](#)
 -
 - [Открытие Угарита и Минет эль-Бейды](#)
 - [Экономические и коммерческие связи Угарита и его купцов](#)

- [Разрушения в Северной Сирии](#)
- [Разрушения в Южной Сирии и Ханаане](#)
- [Мегиддо](#)
- [Лахиш](#)
- [Филистимское Пятиградие](#)
- [Разрушения в Месопотамии](#)
- [Разрушения в Анатолии](#)
- [Хаттуса](#)
- [Троя](#)
- [Разрушения в материковой Греции](#)
- [Пилос](#)
- [Микены](#)
- [Тиринф](#)
- [Разрушения на Кипре](#)
- [Боевые действия в Египте и гаремный заговор](#)
- [Итоги](#)
- [Глава 5](#)
 - [Землетрясения](#)
 - [Изменение климата, засуха и голод](#)
 - [Внутренние восстания](#)
 - [\(Возможные\) интервенты и коллапс международной торговли](#)
 - [Децентрализация и частная купеческая инициатива](#)
 - [«Народы моря»: куда они подевались?](#)
 - [Доводы в пользу системного коллапса](#)
 - [Обзор теории комплексности](#)
 - [Основные соображения](#)
 - [Обсуждение возможностей](#)
- [Эпилог](#)
 - [Последствия](#)
 - [Что, если?](#)
- [Действующие лица](#)
- [Библиография](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)

- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)

- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)

- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)

- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)

- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)

- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)

- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)

- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)

- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)

- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)

- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)

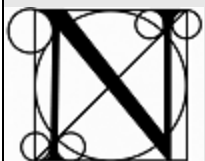
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)

- [521](#)
 - [522](#)
 - [523](#)
 - [524](#)
 - [525](#)
 - [526](#)
 - [527](#)
 - [528](#)
 - [529](#)
 - [530](#)
 - [531](#)
 - [532](#)
 - [533](#)
 - [534](#)
 - [535](#)
 - [536](#)
 - [537](#)
 - [538](#)
 - [539](#)
 - [540](#)
 - [541](#)
 - [542](#)
 - [543](#)
 - [544](#)
 - [545](#)
 - [546](#)
 - [547](#)
 - [548](#)
 - [549](#)
 - [550](#)
 - [551](#)
 - [552](#)
 - [553](#)
 - [554](#)
-

Эрик Клайн

1177 год до н. э

Год, когда пала цивилизация

*Посвящается Джеймсу Д. Мали,
который обсуждал эту тему и знакомил
с нею своих учеников почти полвека.*

Предисловие составителя серии

Эта книга выходит в составе серии «Переломные моменты древней истории». Каждая книга серии описывает то или иное значимое событие или тот или иной ключевой момент истории Древнего мира. Данные события и моменты, всегда судьбоносные и зачастую драматические, служили точками, в которых история изменяла направление. Широко известные или позабытые сегодня, они безусловно важны для понимания Древнего мира. Наше внимание сосредоточено на вопросах «Почему?» и «Как?», а также на вопросе «Когда?». Авторы серии — ученые, которые умеют рассказывать занимательно и увлекательно, и повествователи, в распоряжении которых свежайшие научные исследования.

Серия «Переломные моменты древней истории» отражает получивший признание междисциплинарный подход к изучению Древнего мира. В каждой книге археология соседствует с классическими текстами, то есть каждая книга сочетает свидетельства материальной и письменной культуры. Авторы обращаются к жизни представителей элиты и простых людей. Серия ничуть не ограничивается сугубо греко-римским миром, хотя последнему, разумеется, уделяется пристальное внимание. Мы изучаем также соседей Греции и Рима, «чужаков», проживавших на греческих и римских землях, и цивилизации и народы Древнего мира в целом, как на Западе, так и на Востоке.

В древней истории это было поистине захватывающее время. Сегодня мы особенно остро ощущаем, что постижение давнего прошлого имеет важнейшее значение для нашего понимания настоящего, а вдобавок оно просто завораживает.

Немногие события оказали большее влияние на Древний мир, нежели те, что произошли в конце бронзового века. Именно тогда пали великие царства и города-государства древнейшей истории. Они оставили после себя удивительные памятники наподобие египетских пирамид и разрозненные предания, из которых со временем, например, сложилась в конечном счете «сага» о Троянской войне. Тем, кто жил в

тот период, обрушившиеся бедствия наверняка казались концом света. Тем не менее падение могучих царств и «империй» бронзового века позволило родиться новому миру, уже более приземленному и, если угодно, человечному, миру первого тысячелетия до нашей эры, тому самому, в котором мы до сих пор чувствуем себя почти как дома.

Работа Эрика Клайна начинается со вторжения в Египет «народов моря» в 1177 году до нашей эры и ведет читателя вспять во времени и за пределы Египта. Она переносит нас в поздний бронзовый век, в славные дни пятнадцатого столетия до нашей эры, и представляет широкую панораму цивилизаций — от Месопотамии до Греции, от Израиля до государства хеттов. Далее автор обзревает на протяжении многих веков процессы, судьбы и события, которые погубили старый мир. По всему тексту разбросаны свидетельства очевидцев. Масштаб детализации поражает — достаточно упомянуть об описании разграбления портового города Угарит около 1190 года до нашей эры; само повествование изобилует любопытнейшими подробностями: как насчет сканирования скелета фараона Тута и выявления инфекции после перелома ноги, каковая его, вероятно, и убила?

Вдохновенно, остроумно и при этом научно Эрик Клайн исследует взаимосвязь позднего бронзового века и нашей эпохи, будь то экономический кризис, изменение климата или война на Ближнем Востоке. Год 1177-й до нашей эры не на слуху у широкой публики, но он, несомненно, заслуживает всяческой известности.

Барри Стросс

Предисловие

Экономика Греции практически в руинах, внутренние беспорядки охватили Ливию, Сирию и Египет, причем пламя войны разжигают чужаки и иноземные воины; Турция опасается оказаться втянутой в конфликт, и то же самое касается Израиля; Иордания переполнена беженцами; воинственный Иран грозит ближним и дальним соседям, а Ирак пребывает в смятении... Это год 2013-й? Да. Но все обстояло точно так же и в 1177 году до нашей эры, более трех тысяч лет назад, когда средиземноморские цивилизации бронзового века гибли одна за другой, изменяя навсегда ход и будущее западного мира. Это был поворотный момент в истории — поворотный момент Древнего мира.

Бронзовый век в бассейне Эгейского моря, Египте и на Ближнем Востоке длился почти две тысячи лет, примерно с 3000 года и до примерно 1200 года до нашей эры. Печальный итог столетий культурной и технологической эволюции: большая часть цивилизованного международного мира Средиземноморья замерла в своем развитии — на обширном пространстве от Греции и Италии на западе до Египта, Ханаана и Месопотамии на востоке. Могучие империи и малые царства, которые развивались столетиями, рухнули, что называется, в одночасье. С их гибелью наступил переходный период, прежде трактовавшийся учеными как первые в истории человечества «темные века». Лишь столетия спустя произошел культурный «ренессанс» в Греции и в областях, подверженных греческому влиянию, и это «возрождение» подготовило почву для появления западного общества, каким мы его знаем сегодня.

Хотя эта книга в первую очередь рассказывает о крахе цивилизаций бронзового века и о факторах, которые привели к этому краху более трех тысячелетий назад, она, возможно, позволит вынести некоторые уроки, полезные для современного глобализованного транснационального общества. Вероятно, найдутся те, кто скажет, что нельзя проводить осмысленное сопоставление мира позднего бронзового века и нынешней технологической культурой. Тем не менее между ними достаточно много общего — включая дипломатические

действия и торговые эмбарго, похищения и выкупы, политические убийства и злоумышления против королевских особ, пышные бракосочетания и малоприятные разводы, международные интриги и преднамеренные военные дезинформации, изменения климата и засухи и даже кораблекрушения, — и в результате более пристальный взгляд на события, народы и карту эпохи, которая отстоит от нас на три тысячелетия, оказывается отнюдь не просто «академическим упражнением» в изучении древней истории^[1]. В сегодняшней глобальной экономике, в мире, недавно потрясенном землетрясениями и цунами в Японии и «арабской весной» демократических революций в Египте, Тунисе, Ливии, Сирии и Йемене, судьбы и инвестиции Соединенных Штатов Америки и Европы неразрывно связаны в рамках международной системы со странами Восточной Азии и нефтедобывающими державами Ближнего Востока. Если коротко, мы можем узнать немало, «препарируя» скудные останки цивилизаций, что существовали в рамках похожей системы, которая пала более трех тысяч лет назад.

Обсуждение «коллапса империй» и сравнение взлетов и падений царств — далеко не новая идея; ученые обращались к этой теме по меньшей мере с 1700-х годов, когда было опубликовано исследование Эдуарда Гиббона об упадке и разрушении Римской империи. Более свежий пример обращения к вопросу — книга «Коллапс» Джареда Даймонда^[2]. Впрочем, большинство авторов рассматривали гибель исключительно одной империи или одной цивилизации, будь то римляне, майя, монголы или кто-то еще. В своей работе я пытаюсь показать глобализованную систему с несколькими цивилизациями, взаимодействующими и как минимум частично взаимозависимыми. В истории обнаруживается всего несколько примеров подобных глобализированных мировых систем; та, что сложилась в позднем бронзовом веке, и та, которую мы наблюдаем сегодня, являются наиболее очевидными образчиками, и параллели — корректнее, наверное, сказать «сопоставления» — между ними, безусловно, интригуют.

Приведу лишь один пример. Британская исследовательница Кэрол Белл недавно отметила, что «стратегическая ценность олова в ПБВ [позднем бронзовом веке]... как видится, не слишком отличается от ценности сырой нефти сегодня»^[3]. В те времена олово добывалось в

«промышленных масштабах» только на ряде копей в Бадахшанской области (Афганистан), откуда его доставляли по суше в Месопотамию (современный Ирак) и на север Сирии, а далее везли на север, юг и запад, в том числе и через Эгейское море. Белл продолжает: «Доступность олова в количествах, достаточных для изготовления... оружейной бронзы, должна была занимать умы великих царей Хаттусы^[4] и фараонов в Фивах ничуть не меньше, чем поставки бензина для заправки американских внедорожников по разумной цене занимают ныне президента США»^[5].

Археолог Сьюзен Шеппард, ранее сотрудница музея Эшмола в Оксфорде, а теперь преподаватель Шеффилдского университета, призывала к подобным сравнениям и сопоставлениям уже десять лет назад. По ее замечанию, налицо некоторые «по-настоящему полезные аналогии» между миром 1200 года до нашей эры и миром сегодняшним, в том числе возрастание политической, социальной и экономической фрагментации, а также осуществление прямого обмена в «беспрецедентных социальных масштабах и на беспрецедентных расстояниях». Наиболее актуальным представляется ее наблюдение, что ситуация конца позднего бронзового века обеспечивает очевидную аналогию с нашей собственной «все более и более гомогенной, однако неконтролируемой мировой экономикой и культурой, в условиях которых... политическая нестабильность в одном уголке мира может оказать радикальное влияние на экономику регионов, отделенных тысячами миль»^[6].

Историк Фернан Бродель однажды сказал: «Историю бронзового века легко описать в драматической форме — она изобилует вторжениями, войнами, грабежами, политическими катастрофами и экономическими коллапсами, что имели долгосрочные последствия, были «первыми столкновениями народов». Бродель также предположил, что историю бронзового века можно излагать «не только как сагу драмы и насилия, но и как повествование о более мирных контактах — коммерческих, дипломатических (даже в те времена) и прежде всего культурных»^[7]. Это пожелание Броделя было усвоено последующими поколениями, и потому я представляю вниманию читателей историю (точнее, истории) позднего бронзового века как своего рода пьесу в четырех действиях, с соответствующими отступлениями и флешбэками, которые обеспечивают надлежащий

контекст для появления значимых персонажей, врывающихся на мировую арену, а затем ее покидающих: это хетт Тудхалияс и митанниец Тушратта, египтянин Аменхотеп III и ассириец Ашшур-убалит (см. словарь действующих лиц в конце книги, предназначенный для тех, кто хочет запомнить имена и даты).

Отчасти наше повествование при этом будет похоже на интеллектуальный детектив, с неожиданными поворотами сюжета, ложными выводами и многозначительными намеками и подсказками. Цитируя Эркюля Пуаро, легендарного бельгийского сыщика, созданного воображением Агаты Кристи (которая сама была замужем за археологом^[8]), нам придется активно использовать наши «маленькие серые клеточки», чтобы свести воедино разрозненные нити доказательств в поисках ответа на вопрос, почему стабильная международная система внезапно рухнула после процветания на протяжении многих столетий.

Кроме того, чтобы по-настоящему понять, что именно погибло в 1177 году до нашей эры и почему это был поистине ключевой момент древней истории, мы должны начать немного раньше — схожим образом тому, кто желает уяснить истоки современного глобализирующегося мира, следует изучить восемнадцатое столетие и начать с завершения периода Просвещения, промышленной революции и рождения Соединенных Штатов Америки. Хотя меня прежде всего интересует установление возможных причин распада цивилизаций бронзового века в данном географическом регионе, я также затрагиваю вопрос о том, что потерял мир в целом в этот решающий момент, когда пали империи и царства второго тысячелетия до нашей эры, и о том, в какой степени цивилизация в этой части мира была отброшена назад — где-то на многие века — и изменилась необратимо. По своим масштабам катастрофа была колоссальной; подобной утраты мир не переживал впредь до тех пор, пока спустя пятнадцать столетий не рухнула Римская империя.

Благодарности

Мне очень давно хотелось написать такую книгу, и потому первым я хочу поблагодарить Роба Темпио, который сподвиг меня на реализацию данного проекта и затем активно помогал преодолеть обычные трудности, ожидающие любого автора. Он также выказал невероятное терпение в ожидании окончательного варианта рукописи, который поступил в издательство, мягко говоря, несколько позже первоначально оговоренного срока. Я очень рад, что мой текст открывает новую серию «Переломные моменты древней истории» издательства Принстонского университета под руководством Барри Штрауса и Роба Темпио.

Я также признателен университетскому фонду содействия ученым при университете Джорджа Вашингтона за летнюю стипендию и за многочисленных друзей и коллег, в том числе Ассафа Ясур-Ландау, Израэля Финкелыптайна, Давида Уссишкина, Марио Ливерани, Кевина Макджу, Райнхарда Юнга, Джемалю Пулака, Ширли Бен-Дор Эвиан, Сару Парчак, Эллен Моррис и Джефффри Бломстера, с которыми мы многократно обсуждали соответствующие темы. Отдельно хочу поблагодарить Кэрол Белл, Райнхарда Юнга, Кевина Макджу, Яну Минарову, Гарета Робертса, Кима Шелтона, Нила Зильбермана и Ассафа Ясур-Ландау за предоставление материалов по моей просьбе и за подробные ответы на конкретные вопросы, а также Рэнди Хелма, Луизу Хичкок, Аманду Подани, Барри Штрауса, Джима Уэста и двух анонимных рецензентов — за прочтение и комментирование рукописи. Особая благодарность Национальному географическому обществу, Институту востоковедения при университете Чикаго, музею Метрополитен и Обществу изучения Египта за разрешение воспроизвести на страницах этой книги некоторые изображения.

Большая часть моей книги представляет собой изложенное в популярной форме «резюме» моих научных исследований международных отношений в период позднего бронзового века; результаты этих исследований публиковались на протяжении последних двух десятилетий — и их дополняют, разумеется, исследования и выводы многих других ученых. Моя глубокая

признательность редакторам и издателям ряда научных журналов и сборников, где были ранее опубликованы предыдущие статьи на соответствующие темы, за разрешение перепечатать материал, как правило, с изменениями и дополнениями. Особо хочу поблагодарить Дэвида Дэвисона из «Темпус репаратум/Археопресс» и Джека Майнхардта из журнала «Археологическая Одиссея»; Джеймса Р. Матье из журнала «Экспедишн»; Вирджинию Уэбб и «Ежегодник Британской школы в Афинах»; Марка Козна и издательство «Си-ди-эл пресс»; Тома Палайму из журнала «Минос»; Робера Лаффинье и серию «Эгеум»; Эда Уайта и издательство «Рикордид букс/Модерн академи»; Гаррета Брауна и Национальное географическое общество; Ангелоса Ханиотиса и Марка Шаваласа. Я сделал все возможное, чтобы облегчить библиографический поиск публикаций, в которых можно найти обсуждение данных, представленных в этой книге. Всякие цитаты или иные заимствования из моих собственных предыдущих публикаций или из работ других ученых, оставшиеся неатрибутированными, следует трактовать как непреднамеренное упущение, которое будет исправлено при переизданиях.

И наконец (но, конечно, не в последнюю очередь), я хотел бы поблагодарить мою жену Диану за частые стимулирующие беседы о тех или иных вопросах, которые затрагиваются в этой книге. Среди прочего она познакомила меня с методикой анализа социальных сетей и теорией сложности и подготовила ряд изображений для книги. Еще я хотел бы поблагодарить Диану и наших детей за их долготерпение. Как всегда, текст стал только лучше от строгой редакции и критики со стороны моего отца, Мартина Дж. Клайна.

Пролог

Распад цивилизаций:

1177 год до нашей эры

Воины вышли на мировую сцену и перемещались быстро, оставляя за собой смерть и разрушения. Современные ученые именуют их собирательно « народами моря », но египтяне, которые занесли на скрижали их нападение на Египет, никогда не использовали этот термин; вместо того они разделяли « народы моря » на отдельные народности, выступавшие заодно, — филистимляне, тирсены, чаккаль, шерданы, дануны, шакелеша, акайваша; все эти имена звучали чужеродно для местного населения тех времен^[9].

Мы мало знаем о них помимо сообщений в египетских хрониках. Мы не уверены в том, откуда родом « народы моря », возможно, с Сицилии, Сардинии и из материковой Италии, по одному предположению, или из бассейна Эгейского моря, из западной Анатолии или даже с Кипра или из Восточного Средиземноморья^[10]. Не удалось выявить никакой « отправной точки », в которой они собирались или из которой двинулись в путь. Мы представляем, что они неумолимо шли от поселения к поселению, от страны к стране, сокрушая на своем пути древние царства. Согласно египетским хроникам, они разбили лагерь в Сирии, прежде чем двинуться вдоль побережья Ханаана (включая части современных Сирии, Ливана и Израиля) и к дельте Нила в Египте.

Стоял 1177 год до нашей эры — восьмой год правления фараона Рамсеса III^[11]. Согласно сообщениям древних египтян и современным археологическим находкам, некоторые « народы моря » приходили по суше, другие же приплывали с моря^[12]. Не было никакой униформы, никаких пышных облачений. Древние рисунки изображают группу мужчин в пернатых головных уборах, другая группа щеголяет в маленьких шапочках на макушках, третья носит рогатые шлемы или ходит с непокрытой головой. У некоторых короткие остроконечные

бороды и мужские юбки, грудь голая либо прикрыта туникой; другие лишены волос на лице и облачены в длинные одеяния наподобие платьев. Отсюда следует, что «народы моря» состояли из отдельных групп, которые различались по происхождению, местам обитания и культуре. Вооруженные острыми бронзовыми мечами, деревянными копьями с блестящими металлическими наконечниками, луками и стрелами, они приплывали на лодках, приезжали на повозках, влекомых волами, и на колесницах. Хотя я выбрал в качестве ключевой даты 1177 год до нашей эры, мы знаем, что захватчики приходили «волнами» на протяжении значительного периода времени. Порою воины приходили в одиночку, а порою их сопровождали семьи.

* * *

Согласно надписям Рамсеса, ни одна земля не смогла оказать достойного сопротивления этой человеческой массе. Все попытки ее остановить провалились. Великие царства той поры — Хеттское, Микенское, Хананейское, Кипрское и прочие — пали одно за другим. Некоторым выжившим в бою удалось бежать; другие ютились в развалинах прежде величественных городов; были и те, кто присоединился к захватчикам, пополнил их ряды и добавил еще больше «национального» разнообразия к и без того пестрой смеси народов. Каждая группа «народов моря» руководствовалась собственными устремлениями. Возможно, кого-то вело желание добыть трофеи или получить новых рабов, а кого-то заставляло идти вперед популяционное давление, и они мигрировали восточнее, покидая свои исконные земли на западе.

На стенах погребального храма в Мединет-Абу, недалеко от Долины царей, читаем лаконичную надпись:

«Чужеземные страны составили заговор на своих островах. Сразу все земли были опустошены и разрознены под их натиском. И не было земли, которая могла устоять перед их оружием: от Хатти, Кади, Каркемиша, Арцавы и Аласии далее, все были отрезаны в одно время. (Основной) стан был помещен в Амурру. Они изгнали тамошних

жителей, а его земля стала такой, где словно бы никто не рождался. Они шли вперед, к Египту, и пламя было уготовлено для них. В их число входили пелесеты, зекеры, шекедеша, дануны и вешхеш. Они простерли свои руки на земли до самых пределов земных, и сердца их наполнились верой и не ведали сомнений»^[13].

Те места, которые будто бы пали перед оккупантами, хорошо известны еще с глубокой древности. Хатти — это царство хеттов, важнейшая часть которого располагалась на внутреннем плато Анатолии (древнее название Турции) возле современной Анкары; империя хеттов простиралась от побережья Эгейского моря на западе до северной Сирии на востоке. Кади — вероятно Кадеш, на юго-востоке современной Турции (возможно, область древней Киццуватны^[14]). Каркемиш — популярное место археологических раскопок, обнаруженное почти сто лет назад группой археологов, куда входили сэр Леонард Вулли, знаменитый руководитель экспедиции в Ираке и автор книги «Ур халдеев», и Т. Э. Лоуренс, который обучался на факультете классической археологии в Оксфорде, прежде чем испытания Первой мировой войны превратили его в конечном счете в голливудского «Лоуренса Аравийского». Арцава — страна, известная хеттам, где-то поблизости от них, в западной Анатолии. Аласию, не исключено, мы знаем сегодня как остров Кипр, это был богатый металлами остров, который славился запасами медной руды. Амурру располагался на побережье северной Сирии. Мы непременно побываем во всех этих местах, погружаясь в историю и в свидетельства очевидцев.

Шесть «национальных» групп, составлявших «народы моря» времен этого нашествия, — пять перечисленных Рамсесом на стенах Мединет-Абу и шестая группа, шерданы, которая упоминается в другой соответствующей надписи, — гораздо менее определены и узнаваемы, нежели земли, каковы они, как сообщается, завоевали. Они не оставили после себя никаких собственных записей, поэтому сведения о них приходится извлекать почти исключительно из древнеегипетских источников^[15].

Большинство этих групп не менее трудно отождествить археологически, хотя археологи и филологи предпринимали

героические усилия на протяжении большей части прошлого столетия, поначалу затеявая языковые игры, а затем, сравнительно недавно, обратившись к изучению керамики и других археологических материалов. Например, данунов уже давно сопоставляли с гомеровскими данайцами, народом бронзового века из бассейна Эгейского моря. Шакелеша нередко признаются в гипотезах выходцами с Сицилии, а шерданы — коренным населением Сардинии; эти теории опираются на очевидное консонантное сходство имен и названий и на тот факт, что Рамсес говорит о «чужеземных странах», что составили заговор «на своих островах», а шерданов особо характеризует как «пришедших с моря»^[16].

Тем не менее далеко не все ученые принимают эти гипотезы; отдельная научная школа утверждает, что шакелеша и шерданы пришли не из Западного Средиземноморья, а скорее из какой-то области на востоке Средиземноморья; им пришлось бежать на Сицилию и Сардинию, которым они дали свои имена, после поражения от египтян. В пользу достоверности такого варианта говорит тот факт, что шерданы сражались и против египтян, и за них задолго до появления «народов моря». Но необходимо помнить слова Рамсеса III, который уверял, что поселил выживших захватчиков на территории самого Египта^[17].

Из всех «национальных» групп, воевавших в том регионе в тот период, лишь одну удалось отождествить однозначно. Пелесеты из числа «народов моря» ныне признаются теми самыми филистимлянами, которые, по свидетельству Библии, пришли с Крита^[18]. Лингвистическая идентификация была очевидной настолько, что уже Жан-Франсуа Шампольон, расшифровавший египетские иероглифы, писал об этом ранее 1836 года, а отождествление конкретных стилей керамики, архитектуры и других материальных остатков как «филистимлянских» ведется с 1899 года, когда археологи приступили к раскопкам в Телль эс-Сафи, библейском Гате^[19].

Мы нисколько не осведомлены ни о происхождении захватчиков, ни о том, что на самом деле ими двигало, зато мы точно знаем, как они выглядели: их имена и лица нанесены на стены погребального храма Рамсеса III в Мединет-Абу. Это захоронение изобилует рисунками и величественными рядами иероглифического текста. Доспехи захватчиков, их оружие, одежда, лодки и повозки, запряженные волами

и нагруженные пожитками, представлены столь наглядно и подробно, что ученые в состоянии провести научный анализ изображений отдельных людей и даже различных лодок^[20]. Другие рисунки более, скажем так, панорамны. Один показывает иноземцев и египтян в хаотической морской битве — кто-то плавает лицом вниз, то есть мертв, а прочие продолжают яростно сражаться на лодках.

С 1920-х годов надписи и рисунки в Мединет-Абу изучались и тщательно копировались египтологами из Института востоковедения при Чикагском университете. Этот институт по сей день является одним из ведущих мировых центров по изучению древних цивилизаций Египта и Ближнего Востока. Джеймс Генри Брестед основал институт после своего возвращения из грандиозного путешествия по Ближнему Востоку в 1919–1920 годах; 50 000 долларов стартового капитала выделил Джон Д. Рокфеллер-младший. Археологи из ИВ (как обычно называют институт) вели и ведут раскопки по всему Ближнему Востоку, от Ирана до Египта, и за его пределами.

Существует много книг и статей о Брестеде и проектах ИВ под его руководством, в том числе о раскопках в Мегиддо (библейский Армагеддон) в Израиле, которые велись с 1925 по 1939 год^[21]. Среди наиболее важных проектов выделю эпиграфические исследования, которые проводились в Египте и в ходе которых египтологи скрупулезно копировали иероглифические тексты и рисунки, оставленные фараонами на стенах храмов и дворцов по всей стране. Копировать иероглифы, вырезанные на каменных стенах и монументах, чрезвычайно утомительно. Работа занимает многие часы, копировщики обычно сидят на приставных лесенках либо на самодельных лесах под палящим солнцем, вглядываясь в трудноразличимые символы, начертанные на воротах, стенах и колоннах. Достаточно сказать, что результаты их труда поистине бесценны, особенно с учетом того, что многие надписи сильно пострадали от эрозии, чрезмерного любопытства туристов и по другим причинам. Если бы эти надписи не скопировали, они в конечном счете оказались бы не подлежащими расшифровке. Плоды усилий египтологов в Мединет-Абу публиковались в серии трудов, первый из которых увидел свет в 1930 году, а следующие и «побочные» тома издавались в 1940-х и 1950-х годах.

Научные дебаты продолжаются до сих пор, большинство экспертов сходятся во мнении, что сухопутные и морские сражения, изображенные на стенах Мединет-Абу, вероятно, велись почти одновременно в египетской дельте или поблизости от нее. Быть может, они изображают «этапы» крупного сражения на суше и на море; некоторые ученые полагают, что здесь мы видим нападения на «народы моря», устроенные египтянами из засады^[22]. В любом случае итоговый результат не подвергается сомнению, поскольку в Мединет-Абу египетский фараон говорит недвусмысленно:

«Те, кто достиг моих рубежей, полегли — и семени их не осталось, а сердца их и души погибли навеки. Перед теми, кто прорвался вперед по морю, в устьях рек горело пламя, а град стрел и копий встречал их на берегу. Их влекли ближе, окружали, валили навзничь на берегу и убивали и складывали в кучи мертвые тела. Их корабли и пожитки тоже были истреблены и сгнули в воде. Я заставил иноземцев забыть само название Египта, ибо когда они произносят мое имя в своих землях, их сердца устрашаются»^[23].

Рамсес затем продолжает — этот документ опубликован в папирусе Харриса^[24], — снова перечисляя имена поверженных врагов:

«Я опрокинул тех, кто вторгся в мои пределы из своих земель. Я убивал данунов, [что приплыли с] островов, и зекеров и пелесетов, кого обратил в пепел. Шерданы и вешеш из моря стали как те, кого никогда не было, были взяты в плен в одно время, приведены в Египет и рассеяны, как песок на берегу. Я поселил их в укреплениях, связав своим именем. Множество их было, сотни и сотни тысяч. Я обложил всех налогами, даровав одежду и зерно из хранилищ вещей и зернохранилищ каждый год»^[25].

Египтянам не впервые выпало сражаться против коллективных сил «народов моря». Тридцатью годами ранее, в 1207 году до нашей эры, в пятый год правления фараона Мернептаха, Египет атаковала аналогичная «коалиция» этих народов неясного происхождения.

Мернептах, пожалуй, наиболее известен тем, кто изучает древний Ближний Восток, как египетский фараон, который первым употребил слово «Израиль» — в надписи, датированной тем же самым годом (1207 год до нашей эры). Эта надпись является первым в истории случаем употребления имени «Израиль» вне Библии. В надписи фараона имеется особый значок, указывающий, что речь идет о народе, а не о географическом названии; в кратком описании военной кампании в Ханаане упоминается народ «Израиль», который там проживал^[26]. Это описание входит составной частью в длительное изложение непрерывных походов Мернептаха на ливийцев, что обитали к западу от самого Египта. В тот год вниманием фараона владели именно ливийцы и «народы моря», а не израильтяне.

Например, в тексте, который обнаружен в Гелиополе и датирован «пятым годом, вторым месяцем третьего периода (десятым месяцем)», сообщается, что «злодейский правитель Ливии вторгся совместно с шакелеша и прочими иноземцами, каковые примкнули к нему, и нарушил рубежи Египта»^[27]. Те же формулировки повторяются в другой надписи, на так называемой «Каирской колонне»^[28].

В более пространной надписи, найденной в Карнаке (современный Луксор), приводятся дополнительные сведения об этой ранней волне «народов моря». Перечисляются и отдельные племена и группы:

«[Начало победы, которую фараон одержал в земле Ливийской] Эквеш, береги, лука, шерданы, шакелеша, северяне со всех земель... в третий период рекли: «Злосчастный падший правитель Ливии... обрушился на страну Техену со своими лучниками — шерданами, шакелеша, эквеш, лука, тереш, — взяв лучших воинов и каждого человека с оружием в своей земле...

Вот список пленных, выведенных из земли Ливийской и стран, кои были им покорены...

Шерданы, шакелеша, эквеш из народов морских, не носившие нагрудников:

Шакелеша — 222 человека

Всего рук — 250

Тереш — 742 человека

Всего рук — 790

Шерданы —

[Всего рук] —

[Эквеш, не носившие нагрудников, убиты, их руки отрублены, ибо у них не было нагрудников] —

Шакелеша и тереш, пришедшие как враги Ливии —

Кехек и ливийцы, уведенные живыми, — 218 человек»^[29].

Из этого текста очевидно следующее. Во-первых, «национальных» групп в первой волне «народов моря» пять, а не шесть: шерданы (они же шердены), шакелеша, эквеш, лукка и тереш. Две группы, шерданы и шакелеша, присутствуют в обеих волнах вторжения «народов моря», при Мернептахе и при Рамсесе III, зато оставшиеся три группы отличаются друг от друга. Во-вторых, шерданов, шакелеша и эквеш надпись однозначно характеризует как «пришедших с моря», тогда как пять групп вместе описываются как «северяне со всех земель». Последнее не вызывает удивления, поскольку большинство стран, с которыми контактировали египтяне периода Нового царства^[30], лежали севернее Египта (за исключением Нубии и Ливии). Характеристика шерданов и шакелеша как «пришедших с моря» подкрепляет гипотезу, что эти группы имели отношение к Сардинии и Сицилии соответственно.

Упоминание эквеш в числе «пришедших с моря» побудило ряд ученых усмотреть в них гомеровских ахейцев, то есть микенцев, населявших материковую Грецию в бронзовом веке; вполне возможно, что Рамсес III поименовал их данунами в своей надписи двумя десятилетиями позже. Что касается двух оставшихся групп, ученые в целом принимают имя «лукка» для племен юго-западной Турции — в классический период этот регион стал известен как Ликия. Происхождение тереш скрыто во мраке лет, но возможно, что они были как-то связаны с итальяскими этрусками^[31].

Помимо этого надписи мало что сообщают и дают лишь весьма общее представление о месте, где происходила «битва битв». Мернептах говорит только, что победа была «достигнута в земле Ливийской», которую он далее называет «страной Техену». При этом фараон похвастается победой, ибо перечисляет убитых и захваченных в плен врагов, как по числу воинов, так и по числу «рук». Общераспространенная практика тех времен состояла в отрубании рук мертвым врагам; эти руки предъявлялись как доказательство доблести и позволяли претендовать на вознаграждение. Недавно обнаружено жуткое свидетельство подобной практики, времен гиксосов^[32] (этот период отстоит на четыреста лет назад от правления Мернептаха): шестнадцать правых рук были закопаны в четырех ямах во дворце гиксосов в Аварисе в нильской дельте^[33]. В любом случае невозможно определить, все ли «народы моря» были истреблены или некоторые выжили, но, вероятно, стоит допустить последнее, ведь минимум две «национальные» группы вернулись во втором вторжении тридцать лет спустя.

* * *

В 1177 году до нашей эры, как и ранее в 1207 году, египтяне торжествовали победу. «Народы моря» не вернутся в Египет в третий раз. Рамсес хвастался, что враг был «опрокинут, превзойден и разгромлен». Он добавлял, что «их сердца изъяты, их души отлетели, их оружие скрылось в волнах»^[34]. Но победа оказалась пирровой. Хотя Египет при Рамсесе III единственный из крупных держав сумел отразить вторжение «народов моря», Новое царство уже никогда не восстановило своего прежнего могущества — скорее всего, вследствие других проблем, с которыми столкнулся весь средиземноморский регион в этот период, как мы увидим ниже. Последующие фараоны на протяжении остатка второго тысячелетия до нашей эры довольствовались тем, что правили страной, во многом утратившей влияние и власть. Египет превратился во «второсортную» империю, в тень самого себя, каким он был когда-то. Лишь при фараоне Шешонке, ливийце, который основал Двадцать вторую династию около 945 года

до нашей эры — вероятно, именно его Библия называет фараоном Сусакимом^[35], — Египет вновь обрел подобие былого величия.

За пределами Египта почти все другие страны и царства второго тысячелетия до нашей эры в бассейне Эгейского моря и на Ближнем Востоке — речь о тех, что существовали в «золотые времена», ныне определяемые как поздний бронзовый век, — ослабели и исчезли либо сразу, либо в течение столетия. Казалось даже, будто сама цивилизация «стерта» на большей части территории региона. Многие, если не все, достижения предыдущих веков сгинули на обширном пространстве от Греции до Месопотамии. Началась новая переходная эпоха: ей предстояло длиться не менее столетия — а в некоторых областях и свыше трех столетий.

Представляется очевидным, что «великий страх» возобладал в этих землях и царствах в их последние дни. Примером может служить текст на глиняной табличке, которая содержит письмо царя Угарита (северная Сирия) более высоко стоявшему на лестнице державной иерархии царю острова Кипр:

«Отец мой, пришли вражеские корабли. Они поджигают мои города и разоряют мои земли. Разве отцу моему не ведомо, что все мои пешие воины и все колесницы находятся в Хатти, а все мои корабли отиравшись во владения лука? Они еще не возвратились, и потому моя земля беззащитна. Да снизойдет отец мой к этой просьбе! Сразу семь кораблей врага, что приплыли сюда, нанесли нам немалый урон. Если покажутся иные вражеские корабли, дай мне знать, прошу, дабы я приготовился»^[36].

Нельзя сказать наверняка, достигло ли это письмо своего царственного адресата на Кипре. Археологи, его нашедшие, полагали, что письмо не было отправлено. Они указывали в своем отчете, что табличка обнаружена в печи, заодно с семью десятками других табличек; по-видимому, их поместили туда для обжига, чтобы глина лучше перенесла долгий путь до Кипра^[37]. Эти археологи и другие ученые первоначально предположили, что вражеские корабли вернулись и разграбили город прежде, чем удалось отослать настоящую просьбу о помощи. Эта история неизменно фигурирует

в студенческих учебниках, но современные исследования доказали, что табличку нашли вовсе не в печи и что она, как мы увидим, представляла собой, вероятно, копию письма, которое все же отправили на Кипр.

* * *

Ранее для ученых было свойственно приписывать все разрушения этого периода деятельности «народов моря»^[38]. Однако будет некорректно возлагать вину за гибель культуры бронзового века в бассейне Эгейского моря и в Восточном Средиземноморье исключительно на эти племена. Пожалуй, тем самым мы воздаем им слишком уж много чести, хотя и не располагаем твердыми доказательствами, помимо египетских текстов и надписей, которые создают противоречивое впечатление. Появились ли «народы моря» в Восточном Средиземноморье как относительно организованная армия, наподобие куда более дисциплинированных крестоносцев, помышлявших в Средние века об освобождении Святой земли? Или они были слабо или плохо организованными группами мародеров, как викинги более поздних времен? Или они бежали от некой катастрофы в поисках новых земель для заселения? Насколько нам известно, правда может включать все перечисленные причины — или ни одну из них.

К рассмотрению вопроса необходимо привлечь обилие новых данных, появившихся в последние несколько десятилетий^[39]. Мы больше не уверены в том, что все древние поселения с признаками разрушения были разорены « народами моря ». По археологическим свидетельствам мы можем определить, что поселение было разрушено, однако далеко не всегда можно установить, кем и как. Кроме того, поселения уничтожались отнюдь не одновременно, даже не обязательно в том же десятилетии. Как мы увидим, совокупный период гибели растянулся на несколько десятилетий, возможно, на целое столетие.

Более того, мы не знаем наверняка истинную причину (или полный перечень причин) коллапса цивилизации бронзового века в Греции, Египте и на Ближнем Востоке, но современные данные

свидетельствуют о том, что «народы моря», по всей вероятности, к этому событию не слишком причастны. Теперь видится вполне возможным, что они были не только агрессорами, но и жертвами краха цивилизации^[40]. Одна гипотеза предполагает, что они были вынуждены покинуть свои дома из-за череды неких неудачных событий и мигрировали на восток, где столкнулись с царствами и империями, уже пребывавшими в состоянии упадка. Также вполне возможно, что они нападали и сумели в конечном итоге одолеть многие царства региона именно потому, что эти монархии переживали упадок и изрядно ослабели. С учетом этого «народы моря» можно считать «оппортунистами», как выразился один ученый, которые заселили Восточное Средиземноморье гораздо более мирно, чем предполагалось ранее. Мы изучим эти гипотезы более подробно.

Так или иначе, на протяжении десятилетий «народы моря» в научных исследованиях выступали таким удобным козлом отпущения, на которого возлагали вину за ситуацию, гораздо более сложную, чем виделось ученым, и никак ими не спровоцированную. Теперь отношение меняется, сразу несколько ученых недавно заявили, что история катастрофического нашествия «народов моря», бессмысленного уничтожения и/или всеобщей миграции была изобретена людьми наподобие Гастона Масперо, знаменитого французского египтолога, в 1860-х или 1870-х годах и утвердилась в общественном сознании к началу двадцатого столетия. Однако это лишь теория, основанная исключительно на эпиграфических свидетельствах надписей, созданная задолго до раскопок древнейших поселений. На самом деле даже те ученые, которые принимали теорию Масперо, расходились во мнениях относительно направлений движения «народов моря»: некоторые считали, что они осели в Западном Средиземноморье после поражения от египтян, а вовсе не выступили оттуда^[41].

С современной точки зрения, как мы увидим далее, «народы моря», возможно, несут ответственность за часть разрушений в конце позднего бронзового века, но гораздо более вероятно, что сочетание событий, устроенных человеческими руками и природных (в том числе изменения климата и засух, сейсмических катаклизмов, внутренних восстаний и «системного коллапса»), привело к зарождению «идеального шторма», который подвел черту под этим

периодом. Но чтобы осознать весь масштаб событий, имевших место около 1177 года до нашей эры, нужно вернуться на три столетия назад.

Таблица 1. Цари Египта и Ближнего Востока, упоминаемые в тексте (перечислены по странам и в хронологическом порядке)

Век до н. э.	Египтяне	Хетты	Ассирия	Вавилония	Митанни	Угарит	Прочие
XVIII				Хаммурапи			Зимри-Лим (Мари)
XVII		Хаттусилис I Мурсилис I					
XVI	Секе-ненра Камос Яхмос I Тутмос I Тутмос II						Хиан (Суесерен-ра, гиксосы) Апопи (Акененра, гиксосы)
XV	Хатшепсут Тутмос III	Тудхалиас I / II			Сауссаттар		Куккули (Ассува)
XIV	Аменхотеп III Эхнатон Тутанхамон Эйе	Суппилулиумас I Мурсилис II	Ашшур-убалит Адад-нирари I	Куригальзу I Кадашман-Эн-лиль I Бурна-Буриаш II Куригальзу II Каштилиашу	Шуттарна II Тушратта Шатти-васа	Амми-стамру I Никмадду II Никмена (Никмепа)	Тархунда-раду (Арцава)
XIII	Рамсес II Мернептах	Мурсилис II Муватталис II Хаттусилис III Тудхалиас IV Суппилулиумас II	Тукульти-Нинурта I			Никмена Амми-стамру II Никмадду II Аммурапи	Шаушгамува (Амурру)
XII	Рамсес III	Суппилулиумас II				Аммурапи	Шутрук-Наххунте (Элам)

Таблица 2. Современные регионы и их возможные названия в позднем бронзовом веке

Регион	Название 1	Название 2	Название 3
Кипр	Аласия		
Материковая Греция	Танайя	Аххиява	Хиява
Крит	Кефтиу	Кафтора (Каптару)	
Троя / Троада	Ассува (?)	Иси (?)	Вилуса
Ханаан	Па-ка-на-на	Речену	
Египет	Мизраим		

Глава 1

Действие первое.

Оружие и человек^[42]: пятнадцатый век до нашей эры

Приблизительно в 1477 году до нашей эры в городе Перу-нефер в нильской дельте (Нижний Египет), совсем близко от Средиземного моря, фараон Тутмос III повелел возвести грандиозный дворец, обильно украшенный фресками. Минойские художники с далекого Крита, расположенного на западе за Великим зеленым морем (так египтяне называли Средиземное море), взялись за работу и принялись создавать фрески. Они рисовали изображения, никогда прежде не виданные в Египте; на этих диких картинах люди перепрыгивали через быков, а краски наносились на еще сырую штукатурку (техника *al fresco*) и потому как бы становились неотъемлемой частью стен. Этому умению художники научились у себя на Крите, острове в Эгейском море, и там же позаимствовали тематику изображений. Уникальные образы, созданные в данной технике, сделались модными не только в Египте, но и во дворцах по всему побережью, от северного Ханаана до египетской дельты, в поселениях, ныне известных как Кабри (Израиль), Алалах (Турция), Катна (Сирия) и Даба (Египет)^[43].

Перу-нефер, город в дельте, в настоящее время отождествляется с современным поселением Телль-эд-Даба. Здесь с 1966 года вели раскопки австрийский археолог Манфред Битак и его команда. Также это поселение в древности носило название Аварис и являлось столицей гиксосов — жестоких захватчиков, которые правили большей частью Египта в промежутке примерно с 1720 по 1550 год до нашей эры. Аварис со временем превратился в Перу-нефер, важный египетский город, после захвата предком Тутмоса, египетским фараоном Камосом, около 1550 года до нашей эры.

Раскапывая некогда богатый город, погребенный под слоями песка и мусора, Манфред Битак, что называется, вернул к жизни за четыре десятилетия и столицу гиксосов, и более поздний египетский «мегаполис». Он также восстановил удивительные фрески, созданные минойцами — или, возможно, местными ремесленниками, которые учились у минойцев, — датируемые началом правления египетской Восемнадцатой династии (около 1450 года до нашей эры)^[44]. Тем самым открылся хороший пример интернационализированного мира, который начал складываться в Восточном Средиземноморье и Эгейском бассейне после изгнания гиксосов из Египта.

Вспоминая гиксосов

Гиксосы впервые вторглись в Египет приблизительно в 1720 году до нашей эры, за четверть тысячелетия до времен правления Тутмоса III. Они владычествовали в Египте почти двести лет, до 1550 года до нашей эры. К тому времени, когда гиксосы завладели страной, Египет являлся одной из могучих держав древнего Ближнего Востока. Пирамиды Гизы стояли уже почти тысячу лет, их построили при Четвертой династии (период Древнего царства). Манефон, египетский жрец, живший и трудившийся в куда более поздний эллинистический период, в третьем веке до нашей эры, именовал гиксосов «царями-пастухами»; это неточный перевод египетского выражения *hekau khasut*, которое на самом деле означает «вожди из чужих земель». Они и вправду были чужаками, ибо принадлежали к семитам, которые мигрировали в Египет из области Ханаана, то есть с территории современных Израиля, Ливана, Сирии и Иордании. Мы находим изображения этих семитов в Египте, например, в девятнадцатом столетии до нашей эры — можно вспомнить хотя бы настенную роспись египетской гробницы в Бени-Хасан, где показаны «азиатские» купцы и торговцы, доставляющие свои товары в Египет^[45].

Вторжение гиксосов в Египет завершило период Среднего царства (ок. 2134–1720 годов до нашей эры). Успех этого вторжения, вполне возможно, объясняется преимуществами в технологиях производства оружия для нападения, поскольку они имели в своем распоряжении композитные луки, бившие намного дальше, чем традиционные луки того времени. Также гиксосы применяли в бою запряженные лошадьми колесницы, подобных которым в Египте прежде не встречалось.

После завоевания гиксосы стали править Египтом, первоначально из столицы Аварис в нильской дельте, и в историографии это время получило название Второго промежуточного периода (с Пятнадцатой по Семнадцатую династию); их правление длилось почти двести лет, с 1720 по 1550 год до нашей эры^[46]. Следует отметить, что это один из редких случаев в промежутке с 3000 по 1200 год до нашей эры, когда Египет находился под властью иноземцев.

Рассказы и надписи, датированные концом этого периода, около 1550 года до нашей эры, зафиксировали некоторые сражения, происходившие между египтянами и гиксосами. В особенности примечательно повествование о разладе двух правителей, «Ссора Апопи и Секененра». В этом тексте — вполне возможно апокрифическом — царь гиксосов Апопи сетует, что никак не может заснуть по ночам из-за шума, который устраивают в дворцовом пруду гиппопотамы египетского фараона Секененра (тот правил остальной территорией Египта). Жалоба, разумеется, нелепа, поскольку царские дворцы разделяло несколько сот миль — один располагался в Верхнем Египте, другой в Нижнем Египте. Царь гиксосов попросту не мог слышать крики гиппопотамов, как бы громко те ни ревели^[47]. Однако археологи нашли мумию Секененра, и по ранам на его голове, нанесенным боевым топором, очевидно, что фараон был убит в схватке. Сражался ли он с гиксосами? Невозможно сказать наверняка; но не исключено, что Апопи и Секененра бились друг с другом — из-за пресловутых гиппопотамов или по иным причинам.

Сохранилась также надпись, оставленная фараоном Камосом, последним правителем египетской Семнадцатой династии. Камос правил страной из своего дворца в Фивах (Верхний Египет). Фараон приводит подробности решающего — и победного — сражения с гиксосами, которых он называет «азиатами»; надпись, датируемая примерно 1550 годом до нашей эры, гласит:

«Смотри, я пришел! Я удачно осуществляю дело моей рукой. Превосходно мое дело!.. О, азиат мерзопакостный! Смотри, я пью вино твоих садов, отжатое для меня азиатами, из того, что я захватил. Я разорил твое место обитания, я срубил твои деревья. Затем я схватил твоих жен в трюмы кораблей. Я захватил твое колесничье войско. Я не оставил полена... от 3000 кораблей... из молодого кедра, наполненных золотом, лазурным камнем [лазурином], серебром, бирюзой, медными топорами без счета, не считая оливкового масла, ладана, жира, меда... и деревьев их всех ценных».

Камос также упоминает об участии самого Авариса:

«Не оставил я ничего для Авариса из-за зла его... Аварис превратился в реку. Оставил я его... без людей в нем, разорил я их города, сжег я их места, превратившиеся в холмы пепелищ навечно, из-за вреда, содеянного ими в Египте. Было дано им: он [Аварис]услышал крик азиатов, после того как они отступили из Египта — их господина»^[48].

Вот так египтяне изгнали гиксосов из своей страны. Гиксосы бежали обратно в «Речену» (одно из древнеегипетских названий современных Израиля и Сирии, той же области, что была известна египтянам как Па-ка-на-на, или Ханаан). Египтяне между тем основали Восемнадцатую династию, первым правителем которой стал брат Камоса Яхмос, и начался период, в современной историографии именуемый периодом Нового царства.

Аварис и остальная территория Египта были восстановлены, а бывшая столица гиксосов переименована. К правлению Хатшепсут и Тутмоса III, приблизительно шестьдесят лет спустя (ок. 1500 года до нашей эры), Аварис вновь сделался процветающим городом, уже под именем Перунефер; дворцовые фрески в минойском стиле изображали прыжки через быков и другие сцены, более напоминавшие о Крите и бассейне Эгейского моря, чем о самом Египте. Один археолог предположил, что, возможно, состоялось даже царское бракосочетание между египетским правителем и минойской царевной^[49]. Да, на протяжении правления Восемнадцатой и Девятнадцатой династий египетские фараоны нередко женились на чужеземных царевнах, в первую очередь ради того, чтобы скрепить дипломатические союзы или заключить договор с иностранной державой, как мы увидим ниже, но вовсе нет необходимости привлекать политически обусловленный брак, чтобы объяснить появление минойских фресок на стенах египетских дворцов. Имеется достаточно доказательств тесных контактов Восточного Средиземноморья, Египта и бассейна Эгейского моря.

Флешбэк: Месопотамия и минойцы

Множество данных, в том числе археологические артефакты, а также тексты и графические свидетельства, доказывают, что минойцы Крита успели наладить отношения с несколькими областями древнего Ближнего Востока задолго до того, как вступили в контакт с египетскими фараонами Нового царства. К примеру, известно, что изготовленные минойцами предметы перевозились через Эгейское море и Восточное Средиземноморье и доставлялись в Месопотамию, на территорию земли между реками Тигр и Евфрат, уже в восемнадцатом столетии до нашей эры, почти четыре тысячи лет назад.

Сведения об этой древней торговле получены из поселения Мари на западном берегу реки Евфрат (ныне территория Сирии), где французские археологи в 1930-х годах обнаружили клад из более чем двадцати тысяч глиняных табличек с надписями. На это место археологов привели местные жители, случайно откопавшие, как они сначала решили, безголового человека; это оказалась каменная статуя, одна из многих, среди которых нашлась и та, надпись на которой гласила, что это статуя царя древнего города^[50]. Глиняные таблички, тексты на которых были написаны на древнеаккадском, содержали архив царской переписки и другие, более «приземленные» записи, каковые велись правителями Мари, в том числе царем по имени Зимри-Лим, что правил около 1750 года до нашей эры. В табличках упоминается обо всем, что имело отношение к управлению двором и царством в целом, а также из них можно почерпнуть немало интересного о повседневной жизни тех лет.

Одна табличка, например, говорит об обеспокоенности царя качеством льда: Зимри-Лим охлаждал свои летние напитки — вино, пиво и некую жидкость на основе ферментированного ячменя с добавлением либо гранатового сока, либо лакрицы или аниса. Надпись сообщает, что царь повелел построить ледник на берегу Евфрата, и там предполагалось хранить только лед, собранный в горах в течение зимы, пока не потребуется его использовать в жаркие летние месяцы. Зимри-Лим утверждал, что ни один предыдущий царь никогда не

строил подобного ледника, и вполне может быть, что он ничуть не преувеличивал, но само применение льда для охлаждения напитков было не в новинку для этого региона; одному царю пришлось даже напомнить своему сыну, что слуги должны очистить лед, прежде чем класть его в напиток: «Заставь их собирать лед! Пусть они избавят его от веток, навоза и грязи»^[51].

Архив, о котором идет речь, включал также торговые записи и сведения о контактах с другими областями Средиземноморья и Ближнего Востока, причем особо оговаривались необычные предметы, доставленные купцами. Еще мы узнаем из этих табличек, что правители Мари часто обменивались дарами с властителями других городов и царств и что они пользовались услугами врачей, ремесленников, ткачей, музыкантов и певцов, которых рекомендовали друг другу^[52].

Среди экзотических предметов импорта, перечисленных на табличках из Мари, фигурировали кинжал и другое оружие, изготовленное из золота и инкрустированное драгоценным лазуритом, а также одежда и текстиль, «сделанные на кафторианский манер»^[53]. Кафторой (или Каптару) жители Месопотамии и Ханаана называли Крит, а египтяне именовали этот остров Кефтиу. Предметы роскоши проделывали долгий и далекий путь с Крита, приобретая, как принято говорить сегодня, «цену расстояния» в дополнение к той ценности, каковой они обладали изначально благодаря умению мастеров и стоимости материалов, пошедших на их производство.

Одна табличка описывает необычную ситуацию: Зимри-Лим, правитель Мари, посылает пару минойской обуви с Крита в дар царю Вавилонии Хаммурапи. Сообщение очень простое: «Одна пара кожаной обуви в кафторианской манере, каковую во дворец Хаммурапи, царя Вавилонского, Бахди-Лим [официальное имя] отправил, была возвращена»^[54]. Причин возврата подарка не указывается. Может быть, обувь просто не подошла по размеру. Кодекс законов Хаммурапи, где впервые появилось выражение «око за око, зуб за зуб», позже прославленное евреями в Библии, не содержит никаких наказаний за возвращение предметов наподобие обуви.

Немного удивительно, что Хаммурапи отверг кожаные башмаки, не важно, подошли они по размеру или нет, поскольку эта обувь была, вероятно, уникальной и редко встречалась в его владениях в те

времена, учитывая расстояние между Критом и Месопотамией, то есть между современными Грецией, Сирией и Ираком. В подобное путешествие отправлялись после длительной подготовки и совершали, скорее всего, последовательными переходами, когда несколько торговцев или купцов поочередно везли предметы роскоши, каждый на своем этапе пути. С другой стороны, практика обмена подарками между правителями равного положения была хорошо известна на древнем Ближнем Востоке во втором тысячелетии до Рождества Христова^[55]. В таких случаях предметы (дары) доставлялись царскими посланниками, которые отправлялись в чужую страну, выражаясь современным языком, с дипломатической миссией.

Минойцы: их открытие и описание

Из вышесказанного ясно, что минойцы с Крита поддерживали контакты с несколькими областями древнего Ближнего Востока на протяжении среднего и позднего бронзового века, по меньшей мере с 1800 года до нашей эры. В табличках из Мари встречаются прямые упоминания о минойцах и о переводчике с «минойского» (или о переводчике для минойцев), который присутствовал в Угарите, на севере Сирии, в начале восемнадцатого столетия до нашей эры, где минойцы приобретали олово, которое из Мари отсылалось на запад^[56]. Тем не менее можно предположить, что к началу пятнадцатого столетия у Крита стали формироваться особые отношения с Египтом, в правление Хатшепсут, а затем Тутмоса III, и потому наш рассказ логично вести именно с этого времени.

Интересно отметить, что минойская цивилизация была названа так британским археологом сэром Артуром Эвансом в начале 1900-х годов. Мы не знаем, как они сами себя называли, хотя нам известно, что египтяне, хананеяне и жители Месопотамии давали им различные имена. Более того, мы не знаем, откуда они пришли, хотя велик соблазн «назначить» наиболее вероятным регионом их происхождения Анатолию, то есть Турцию.

Зато мы знаем, что они создали цивилизацию на Крите в третьем тысячелетии до нашей эры, и эта цивилизация просуществовала примерно до 1200 года до нашей эры. Где-то на «полпути», приблизительно в 1700 году до нашей эры, остров пострадал от разрушительного землетрясения, после чего потребовалось восстанавливать дворцы в Кноссе и в других поселениях. Минойцы быстро оправились и процветали как самостоятельная цивилизация, пока микенцы из материковой Греции не вторглись на остров во втором тысячелетии до нашей эры; далее остров продолжал благоденствовать под микенцами, пока все не рухнуло ок. 1200 года до нашей эры.

Сэр Артур Эванс начал раскопки на Крите после отслеживания происхождения так называемых молочных камней, которые он увидел выставленными на продажу на рынке Афин. Греческие женщины,

рожавшие или собиравшиеся рожать, носили эти «молочные» камни как амулеты. На камнях были выгравированы символы, которых Эванс никогда раньше не видел, но в которых сразу опознал знаки письма. Эванс проследил их происхождение до кургана в Кноссе (холм Кефала), недалеко от крупного современного города Ираклион на Крите; здесь, кстати, Генрих Шлиман, раскопавший Трою, пытался приобрести землю и начать раскопки, но его затея не удалась. Эванс же смог выкупить землю и приступил к раскопкам в марте 1900 года. Он продолжал работу следующие несколько десятилетий, вложил в этот проект большую часть личного состояния и впоследствии опубликовал свои находки в фундаментальном многотомном труде под названием «Дворец Миноса в Кноссе»^[57].

При помощи доверенного помощника, шотландца Дункана Маккензи^[58], Эванс вскоре обнаружил, что это развалины сооружения, которое он принял за королевский дворец. Он назвал вновь открытую цивилизацию «минойской», в честь легендарного царя Миноса, который будто бы правил Критом в мифологические времена и в подземном лабиринте под дворцом которого якобы обитал Минотавр, наполовину человек, а наполовину бык. Эванс отыскал многочисленные глиняные таблички и другие предметы с надписями на них; надписи были выполнены линейным письмом А (до сих пор нерасшифрованным) и линейным письмом Б (ранняя форма греческого письма, вероятно, занесенная на Крит из Микен). Тем не менее ему не удалось обнаружить самоназвания этого народа, и, как говорилось выше, оно остается неизвестным по сей день, несмотря на длящиеся более ста лет непрерывные раскопки не только в Кноссе, но и во многих других местах на Крите^[59].

Эванс нашел в Кноссе многочисленные импортные артефакты из Египта и с Ближнего Востока, в том числе алебастровую крышку с иероглифами, гласящими: «Благой бог Сеусерен-ра, сын Ра, Хиан»^[60]. Один из наиболее известных царей гиксосов, Хиан, правил в первые годы шестнадцатого столетия до нашей эры. Предметы его времени находят по всему древнему Ближнему Востоку, но как эта крышка попала на Крит, по-прежнему остается загадкой.

Дополнительный интерес вызывает египетская алебастровая ваза, найденная много лет спустя в ходе другой археологической экспедиции, в кургане в местечке Кацамба на Крите, бывшем портовом

городе северного побережья острова, обслуживавшем Кносс. На вазе начертано царское имя фараона Тутмоса III: «Благой бог Мен-хепера, сын Ра, Тутмос, совершил сие преобразование». Это один из немногих предметов с именем фараона, найденных в бассейне Эгейского моря^[61].

Греческий историк пятого столетия Фукидид утверждал, что минойцы располагали флотом и правили морями: «Как нам известно из предания, Минос первым из властителей построил флот и приобрел господство над большей частью нынешнего Эллинского моря» (Фукидид, «История», 1:3–8^[62]). В исторической науке даже появился термин «минойская талассократия» (от *kratia* — власть и *thalassos* — море). Сегодня это предполагаемое морское превосходство минойцев ставится под сомнение, но в египетских надписях встречаются упоминания о «кефтийских лодках» (Кефтиу — египетское название Крита тех времен); впрочем, не ясно, что имелось в виду — лодки с Крита, идущие на Крит или построенные по минойскому образцу^[63].

Преемник Эванса на посту руководителя раскопок, Джон Девитт Стрингфеллоу Пендлбери, весьма интересовался потенциальными связями Египта и Крита; он вел раскопки египетского поселения Амарна (столицы Эхнатона, о которой подробнее будет рассказано ниже), а также в Кноссе. Пендлбери успел опубликовать монографию на эту тему, под названием «Египтика», в которой собрал и каталогизировал все импортные предметы из Египта, найденные в Кноссе и в других местах на острове, прежде чем его расстреляли немецкие десантники, напавшие на Крит в 1941 году^[64].

Эванс и Пендлбери нашли немало импортных предметов в Кноссе, и стало очевидным в последующие десятилетия, что минойцы занимались равно импортом и экспортом, усердно развивая торговые сети и сотрудничая с рядом зарубежных областей помимо Египта. Например, цилиндрические печати из Месопотамии и сосуды из Ханаана были найдены в различных курганах на Крите и датированы средним и поздним бронзовым веком, а минойская керамика и другие предметы (или по крайней мере упоминания о них) обнаружены на территории от Египта, Израиля, Иордании и Кипра до Сирии и Ирака.

Обратно в Египет

Мы должны иметь в виду, что предметы, упомянутые выше, представляют собой лишь малую часть тех товаров, что когда-то пересекали Средиземное море, ибо многие товары позднего бронзового века были, так сказать, скоропортящимися и вряд ли оставили после себя идентифицируемый след. Зерно, вино, пряности, духи, дерево и текстиль почти наверняка давно исчезли. Сырье наподобие слоновой кости, драгоценных камней (лазурит, агат и сердолик) и металлов (золото, медь и олово) также давно подверглось переработке в предметы вроде оружия и ювелирных украшений. Таким образом, наиболее очевидные «вехи» торговых путей и международных контактов той поры почти полностью погибли, сгинули и исчезли без следа еще в глубокой древности. Тем не менее существование торговли скоропортящимися товарами иногда может быть выявлено по письменным текстам либо по настенным изображениям, сохранившимся до настоящего времени. Такие изображения, надписи и литературные источники могут послужить условно-достоверными доказательствами контактов между народами, если, конечно, интерпретировать их корректно. Так, изображения чужеземных народов на стенах ряда египетских гробниц, датируемые правлением фараонов Нового царства, от Хатшепсут до Аменхотепа III, неоценимы в качестве конкретных свидетельств наличия дипломатических, коммерческих и транспортных контактов в пятнадцатом и четырнадцатом столетиях до нашей эры^[65].

Именно в правление Хатшепсут, в пятнадцатом веке до нашей эры, была возведена первая из гробниц, фрески которых изображают эгейские народы. В этих гробницах мы часто видим минойцев, как правило, вместе с товарами, а настенные надписи однозначно идентифицируют их как приплывших с острова Крит. К примеру, в гробнице Сенмута, архитектора Хатшепсут, ее советника и, возможно, любовника, изображено посольство с Эгейского моря, шесть человек несут металлические вазы, явно эгейского стиля^[66].

На другой фреске, внутри гробницы Рехмира, «визиря» Тутмоса III (ок. 1450 года до нашей эры), мы видим людей, одетых в типичные

эгейские мужские юбки и несущих типично эгейские предметы. Рядом написано (частично): «Поднесено в мире вождями Кефтиу» и «Острова посреди моря»; они кланяются и сгибают шеи «перед величием правителя Верхнего и Нижнего Египта»^[67]. Это явно изображение эгейской делегации, прибывшей в Египет, одно из нескольких подобных в египетских гробницах данного периода.

В гробнице Рехмира показаны не только эгейские народы; над ними и снизу изображены посланцы Пунта, Нубии и Сирии, как следует из сопроводительных надписей. Пусть этого нельзя доказать, но кажется вполне вероятным, что мы смотрим на изображение какого-то крупного события, которое произошло в правление Тутмоса III, и что посланцы (или купцы) из бассейна Эгейского моря являются составной частью многонационального сборища, то ли прибывшего добровольно, то ли призванного фараоном. Если так, то, скорее всего, фрески изображают хеб-сед (юбилейный праздник), который первоначально фараон устраивал после тридцати лет правления, а затем — по собственной прихоти; в случае Тутмоса III мы знаем, что он устроил по меньшей мере три таких праздника, что неудивительно, поскольку этот фараон правил пятьдесят четыре года^[68].

В целом известны четырнадцать гробниц, датированных царствованием Хатшепсут и/или Тутмоса III; все они принадлежат высокопоставленным чиновникам и советникам, и фрески в них изображают делегации чужестранцев, посещающие Египет, в том числе делегации эгейских народов, нубийцев и хананеян, причем все держат в руках свои товары^[69]. В девяти гробницах, датированных правлением Тутмоса III, мы видим изображения чужестранцев, подносящих дипломатические дары, приносящих ежегодную дань или участвующих в торговых экспедициях, которые Тутмос отправлял в Ливан за кедровым деревом^[70].

С этого момента сам Кефтиу, люди Кефтиу и кефтийские лодки упоминаются в различных египетских текстах, в том числе в храмовых надписях и в папирусах. Среди наиболее интересных выделим папирус тридцатого года правления Тутмоса III (ок. 1450 года до нашей эры), где говорится о нескольких «кораблях Кефтиу» при перечислении импортных материалов для египетского флота: «Передана ремесленнику [мужское имя] древесина для кефтийского корабля»; «Сегодня выдано мастеру Тити для другого кефтийского корабля на

работу», «Выдано мастеру Ине для другого... кефтийского корабля»^[71]. Надпись на стене храма Амона в Карнаке, датируемая тридцать четвертым годом правления Тутмоса III, тоже упоминает о кефтийских кораблях^[72].

Несмотря на то что до сих пор не ясно, то ли эти корабли из Кефтиу (то есть минойские), то ли способные достичь Кефтиу (то есть египетские корабли), но очевидно, что контакты двух стран были — более того, вполне вероятно прямое сообщение между минойским Критом и Египтом эпохи Нового царства в правление Тутмоса III. Благодаря преобладающим ветрам парусное судно, будь то сегодня или тридцать четыре сотни лет назад, могло относительно легко и спокойно пройти от южного побережья Крита до Мерса-Матрух на северном побережье Египта и оттуда в дельту Нила. Обратное путешествие под парусом было сложнее, вследствие ветров и течений, но все равно оставалось возможным — в определенное время года. Еще можно было двигаться в направлении против часовой движения — из Египта в Ханаан и на Кипр, далее в Анатолию и на Родос, оттуда же на Крит, Кикладские острова и в материковую Грецию, затем обратно на Крит и на юг в Египет.

Как следует из изображения и надписи в гробнице Мен-хепер-расенеба, первого пророка Амона^[73], египтяне знали о существовании минойских царей и считали тех ровней правителям других чужеземных областей. На стенах гробницы мы видим «владыку Кефтиу» (Крита) в компании владыки хеттов (из Анатолии), властелина Тунипа (вероятно, Сирии) и владыки Кадеша (в Сирии). Титул *wr*, используемый для обозначения этих фигур, можно перевести как «принц» или «вождь», и он всегда один и тот же^[74]. Фреска, похоже, подсказывает, что иноземные правители посещали Египет по особым поводам, включая, возможно, и совсем особые. Они все собрались одновременно (быть может, по тому же случаю, который воспроизведен на изображении в гробнице Рехмира) или прибывали каждый по отдельности? Трудно сказать наверняка, но любопытно рассмотреть возможность того, что ведущие фигуры позднего бронзового века съехались в Египте на какое-то важное событие (сегодня высокопоставленные деятели собираются подобным образом на королевскую свадьбу в Великобритании, например, или на саммит G-8).

Тот же титул *ωr* (принц или вождь) находим в хрониках Тутмоса III, который в сорок второй год своего правления упомянул «владыку Танайи»; последним именем египтяне обозначали материковую Грецию. Фараон перечислял дары от эгейских народов, среди которых были серебряный сосуд кефтийского производства и четыре чаши с ручками из серебра. Что интересно, он называл эти предметы словом *inω*, которое обычно переводится как «дань», но в этом случае, скорее всего, означает именно «дар»^[75]. Участие в «обычном» обмене дарами могло быть сочтено как практика ниже достоинства фараона, тогда как обмен дарами с равными (или с почти равными) виделся вполне приемлемым. Мы обсудим это далее в следующей главе, в контексте международной торговли четырнадцатого столетия до нашей эры, «замаскированной» под дарение.

Хатшепсут и Тутмос III

В царствование Хатшепсут, которое предшествовало правлению Тутмоса III, Египет взаимодействовал не только с бассейном Эгейского моря, но и с другими областями древнего Ближнего Востока. Именно Хатшепсут вывела Восемнадцатую династию на дорогу международного сотрудничества и глобального влияния, используя дипломатию, а не войну. В жилах Хатшепсут текла благородная кровь — она приходилась дочерью фараону Тутмосу I и царице Яхмес, хотя следует отметить, что ее отец достиг венценосного статуса лишь за счет брака^[76].

Хатшепсут вышла замуж за собственного сводного брата Тутмоса II, причем этот брак был призван помочь молодому человеку, так как он был только «наполовину венценосным», поскольку его мать принадлежала к числу младших жен фараона. Женидьба на Хатшепсут обеспечила ему легитимность, которую он иначе вряд ли бы обрел. Плодом этого союза стала дочь, а не сын, что было чревато катастрофой для династии. Тем не менее Тутмос прижил сына от девушки из гарема, и этот мальчик воспитывался как Тутмос III, законный наследник своего отца на престоле. К сожалению, когда Тутмос II скоропостижно скончался, мальчик был еще слишком мал, чтобы править самостоятельно. Поэтому Хатшепсут стала управлять страной от его имени, как регент. Но когда наступила пора передать трон юноше, она отказалась это сделать. Она правила более двадцати лет, а Тутмосу III приходилось дожидаться своей очереди^[77].

На протяжении этих двух десятилетий Хатшепсут начала носить традиционную накладную бороду фараонов и другие атрибуты верховной власти, ходила в мужской одежде с подкладкой, скрывая груди и свою женскую конституцию, как можно судить по статуям в Дейр эль-Бахри, ее погребальном храме. Кроме того, она изменила свое имя, придавая ему мужское, а не женское окончание, и сделалась «фараоном Хатшепсу»^[78]. Другими словами, она правила как мужчина, как настоящий фараон, а не просто как регент. В результате сегодня ее признают одной из наиболее выдающихся женщин Древнего Египта, наряду с Нефертити и Клеопатрой. Хатшепсут по-

видимому, больше не вступала в брак после смерти Тутмоса II, но, возможно, взяла в любовники своего архитектора и главного помощника Сенмута; его образ вырезан (быть может, тайно) в погребальном храме Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри, строительством которого он руководил^[79].

Эта выдающаяся правительница отправила мирную торговую экспедицию в Финикию (современный Ливан) за древесиной и на Синай за медью и бирюзой^[80], но самое известное ее деяние — отправка посольства в Пунт на девятом году царствования; хроника путешествия начертана на стенах гробницы в Дейр-эль-Бахри. Точное местонахождение Пунта установить невозможно, ведутся жаркие споры. Большинство ученых помещают эту страну в район Судана, Эритреи или Эфиопии, но другие «примериваются» к иным областям, и чаще всего называется побережье Красного моря, в том числе территория современного Йемена^[81].

Экспедиция Хатшепсут была отнюдь не первой, отправленной из Египта в Пунт, и далеко не последней. Сразу несколько экспедиций отправились в эпоху Среднего царства, а позднее, в середине четырнадцатого столетия до нашей эры, Аменхотеп III направил в Пунт посольство. Тем не менее только в надписях Хатшепсут фигурирует правительница Пунта, «царица Эти», как следует из текста. Изображение этой чужеземной правительницы до сих пор вызывает множество комментариев вследствие ее малого роста, искривленного позвоночника, складок жира и крупного зада; обычно царицу сегодня характеризуют как страдавшую стеатопигией, то есть чрезмерными отложениями жира на животе, на массивных бедрах и ниже спины. На изображении также присутствуют пальмы, экзотические животные и другие приметы «дальней страны», а еще — корабли, на которых египтяне плыли в Пунт и обратно, вплоть до мачт и такелажа.

На тридцать третьем году своего правления, приблизительно в 1450 году до нашей эры, Тутмос III отправил собственную торговую делегацию в страну Пунт. Это событие надлежащим образом отмечено в хронике его царствования — как очередная экспедиция в ту область, отправленная в «год 38-й»^[82]. Эта запись, вкупе со сведениями об отправке экспедиций в Ливан за кедровой древесиной, позволяет установить продолжение торговли между Египтом и иными землями в

правление Тутмоса III, пусть мы только подозреваем, что большая часть «дани» (*inw*), приношение которой изображено в его гробнице, на самом деле являлась купленным (или дарованным) товаром.

Среди отдаленных областей, с которыми Египет, по-видимому, торговал в правление Тутмоса III и от которых фараон будто бы в трех отдельных случаях получал «дань», имелся регион, известный египтянам как Иси; скорее всего, это коалиция городов-государств на северо-западе Анатолии (современная Турция), иначе называемая Ассува, или же Аласия (под этим названием был известен в бронзовом веке Кипр). Писцы Тутмоса упоминали Иси по меньшей мере четырежды в различных надписях, в том числе вместе с Кефтиу на так называемой «поэтической стеле» («Гимн победы»): «Я пришел, чтобы поразить Запад; Кефтиу и Иси застыли в благоговении, и узрели они фараона как молодого быка, твердого сердцем, острого рогами, к кому никто не смеет приблизиться»^[83]. В хрониках девятой кампании Тутмоса, в «год 34-й» (1445 год до нашей эры), говорится, что «вождь Иси» будто бы принес фараону «дань», состоявшую из чистой меди, кусков свинца, лазурита, слоновой кости и древесины. В хрониках тринадцатой кампании, в «год 38-й» (1441 год до нашей эры), сказано, что «владыка Иси» принес «дань» медью и лошадьми, а в описании пятнадцатой кампании, в «год 40-й» (1439 год до нашей эры), сообщается, что «вождь Иси» заплатил «дань» в размере сорока кирпичей меди, одного кирпича свинца и двух слоновьих бивней. Большинство из перечисленного представляло собой типичные дары для контактов на высшем уровне на Ближнем Востоке бронзового века^[84].

Египет и Ханаан в битве при Мегиддо, 1479 год до нашей эры

Мумию Хатшепсут, возможно, наконец-то удалось отождествить: ее недавно отыскиали в гробнице, известной как KV60 («Долина царей», гробница № 60), а не в собственном захоронении (KV20), которое находится в другом месте Долины царей. Хатшепсут одна из немногих женщин удостоилась чести быть похороненной на этом элитном кладбище, зарезервированном, так сказать, для египетских правителей-мужчин. Если обнаруженная мумия действительно принадлежит Хатшепсут, то в старости царица страдала от ожирения, проблем с зубами и рака^[85]. Когда она наконец умерла, примерно в 1480 году до нашей эры, Тутмос III (которого подозревают в причастности к смерти тетки) не тратил время зря: уже в первый год своего правления он выступил на битву. Он также попытался стереть имя Хатшепсут из истории, велел осквернить ее памятники и устранить упоминания из надписей, где это возможно.

Когда Тутмос III начал свою первую кампанию — первую из семнадцати, предпринятых в последующие двадцать лет, — ему удалось, что называется, ворваться в учебники истории, в буквальном смысле слова, ибо маршрут похода и подробности завоеваний 1479 года до нашей эры брались из ежедневных путевых заметок и наносились для потомков на стену храма Амона в египетском Карнаке. Сражение при Мегиддо (позднее получившем известность как библейский Армагеддон) против местных мятежных ханаанских вождей стало первой схваткой, детали которой были записаны и оказались доступными для изучения тех, кто сам не участвовал в битве.

«Отчет» на стене храма гласит, что Тутмос III увел своих людей из Египта на расстояние десяти дней и достиг Йехема (Джехема) далеко на севере. Там он остановился, чтобы провести военный совет и решить, как лучше действовать против укрепленного города Мегиддо, окруженного вдобавок временными станами местных ханаанских правителей, которые подняли восстание против египетского правления после восшествия Тутмоса на престол. От Йехема до Мегиддо можно

было добраться тремя способами: по северному маршруту, который выводил к долине Изреель, в непосредственной близости от Йокнеама; по южному маршруту, который выводил в долину Изреель у Таанаха; и по центральному маршруту, который упирался в сам Мегиддо^[86].

Полководцы фараона, согласно хронике кампании, предлагали выбрать северный или южный маршрут, потому что там горные проходы были шире, а вероятность нападения из засады меньше. Но Тутмос сказал, что именно таких действий и будут ожидать хананеяне; они ни за что не поверят, что кто-то окажется настолько глуп, чтобы идти по центральному маршруту с его узкими проходами и уязвимостью к засадам. Раз так, раз они наверняка мыслят подобным образом, фараон со своим войском пошел по центральному маршруту в надежде застать хананеян врасплох; все случилось в соответствии с его ожиданиями. Египтянам потребовалось почти двенадцать часов, чтобы преодолеть центральный проход (известный в разные времена под названиями Вади-Ара, Нахаль-Ирон и перевал Мусмус), однако они совершили задуманное без помех — и обнаружили, что никто не охраняет ни сам Мегиддо, ни временные станы противника вокруг. Все ханаанские силы были собраны у Йокнеама на севере и Таанаха на юге, как и предсказывал фараон. Единственная ошибка Тутмоса III заключалась в том, что он позволил своим людям разграбить вражеские лагеря, прежде чем захватить город. Эта ошибка дала возможность немногочисленным защитникам Мегиддо, преимущественно старикам, женщинам и детям, запереть городские ворота. Это, в свою очередь, привело к длительной осаде, растянувшейся на семь месяцев, но в итоге город все равно пал.

Приблизительно тридцать четыре сотни лет спустя генерал Эдмунд Алленби применил тактику Тутмоса III — в сентябре 1918 года, в ходе Первой мировой войны, — и тоже добился успеха. Он одержал победу при Мегиддо и взял в плен сотни немецких и турецких солдат, не потеряв никого из собственных воинов и лишившись всего нескольких лошадей. Позже он признался, что прочитал хроники Тутмоса в переводе Джеймса Брестеда на английский язык, и это побудило его повторить маневр фараона. Джордж Сантаяна однажды якобы сказал, что те, кто не изучает историю, обречены ее повторять, но Алленби доказал, что и обратное тоже может быть истиной — те,

кто изучает историю, способны ее успешно воспроизвести, если примут такое решение^[87].

Египет и Митанни

Тутмос III также воевал в северной Сирии, против Митаннийского царства, которое возникло в этой области к 1500 году до нашей эры, и против него уже выступал предок фараона, Тутмос I^[88]. Митаннийское царство продолжало разрастаться и поглощать близлежащие районы, например хурритское царство Ханигальбалат. Впоследствии оно было известно под несколькими названиями, в зависимости от периода времени и от национальной принадлежности хронистов. Египтяне, как правило, называли это царство «Нахарин» или «Нахарина»; хетты говорили о «земле хурри»; ассирийцы упоминали о «Ханигальбате», а сами правители этого государства именовали его Митаннийским царством. Столицу митаннийцев Вашшуканни отыскать пока не удалось. Это одна из очень немногих древних столиц Ближнего Востока, местонахождение которых до сих пор не установлено археологами, несмотря на дразнящие намеки в стародавней эпиграфике и в древних текстах. Некоторые считают, что она может скрываться под курганом Телль аль-Факхарьех в Сирии, к востоку от реки Евфрат; гипотеза не получила подтверждения, хотя нельзя сказать, что никто не пытался подкрепить ее практикой^[89].

Согласно различным текстам, население этого царства примерно на 90 процентов составляли местные хурриты, как их называли, а правили ими оставшиеся 10 процентов; это были митаннийские аристократы, вероятно, индоевропейского происхождения. Данная малочисленная группа, по-видимому, перебравшаяся сюда откуда-то еще, подчинившая себе коренное хурритское население и создавшая Митаннийское царство, включала военную элиту, известную как *maryanni* («воины колесниц»), которая славилась умением использования колесницы в бою и навыками обращения с лошадьми. Один текст, найденный в Хаттусе, столице хеттского государства в Анатолии, содержит «трактат», написанный около 1350 года до нашей эры неким Киккули, митаннийским тренером лошадей, который советует, как воспитывать коня на протяжении 214 дней. Это длинный текст, занимающий более четырех глиняных табличек, но начинается

он просто: «Так говорит Киккули, наставник лошадей из Митаннийской земли»^[90].

В ходе своей восьмой кампании, в «год 33-й» (приблизительно 1446 год до нашей эры), Тутмос III, как и его дед ранее, предпринял одновременное сухопутное и морское нападение на митаннийцев. Сообщается, что он будто бы на лодках переправил свои силы вверх по течению Евфрата, несмотря на трудности движения против ветра и течения, — возможно, в качестве возмездия за участие (недоказанное) митаннийцев в восстании хананеян в первый год правления фараона^[91]. Тутмос разгромил Митанни и повелел установить стелу с памятной надписью в честь победы к северу от Кархемиша, на восточном берегу Евфрата.

Однако митаннийцы недолго пребывали покоренными. В следующие пятнадцать или двадцать лет царь Митанни Сауссадаттар снова приступил к расширению пределов своего царства. Он напал на город Ашшур, столицу Ассирии, и взял в качестве трофея драгоценные ворота из золота и серебра, которые отвез в свой дворец в Вашшуканни, о чем известно из позднего текста в хеттских «архивах» Хаттусы; возможно, он даже осмелился пойти войной на хеттов^[92]. Менее чем за сто лет, ко времени фараона Аменхотепа III (середина четырнадцатого века до нашей эры), отношения между Египтом и Митанни сделались настолько тесными, что Аменхотеп женился не на одной, а сразу на двух митаннийских царевнах.

Митанни, Ассирия, египтяне... Мир становился все более взаимосвязанным, пускай даже только за счет войны.

Восстание Ассува в Анатолии

Любопытно, что Тутмос III поддерживал отношения и, возможно, активно участвовал в коммерческом обмене с отдаленными областями, включая и те, что располагались к северу и западу от Египта. Вполне вероятно, что контакт с конфедерацией Ассува (при условии, что последняя действительно скрывалась за названием «Иси») состоялся именно по инициативе Ассува, а не Египта. Около 1430 года до нашей эры конфедерация подняла восстание против хеттов, правивших центральной Анатолией, и следует допустить, что Ассува искала дипломатических контактов с другими региональными державами на протяжении десятилетия накануне этого восстания^[93].

Данное восстание, прежде вызывавшее интерес лишь немногих ученых, внезапно привлекло к себе внимание в 1991 году, когда строительный бульдозер срезал своим лезвием пласт земли близ места, где некогда находилась Хаттуса, древняя столица хеттов (теперь это два часа езды на машине — 208 км — к востоку от Анкары). Нож бульдозера наткнулся на нечто металлическое. Водитель выскочил из кабины, принялся копать в разрыхленной земле — и извлек длинный, тонкий и удивительно тяжелый предмет зеленого цвета. Очертаниями и на ощупь этот предмет напоминал древний меч, что и подтвердилось, когда находку отчистили от грязи археологи из местного музея.

Впрочем, это был не типичный хеттский меч; оружие относилось к типу, который ранее не встречался в данном регионе. Вдобавок его клинок украшала надпись. Прочсть ее оказалось легче, чем установить происхождение меча, и потому перевод сделали относительно быстро. Надпись в аккадском — языке дипломатии бронзового века на Ближнем Востоке — была выполнена клинописными знаками и гласила: «i-nu-ma ‘«Du-ut-ha-li-ya LUGAL.GAL KUR ^{URU} A-as-su-wa u-hal-liq GIR^{HI.A} an-nu-tim a-na ^DIškur be-li-su u-se-li». Для тех немногочисленных читателей, кто не сведущ в аккадском, привожу перевод: «Дутхалия, великий царь, разорил страну Ассува и посвятил эти мечи богу бури, своему господину»^[94].

Надпись, очевидно, указывает на так называемое восстание Ассува, которое хеттский царь Тудхалияс I/II подавил приблизительно в 1430 году до нашей эры (в литературе этот царь обозначается как «I/II», поскольку неизвестно наверняка, был ли он первым или вторым царем этого имени). Ученые, изучавшие историю хеттов, были, разумеется, хорошо осведомлены об этом восстании — благодаря ряду клинописных текстов на глиняных табличках, найденных немецкими археологами при раскопках Хаттусы; однако меч оказался первым оружием — и вообще первым артефактом, если на то пошло, — который можно было непосредственно связать с этим событием. Как явствует из надписи, в будущем возможно отыскать и другие мечи. Но прервемся ненадолго; прежде чем продолжить, проведем некоторое время среди хеттов, установим местонахождение Ассува и изучим восстание подробнее. Нужно разобраться в том, почему это событие является признаком древнего «интернационализма» и почему оно — потенциально — доказывает, что Троянская война велась двумя столетиями ранее и по причинам, отличным от тех, которые называет Гомер.

Экскурс: открытие и описание хеттов

Прежде всего примем к сведению, что хетты, несмотря на то что они правили обширной империей в своих родных землях центральной Анатолии на протяжении большей части второго тысячелетия до нашей эры, оставались неведомыми истории — по крайней мере географически, — и ситуация изменилась лишь около двухсот лет назад^[95].

Исследователям Библии хетты знакомы по немногим упоминаниям в Ветхом Завете, где их перечисляют среди прочих народов с окончанием на «-ей» (хеттеи, евеи, аморреи, иевусеи и так далее), что населяли Ханаан в конце второго тысячелетия до нашей эры, взаимодействуя и в конце концов покорившись иудеям/израильтянам. Мы знаем, например, что Авраам купил участок для захоронения своей жены Сары у Ефрона Хеттеянина (Быт 23:3–20); что жена царя Давида Вирсавия была сначала замужем за Урией Хеттеянином (2 Цар 11:2–27); что среди жен царя Соломона были и «хеттеянки» (3 Цар 11:1). Впрочем, ранние попытки отыскать хеттов в «библейских» землях не увенчались успехом, несмотря на конкретные географические указания, озвученные Моисею из неопалимой купины: «Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей [и ввести его] в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед, в землю Хананеев, Хеттеев, Аморреев, Ферезеев, [Гергесеев,] Евеев и Иевусеев» (Исх 3:7)^[96].

Между тем исследователи девятнадцатого столетия, такие как Иоганн Людвиг Буркхардт, швейцарский ученый со склонностью рядиться в ближневосточные одеяния (он даже именовал себя «шейхом Ибрагимом»), поскольку это якобы облегчало поиски, обнаруживали наследие ранее неведомой цивилизации бронзового века, в первую очередь на центральном плато Турции. Постепенно удалось, что называется, сопоставить одно с другим. В 1879 году на конференции в Лондоне уважаемый ассириолог А. Г. Сэйс объявил, что государство хеттов находилось не в Ханаане, а в Анатолии — то есть в Турции, а не в Израиле/Ливане/Сирии/Иордании. Его заявление было принято научным сообществом и в целом не подвергается сомнению по сей

день, но поневоле задаешься вопросом, почему в Библии все настолько перепутано.

Ответ на самом деле довольно прост. Подобно тому как Британская империя раскинулась по миру далеко от Англии, империя хеттов тоже «распростерлась» географически — на запад, в Турцию, и на юг, в Сирию. В некоторых бывших владениях Британской империи продолжали играть в крикет и соблюдать фэйф-о-клок многие годы после падения империи, и аналогичным образом в отдельных областях бывлой империи хеттов на севере Сирии отчасти сохранялись хеттские культура, язык и религия (более того, эти регионы столь рьяно цеплялись за прежние обычаи, что их население сегодня называют «новыми хеттами»; они процветали в начале первого тысячелетия до нашей эры). К тому времени, когда была записана Библия (между девятым и седьмым столетиями до нашей эры, согласно специалистам), «оригинальные» хетты давно исчезли, но их преемники, «новые хетты», прочно обосновались в северной части Ханаана. Оттуда они, без сомнения, взаимодействовали с израильянами и другими народами Леванта, благодаря чему попали в библейский текст и — непреднамеренно — сбили с толку позднейших исследователей, искавших «первоначальных» хеттов^[97].

А когда археологи принялись раскапывать хеттские городища и переводить многочисленные глиняные таблички, найденные в этих местах, стало понятно, что сам этот народ называл себя вовсе не хеттами. Чаще всего они именовали себя «нешитами» или «нештианами», по названию города Неша (ныне Кюльтепе/Кенеш в каппадокийской Турции). Этот город около двух сотен лет являлся столицей местной индоевропейской династии, но затем царь по имени Хаттусилис (что означает «человек из Хаттусы»), приблизительно около 1650 года до нашей эры, перенес столицу восточнее, отстроив город Хаттуса. Мы по-прежнему называем этот народ хеттами исключительно потому, что имя утвердилось в историографии и научной литературе до того, как были переведены таблички с самоназванием народа^[98].

Место для новой столицы, Хаттусы, подбиралось тщательно. Столица была столь надежно укреплена и столь выгодно расположена географически — единственный проход к городу вел по узкой долине, — что ее брали штурмом всего дважды за пятьсот лет

существования (вероятно, оба раза «отличились» соседи, племена, именовавшие себя кашка). Раскопки позволили отыскать тысячи глиняных табличек; с 1906 года на месте Хаттусы работали немецкие археологи, такие как Гуго Винклер, Курт Биттель, Петер Неве и Юрген Зеер. Среди этих табличек нашлись письма и документы из, выражаясь современным языком, официального государственного архива, а также стихи, художественные повествования, исторические сочинения, религиозные тексты и прочие разновидности письменных документов. Совокупно они позволяют собрать воедино историю не только хеттских правителей и их взаимодействия с другими народами и царствами, но и историю обычных людей, в том числе историю повседневной жизни, и получить представление об общественном устройстве, верованиях и законодательстве (упомяну довольно забавный закон: «Если кто укусит за нос свободного человека, он должен заплатить 40 шекелей серебра»^[99]; интересно, как часто подобное случалось).

В документах говорится, что царь хеттов по имени Мурсилис I, внук и наследник вышеупомянутого Хаттусилиса I, преодолел с войском путь до Месопотамии, более тысячи миль, и напал на город Вавилон в 1595 году до нашей эры; он сжег Вавилон дотла и тем положил конец двухсотлетнему правлению династии, прославленной «Законодателем» Хаммурапи. Затем царь, не пожелав занимать территорию, просто-напросто развернул войско и двинулся обратно, завершив этаким длиннейшим «марш-бросок с боестолкновением» в истории. Одним из последствий его действий стало то, что прежде неведомый народ касситов занял сожженный Вавилон и затем правил в восстановленном городе несколько следующих столетий.

Первая половина истории хеттского государства (так называемое древнехеттское царство) известна благодаря военным походам царей наподобие того же Мурсилиса, но нас гораздо больше интересует вторая половина. В историографии этот период обозначают как эпоху хеттской империи^[100], которая достигла высот могущества в позднем бронзовом веке (с начала пятнадцатого столетия до нашей эры и до первых десятилетий двенадцатого столетия до нашей эры). Среди величайших правителей империи необходимо выделить Суппилиумаса I, с которым мы ближе познакомимся в следующей главе и который обеспечил хеттам доминирующее положение на

древнем Ближнем Востоке, покорив обширную территорию и на равных общаясь с египетскими фараонами Нового царства. Одна овдовевшая египетская царица даже просила у Суппилулиумаса руки одного из царских сыновей и заверяла, что ее муж будет править Египтом вместе с женой. Не установлено точно, о какой именно царице речь и чьей вдовой она была, но хорошо осведомленные специалисты говорят, что это, скорее всего, Анхесенамон^[101], а почивший правитель Египта — фараон Тутанхамон.

Восстание Ассува и «вопрос Аххиявы»

Вернемся теперь приблизительно в 1430 год до нашей эры, когда хетты и их царь Тудхалияс I/II столкнулись с конфедерацией государств-«отступников». Эти государства известны под общим названием «Ассува». Они находились в северо-западной Турции, на побережье Дарданелл, то есть там, где воевали за Галлиполи в ходе Первой мировой войны. Хеттские таблички называют поименно все двадцать два государства конфедерации, поднявшие восстание против хеттов. Большинство из этих названий мало что значат для современного исследователя и не могут быть соотнесены с конкретной местностью, но вот с двумя последними в списке дело обстоит иначе — это «Вилусия» и «Таруйша», что, скорее всего, означает Трою и ее окрестности^[102].

Восстание, по-видимому, началось, когда Тудхалияс возвращался со своим войском после военной кампании в западной Анатолии. Узнав о мятеже, хеттское войско развернулось и двинулось на северо-запад, чтобы усмирить мятежников Ассува. Таблички сообщают, что Тудхалияс лично вел войско и разгромил конфедерацию Ассува. Из древних текстов следует, что десять тысяч пленных воинов, шестьсот групп лошадей и колесничих, а также «покоренное население, волов, овец [и] земельные владения» отвели в Хаттусу в качестве военных трофеев^[103]. Среди пленников были царь Ассува и его сын по имени Куккули, наряду с несколькими другими членами царского рода и их семьями. Со временен Тудхалияс сделал Куккули правителем Ассува и восстановил конфедерацию в качестве вассала хеттского государства. Однако Куккули не оценил милости и тоже восстал — лишь для того, чтобы хетты снова победили. Бунтовщика предали смерти, конфедерация Ассува была уничтожена и навсегда исчезла с лица земли. Ее наследием можно считать современное название «Азия»; кроме того, возможно, память сохранилась в истории Троянской войны — по мнению ученых, названия Вилусия и Таруйша имеют сильное сходство с названиями, которые давались в бронзовом веке городу Троя (он же Илион) и его окрестностям, то есть Троаде.

Вот тут-то и нужно вспомнить о мече, найденном в Хаттусе, с надписью, оставленной царем Тудхалиясом; как уже упоминалось выше, это меч не местного производства. Оружие такого типа использовалось преимущественно в материковой Греции в пятнадцатом столетии до нашей эры. Иными словами, это микенский меч (или очень хорошая имитация подобного меча). Как такой меч оказался в хеттских руках в ходе подавления восстания Ассува — вопрос, на который пока нет ответа; сражался ли им ассуванин, или микенский наемник, или кто-то третий?

Ассува и/или восстание упоминаются еще в пяти хеттских табличках помимо первой, с самым долгим изложением. Одна, например, подтверждает событие, ибо начинается с однозначного заявления: «Так говорит... Тудхалияс, великий царь: Когда я разрушил Ассува и вернулся в Хаттусу...»^[104] Наиболее любопытным представляется частично сохранившееся письмо, где отсутствует немалая часть текста, но где дважды говорится о царе Ассува и один раз о Тудхалийсе; это письмо посвящено какой-то военной кампании, и в нем упоминаются также земля Аххиявы, царь Аххиявы и острова, принадлежащие царю Аххиявы. Письмо сильно повреждено, поэтому не следует (хотя искушение велико) проводить параллели между Ассува и Аххиявой в пределах данного текста, но кажется, что между двумя названиями в древности имелась некая связь^[105].

Данное письмо — KUB XXVI 91, по первоначальной немецкой публикации, — долго считалось посланием царя хеттов правителю Аххиявы, но недавно была выдвинута гипотеза, что на самом деле это послание хеттскому царю от правителя Аххиявы, а значит, это единственное подобное письмо, связанное с упомянутой местностью и упомянутым правителем^[106]. Но что это за местность и что за правитель? Где находилась Аххиява? Этот вопрос не давал покоя исследователям на протяжении большей части минувшего столетия, но все-таки большинство ученых согласны с тем, что речь идет о материковой Греции и микенцах, возможно, проживавших в самом городе Микены. отождествление производится на основании двадцати пяти табличек хеттского архива в Хаттусе, в которых встречается название «Аххиява» в любом контексте (на протяжении почти трехсот лет — с пятнадцатого по конец тринадцатого века до нашей эры); после тщательного и исчерпывающего анализа установлено, что под

Аххиявой подразумевается только микенская материковая Греция^[107].
Опять-таки следует ненадолго отвлечься — на сей раз ради микенцев, — прежде чем продолжать рассказ.

Экскурс: открытие и описание микенцев

Микенская цивилизация впервые привлекла внимание широкой общественности почти сто пятьдесят лет назад, в середине и конце восемнадцатого столетия, благодаря Генриху Шлиману, которого прозвали «отцом микенской археологии». Шлимана современные археологи предпочитают ненавидеть, отчасти из-за его примитивных методов раскопок, а отчасти потому, что совершенно непонятно, насколько можно доверять ему самому и его отчетам. По результатам раскопок начала 1870-х годов на холме Гисарлык в северо-западной Анатолии, который он отождествлял с Троей, Шлиман решил, что, поскольку он отыскал «троянскую» сторону Троянской войны (об этом ниже), теперь следует найти и «микенскую» сторону.

Искать следы микенцев в материковой Греции было несравнимо легче, чем пытаться найти Трою в Анатолии, ибо развалины древних Микен все еще виднелись на поверхности земли; в том числе выступала и верхушка знаменитых «Львиных ворот», которые обнаружили и частично восстановили несколькими десятилетиями ранее. Местные жители соседней деревни Микенай с готовностью отвели Шлимана к развалинам, и он приступил к раскопкам в середине 1870-х годов. У него не было разрешения на работу, но это не останавливало его раньше и не остановило теперь. Вскоре он наткнулся на вереницу купольных гробниц^[108], заполненными костями, оружием и золотом, что превзошло все его смелейшие ожидания. Он потряс мир, отправив королю Греции телеграмму, где сообщалось, что он «посмотрел в лицо Агамемнону»^[109].

Конечно, Шлиман — который сильно ошибался, даже когда бывал прав, — неверно датировал возраст гробниц и останков. Теперь мы знаем, что эти купольные гробницы-могилы (окружающие Микены двумя широкими рядами) датируются периодом ближе к возникновению города и величию цивилизации (1650–1500 годы до нашей эры), а не временем Агамемнона и Ахилла (приблизительно 1250 год до нашей эры). Что ж, возможно, Шлиман «промахнулся» на четыре столетия, зато раскопки вел в правильном месте. Он далеко не единственный из археологов изучал эти постройки бронзового века —

другие ученые, такие как Кристос Цунтас и Джеймс Мэнатт, также активно вели раскопки и делали свое дело лучше Шлимана, — но он единственный владел вниманием публики вследствие громких заявлений о Трое и Троянской войне, как мы увидим далее^[110].

Шлиман копал в Микенах и поблизости, в Тиринфе, а также в других местах, еще несколько сезонов, прежде чем вернуться в Трою, чтобы возобновить раскопки в 1878 году и в 1880-х годах. Еще он пытался работать в Кноссе на Крите, но не добился успеха. К счастью для археологии, исследование древних Микен продолжили другие ученые. Особо отмечу двоих: американца из университета Цинциннати по имени Карл Блеген и англичанина из Кембриджа по имени Алан Вейс. Они в итоге объединили усилия, чтобы «оформить каркас» изучения микенской цивилизации и истории ее развития и гибели.

Вейс руководил британскими раскопками в Микенах несколько десятилетий с 1920-х годов, а Блеген не только работал в Трое с 1932 по 1938 год, но и копал в Пилосе на юге Греции. В Пилосе, в первый же день раскопок в 1939 году, Блеген и его команда обнаружили несколько глиняных табличек из того, что оказалось огромным архивом текстов, написанных линейным письмом Б^[111]. Вторая мировая война временно остановила работу археологов, но после войны раскопки возобновились в 1952 году. В том же году английский архитектор Майкл Вентрис убедительно доказал, что линейное письмо Б представляет собой раннюю версию древнегреческого алфавита.

Перевод текстов на линейном письме Б, найденных в Пилосе, Микенах, Тиринфе и Фивах, а также в Кноссе, продолжается по сей день и открывает все новые «окна» в микенский мир. Текстовые свидетельства дополняют сведения, почерпнутые в ходе археологических раскопок, и позволяют археологам реконструировать жизнь Греции бронзового века, подобно тому как сделали это их коллеги, трудившиеся в Египте и на Ближнем Востоке и пользовавшиеся переводами египетских, хеттских и аккадских текстов. Проще говоря, археологические артефакты в сочетании с текстами предоставили современным ученым возможность реконструировать древнюю историю.

Теперь мы знаем, что микенская цивилизация родилась, по сути, в семнадцатом столетии до нашей эры, примерно тогда же, когда минойский Крит оправлялся после катастрофического землетрясения,

которое ознаменовало (в археологической традиции) переход от первого ко второму Дворцовому периоду на острове. Вейс и Блеген дали хронологическим периодам микенской цивилизации общее название позднего элладского периода, с подразделением на позднеэлладские периоды I и II, датируемые промежутком с семнадцатого по пятнадцатое столетие до нашей эры, и позднеэлладский период III; последний, в свою очередь, делится на три периода: IIIA — четырнадцатое столетие, IIIB — тринадцатое столетие, IIIC — двенадцатое столетие до нашей эры^[112].

Причины возвышения и расцвета микенской цивилизации до сих пор остаются предметом обсуждения среди археологов. Одно раннее предположение гласило, что микенцы помогли египтянам изгнать гиксосов из Египта, но сегодня такая точка зрения не является общепринятой. Если артефакты, найденные в купольных гробницах Микен, могут служить доказательством, значит, в древности Микены испытывали влияние Крита. Сэр Артур Эванс считал, что минойцы вторглись в материковую Грецию, однако Вейс и Блеген выдвинули обратную гипотезу; сегодня все ученые разделяют их мнение. Теперь ясно, что когда микенцы захватили Крит, то они заодно присвоили международные торговые пути в Египет и на Ближний Восток. Относительно внезапно они сделались игроками на «космополитической» сцене и продолжали играть эту роль следующие несколько столетий, до окончания позднего бронзового века.

Египтяне, видимо, называли микенцев «танайя», тогда как хетты именовали их «народом Аххиява», а хананеяне (если опираться на тексты из Угарита, чуть севернее, в Сирии) говорили о «хийава»; так или иначе эти топонимы неприменимы ни к кому, кроме микенцев. Если же имелись в виду не микенцы, тогда этот народ попросту отсутствует в текстах египтян и других великих держав позднего бронзового века на Ближнем Востоке, что кажется маловероятным, учитывая количество микенских ваз и сосудов, обнаруженных в регионе и датируемых промежутком с четырнадцатого по двенадцатый век до нашей эры^[113].

Ранняя Троянская война?

Если Аххиява обозначает одновременно материковую Грецию в целом и Микены в частности и если письмо из Хаттусы, известное как KUB XXVI 91, указывает, что Аххиява имела какое-то отношение к Ассува в ходе восстания конфедерации против хеттов, какой вывод можно сделать? Само письмо и все упоминания о восстании Ассува датируются 1430 годом до нашей эры, что примерно на двести лет опережает общепринятую дату Троянской войны (обычно ее относят к промежутку между 1250 и 1175 годами до нашей эры). Все приведенные выше данные, включая микенский меч с аккадской надписью из Хаттусы, могут, конечно, оказаться совершенно случайными совпадениями. Тем не менее их вполне возможно истолковать как указание на то, что воины эгейских народов в бронзовом веке были вовлечены в восстание Ассува против хеттов. Если так, можно предположить, что именно эта помощь была зафиксирована в записях современников-хеттов и впоследствии перетекла расплывчатыми образами в литературную традицию архаической и классической Греции — не как Троянская война, а как череда битв и набегов перед Троянской войной, участие в которых приписывалось Ахиллу и другим легендарным ахейским героям^[114].

Ученые теперь соглашались с тем, что даже в гомеровской «Илиаде» наличествуют описания воинов и событий, предшествовавших традиционной датировке Троянской войны 1250 годом до нашей эры. Здесь и «башенный» щит Аякса (тип, который вышел из употребления задолго до тринадцатого столетия до нашей эры); здесь и «серебряногвоздные» мечи героев (*phasganon arguwelon* или *xiphos arguroelon*), дорогой тип оружия, также вышедший из употребления задолго до Троянской войны. А история Беллерофонта, изложенная в песни VI «Илиады» (строки 178–240), повествует о греческом герое, почти наверняка совершавшем подвиги до даты Троянской войны. Протей, царь Тиринфа, отправляет Беллерофонта из Тиринфа в материковой Греции в Ликию (Анатолия). Выполнив три задания и преодолев многочисленные дополнительные препятствия, герой в конечном счете получает в награду царство в Анатолии^[115].

Кроме того, в «Илиаде» говорится, что задолго до времен Ахилла, Агамемнона, Елены Прекрасной и Гектора — фактически в молодости отца Приама, Лаомедонта — греческий герой Геракл разграбил Трою. Ему понадобилось всего шесть кораблей (песнь V, строки 638–642^[116]):

«И каков, повествуют, великая сила Геракла,
Был мой родитель, герой дерзновеннейший, львиное сердце!
Он, приплывши сюда, чтоб взыскать с Лаомедона коней,
Только с шестью кораблями, с дружиною ратною малой,
Град Илион разгромил и пустынными стогны оставил!»^[117]

Как уже отмечалось в другом месте, если искать историческое событие, с которым может быть связана догомеровская традиция участия ахейских воинов в сражениях на земле Анатолии, восстание Ассува ок. 1430 года до нашей эры выделяется как одно из крупнейших военных столкновений в северо-западной Анатолии до начала Троянской войны и как одно из немногих событий, к которым можно условно «привязать» микенцев (народ Аххиява) посредством текстовых свидетельств наподобие хеттского письма KUB XXVI 91, о чем говорилось выше. Посему вполне логично задаться вопросом, явился ли данный инцидент исторической основой для рассказов современников-хеттов о микенских воинах или наемниках, сражавшихся в Анатолии, и породил ли он повествования о военных походах ахейцев в Анатолию до Троянской войны^[118]. Также стоило бы уточнить, какое влияние это восстание, которое Ассува явно готовили долгое время, оказало на их обращения к Тутмосу III в конце 1440-х и начале 1430-х годов до нашей эры.

Заключительные замечания

Авторитетный историк искусства Хелен Кантор однажды заметила: «Свидетельства, сохраненные для нас ходом времени, составляют лишь малую долю того, что существовало когда-то. Каждый импортированный сосуд... олицетворяет десятки исчезнувших»^[119]. В самом деле, большая часть товаров, перевозившихся туда и обратно, скорее всего, была скоропортящейся — и давно исчезла — или относилась к категории сырья, которое немедленно перерабатывали в артефакты, будь то оружие или ювелирные изделия. С учетом этого следует иметь в виду, что торговля между бассейном Эгейского моря, Египтом и Ближним Востоком в бронзовом веке была куда масштабнее, чем кажется по картине в результате археологических раскопок.

Возможно, именно в этом контексте надлежит толковать минойские изображения, найденные Манфредом Битаком во дворце Тутмоса III в Телль эд-Дабе. Пусть их вряд ли рисовали по прихоти минойской царевны, эти изображения безусловно свидетельствуют о том, до какой степени были развиты международные контакты и торговля и сколь широкими были «сферы влияния» в древнем Средиземноморье в пятнадцатом столетии до нашей эры, когда связи поддерживались даже с отдаленным минойским Критом.

Мы можем охарактеризовать это столетие как период, в который происходило укрепление международных связей на постоянной основе по всему древнему средиземноморскому миру, от Эгейского моря до Месопотамии. К этому времени минойцы и микенцы бронзового века прочно утвердились в своих землях, как и хетты в Анатолии. Египтяне изгнали из своей страны гиксосов и основали, в современной терминологии, Восемнадцатую династию, первую династию эпохи Нового царства.

Впрочем, как мы увидим далее, это было лишь начало временного периода, который станет «золотым веком» интернационализма и глобализации в четырнадцатом столетии до нашей эры. Например, многочисленные военные кампании и дипломатия Тутмоса III в «попят» мирных торговых экспедиций Хатшепсут и ее собственных

завоеваний^[120] вознесли Египет на вершину международного могущества и обеспечили процветание, которого эта страна по большому счету прежде не знала. Как следствие, Египет сделался одной из великих держав на протяжении оставшейся части позднего бронзового века, наряду с государством хеттов, Ассирией и касситской Вавилонией. При этом на арене присутствовали и другие игроки — Митаннийское царство, минойцы, микенцы и киприоты, о которых будет подробнее рассказано в следующей главе и далее.

Глава 2

Действие второе.

«Незабываемый роман»^[121] в эгейских тонах: четырнадцатое столетие до нашей эры

Возвышаясь более чем на шестьдесят футов, обреченные стоять на страже на протяжении последующих тридцати четырех сотен лет, пусть даже погребальный храм за ними был разграблен, лишился части своих великолепных каменных блоков и медленно рассыпался в пыль, две огромные статуи охраняют вход в погребальный храм Аменхотепа III в Ком эль-Хеттане; их ошибочно называют Колоссами Мемнона вследствие отождествления с Мемноном, мифологическим эфиопским царевичем, убитым под Троей Ахиллом. Каждая статуя изображает сидящего Аменхотепа III, фараона Египта с 1391 по 1353 год до нашей эры. Отчасти из-за упомянутой ошибочной идентификации эти колоссы были известны уже две тысячи лет назад; древние греки и римляне, знакомые с «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера, приезжали сюда — и вырезали граффити на ступнях колоссов. Одна статуя, поврежденная землетрясением в первом веке до нашей эры, издавала, как считалось, жуткий свистящий звук на рассвете (камень сжимался от ночного холода и снова расширялся с восходом). К сожалению для древней туристической индустрии, реставрационные работы, устроенные римлянами во втором веке нашей эры, наконец покончили с ежедневным «вещанием бога»^[122].

Сколь бы ни были они привлекательны сами по себе, эти два колосса не имеют отношения к нашей истории о важных событиях четырнадцатого столетия до нашей эры — в отличие от пятого из пяти оснований статуй, что стояли в ряду с севера на юг в пределах территории, где когда-то располагался погребальный храм. Храм

помещался на западном берегу Нила, близ некрополя, известного ныне как Долина царей, напротив современного города Луксор. Каждое из пяти оснований служило опорой гигантской статуе фараона, однако эти статуи уступали ростом колоссам у входа к храму. Двор, где они находились, вмещал почти сорок таких статуй и столько же оснований.

Эгейский список Аменхотепа III

Каждое из пяти оснований, подобно многим другим, украшено вереницей географических названий, которые вырезаны в камне и заключены, как говорят египтяне, в «укрепленный овал» — то есть в удлиненный овал, поставленный вертикально, с малыми выступами по всему периметру. Этот символ обозначал укрепленный город заодно с дозорными башнями (отсюда многочисленные выступы). Каждый такой овал изображен на нижней части тела пленника, руки которого связаны за спиной и скручены в локтях; иногда веревка также обхватывает шею пленника и соединяет его с другими несчастными, стоящими впереди или позади. Таков традиционный для эпохи Нового царства способ изображения чужеземных городов и иных стран; даже если египтяне фактически не контролировали эти города и страны и даже не помышляли об их завоевании, они все равно заключали имена и названия в подобные «укрепленные овалы», следуя негласным художественным и политическим установкам — возможно, ради хотя бы символического господства.

Все вместе названия на основаниях статуй формировали ряды географических списков, которые характеризовали мир, известный египтянам времен Аменхотепа III, то есть самого начала четырнадцатого столетия до нашей эры. В списках мы встречаем имена наиболее значимых народов и важнейших стран Ближнего Востока; в частности, перечисляются хетты на севере, нубийцы на юге, ассирийцы и вавилоняне на востоке. Эти списки — уникальное явление в истории Египта.

С первого же взгляда поражает список, вырезанный каменотесом на основании пятой статуи, поскольку там приведены названия, никогда прежде не упоминавшиеся в египетских надписях. Это названия городов и мест, расположенных к западу от Египта, — диковинные названия наподобие Микен, Нафплиона, Кносса, Кидонии и Китиры, нанесенные на левую переднюю часть и на левую сторону основания; еще два названия начертаны на правой передней части, как если бы это были титулы, помещенные во главе списка: «Кефтиу» и «Танайя».

Каково значение этого списка и что олицетворяют собой названия? За последние сорок лет современные археологи и египтологи неоднократно обсуждали и продолжают обсуждать значимость пятнадцати названий на основании этой статуи; сам же перечень обычно именуют «эгейским списком».

Немецкие археологи первыми обнаружили основания этой и других статуй в 1960-х годах, но в 1970-х артефакт был случайно уничтожен. Согласно одному не имеющему подтверждений рассказу, бедуины из местного племени развели костер под основанием и лили на камень холодную воду, чтобы отломить фрагмент с надписью и затем продать коллекционерам древностей. Официальная версия гласит, что ущерб артефакту нанес стихийно возникший пожар. Так или иначе, основание статуи расколосось почти на тысячу фрагментов. До недавнего времени археологам были доступны лишь несколько цветных фотографий исходного основания, и это было чрезвычайно огорчительно: ведь тринадцать из пятнадцати названий в данном списке никогда прежде не фигурировали в египетских надписях... и никогда не будут фигурировать снова.

Современные туристы, которых, как правило, провозят мимо развалин на автобусах с кондиционером по пути к близлежащей Долине царей, видят основания статуй и сами статуи — воссозданные и вновь изнемогающие под палящим солнцем, впервые более чем за три тысячи лет. В 1998 году многонациональная команда во главе с египтологом Хуриг Сурузьян и ее мужем Райнером Штадельманом, бывшим директором Немецкого археологического института в Каире, возобновила раскопки в Ком эль-Хеттане. С тех пор они приезжают туда каждый год и восстановили фрагменты разрушенного основания с «эгейским списком», а также соседние основания. Сейчас все артефакты находятся в процессе реконструкции. Восемьсот фрагментов «эгейского списка» потребовали более пяти лет на приведение в порядок^[123].

Лишь два названия в «эгейском списке» были знакомы древнеегипетским писцам и современным египтологам — те самые, которые выступают этакими титулами в верхней части списка: «Кефтиу», то есть египетское название острова Крит, и «Танайя», вероятно, египетское обозначение материковой Греции. Эти два названия появляются в египетских текстах в правление царицы

Хатшепсут и фараона Тутмоса III, почти за сто лет до Аменхотепа, но нигде больше им не составляли компанию топонимы городов и местностей на побережье Эгейского моря.

Другие названия в этом списке настолько необычны и все же настолько узнаваемы, что первый египтолог, опубликовавший их на английском языке, профессор Кеннет Китчен из университета Ливерпуля, первоначально опасался давать перевод, не желая делаться мишенью для насмешек коллег. В кратком описании основания статуи, длиной всего несколько страниц, в научном журнале «Ориенталия» (1965) профессор Китчен осторожно замечал: «Я едва отваживаюсь высказывать соответствующую идею; читатели вправе игнорировать ее, если она покажется необоснованной. Два названия, Амниси и Кунуса, подозрительно напоминают названия городов Ам-ниссос и... Кносс, знаменитых древних поселений на северном побережье Крита»^[124].

В последующие годы ряд ученых работали над расшифровкой названий в списке и пытались разгадать, какие местности за ними скрываются. Немецкий исследователь Эльмар Эдель опубликовал первый тщательный обзор надписей на всех пяти основаниях статуй в 1966 году; второе издание, с дополнениями, изменениями и исправлениями, увидело свет всего несколько лет назад, сорок лет спустя, в 2005 году. За этот промежуток многие другие ученые посвятили немало времени и сил составлению возможных интерпретаций списка^[125].

Вверху списка, после «титულных» Кефтиу (Крита) и Танайи (материковой Греции), значатся несколько названий важных минойских поселений на острове Крит, включая Кносс и его порт Амниссос, а также Фест и Кидонию, причем названия перечисляются по местоположению поселений с востока на запад. Все эти поселения либо имели минойские дворцы, либо, в случае Амниссоса, служили портом для близлежащего минойского дворца. Далее по списку идет остров Китира, расположенный на полпути между Критом и материковой Грецией; затем перечисляются важные микенские области и поселения в материковой Греции, в том числе сами Микены, их порт Нафплион, область Мессения и, возможно, город Фивы в Беотии. Замыкают список другие названия с минойского Крита, на сей раз в порядке с запада на восток — и снова упоминается Амниссос.

Данный список подозрительно смахивает на описание кругового маршрута путешествия из Египта на эгейское побережье и обратно. В соответствии с порядком названий путешественники из Египта сначала плыли на Крит, возможно, посещали венценосных особ и купцов, с которыми египтяне к тому моменту вели дела уже почти сто лет. Затем они через Китуру переправлялись в материковую Грецию, дабы навестить микенцев — новую силу в регионе, перехватывавшую у минойцев торговые пути в Египет и на Ближний Восток. А потом возвращались в Египет через Крит, поскольку это был самый быстрый и прямой маршрут, пополняя в Амнессосе запасы воды и снеди; это был последний «промежуточный» порт на пути домой (и первая остановка в начале путешествия).

Списки на основаниях статуй представляют собой каталог мира, известного египтянам времен Аменхотепа III. Большинство имен и названий в них встречается в других документах и договорах; среди этих знакомых имен — хетты и касситы/вавилоняне (о которых подробнее ниже), а также города Ханаана. Эгейские топонимы, однако, являлись (и до сих пор являются) исключением, их вырезали в камне в особом порядке. Некоторые даже намеренно вырезаны заново: это относится к первым трем названиям в списке, которые видоизменили до «публикации» всего списка или уже впоследствии^[126].

Некоторые ученые считают, что этот список — не более чем пропаганда, похвальба фараона, прослышавшего о дальних странах и пожелавшего их завоевать (или убедить народ в том, что у него есть такое желание). Другие полагают, что список не является «лживым самовосхвалением», что он опирается на фактические знания и контакты той эпохи. Второе объяснение видится более вероятным, поскольку мы знаем, по многочисленным изображениям в гробницах времен Хатшепсут и Тутмоса III (пятнадцатый век до нашей эры), о частых контактах с эгейскими народами, в том числе о случаях, когда посланники и/или купцы прибывали в Египет с дарами. Вполне вероятно, что такие контакты продолжились и в следующем столетии, в правление Аменхотепа III. Если так, то перед нами и вправду древнейшее письменное описание кругового маршрута из Египта в Эгейское море. Это путешествие было предпринято более тридцати четырех столетий назад, за несколько десятилетий до того, как мальчик-фараон Тутанхамон воцарился в «вечной земле».

Гипотеза о том, что перед нами описание путешествия четырнадцатого века до нашей эры из Египта в Эгейское море, а не отчет о плавании микенцев и минойцев в Египет, кажется достоверной и по следующей интригующей причине. Картуши (образы с царскими именами) самого Аменхотепа III и его супруги царицы Тии были выявлены на предметах, которые археологи нашли на шести раскопах по всему Эгейскому бассейну: на Крите, в материковой Греции и на Родосе. Очевидна корреляция между местами, где были обнаружены эти предметы, и названиями из «эгейского списка»: четыре из шести мест фигурируют в списке на камне.

Некоторые из этих предметов с надписями представляют собой скарабеев и малые печати, но есть среди них и ваза, и все украшены картушами либо фараона, либо его жены. Наиболее важными являются многочисленные фрагменты двухсторонних плашек из фаянса, «промежуточного» материала между керамикой и стеклом; эти плашки найдены в Микенах, вероятно, ведущем городе Греции в четырнадцатом столетии до нашей эры. Фрагменты (их как минимум двенадцать) принадлежат девяти или более оригинальным плашкам, каждая размером от шести до восьми дюймов в длину, около четырех дюймов в ширину и менее дюйма толщиной. На всех титул Аменхотепа III выжжен черной краской и читается с обеих сторон: «Благой бог Наб-Маат-Ра, сын Ра, Аменхотеп, правитель Фив, податель жизни»^[127].

Египтологи называют эти артефакты депозитными вотивными плашками. Их обычно находят — по крайней мере в Египте — в особых камерах (депозитах) под храмами или иногда под статуями фараонов^[128]. Их назначение аналогично назначению «капсул времени» в современной культуре, такие депозиты с начала бронзового века делались и в Месопотамии. Предположительно цель состояла в том, чтобы гарантировать, что боги и будущие поколения узнают о величии и щедрости фараона (или строителя); кроме того, по плашкам можно определить дату завершения строительства здания или статуи.

Уникальность плашек в Микенах состоит в следующем: они действительно уникальны для бассейна Эгейского моря. Более того, из всех мест древнего Средиземноморья они обнаружены только в Микенах, подобных фаянсовых плашек с именем Аменхотепа III попросту не встречается за пределами Египта. Первые фрагменты в

Микенах были найдены и опубликованы греческими археологами еще в конце 1800-х и начале 1900-х годов; тогда считалось, что плашки «фарфоровые», а имя Аменхотепа не опознали и не расшифровали. Другие плашки были найдены впоследствии, в том числе видным британским археологом лордом Уильямом Тейлором в культовом центре^[129] в Микенах. Самый «свежий» фрагмент обнаружен всего несколько лет назад на дне глубокого колодца в Микенах археологом из университета Беркли Кимом Шелтоном.

Ни один из фрагментов не соответствует, так сказать, оригинальному контексту — то есть мы не имеем ни малейшего представления о том, как они первоначально использовались. Но сам факт того, что они обнаружены в Микенах (и больше нигде), означает наличие особых отношений между этим поселением и Египтом во времена Аменхотепа III; вдобавок в Микенах найдена и ваза Аменхотепа III, а также два скарабея его жены царицы Ти. Учитывая, что данный регион располагался на периферии — на самом краю — известного, цивилизованного мира, с которым Египет поддерживал контакт в тот период, корреляция этих предметов с названиями из «эгейского списка» позволяет предположить, что имело место некое необычное с точки зрения международных связей событие в правление Аменхотепа III.

«Импортные» египетские и ближневосточные предметы, найденные на побережье Эгейского моря, выявляют интересную закономерность, возможно, как-то связанную с «эгейским списком». Минойский Крит, по-видимому, оставался основным пунктом назначения в пределах Эгейского моря для торговых маршрутов из Египта и с Ближнего Востока на протяжении по крайней мере начала четырнадцатого столетия до нашей эры. Впрочем, поскольку предметы из Египта, Ханаана и с Кипра найдены на Крите приблизительно в равных количествах, вполне возможно, что товары из Египта больше не являлись доминирующей категорией с перечне грузов купцов и торговцев, что курсировали между Критом и Восточным Средиземноморьем, как это было в предыдущие столетия. Если египетские и минойские посланники и торговцы господствовали на эгейских маршрутах в предыдущий период, то теперь их, скорее всего, потеснили и даже вытеснили торговцы из Ханаана и с Кипра.

Эта сложная международная ситуация сохранялась в последующие два столетия, однако налицо сдвиг в структуре импорта иностранных товаров в бассейн Эгейского моря уже в конце четырнадцатого столетия до нашей эры. При резком сокращении количества импорта на Крите происходит значительное увеличение импорта в материковой Греции. Если этот сдвиг в объемах импорта — с Крита на материковую Грецию — действительно имел место, представляется возможным (хотя и явно гипотетическим), что уменьшение и окончательное прекращение импорта «восточных» товаров на Крит может быть связано с разрушением Кносса примерно в 1350 году до нашей эры и с захватом микенцами торговых путей в Египет и на Ближний Восток вскоре после этого^[130].

«Эгейский список» Аменхотепа III, возможно, отражает эту ситуацию, ибо названия, перечисленные на основании статуи, охватывают и минойские поселения на острове Крит, и микенские поселения в материковой Греции. Если египетское посольство побывало на побережье Эгейского моря в правление Аменхотепа III, оно, вероятно, выполняло двойную миссию: подтвердить связи со старым и ценным торговым партнером (минойцы) и наладить отношения с новым игроком (микенцами)^[131].

Архивы Амарны

Нас вряд ли должно удивить, вероятно, наличие «эгейского списка» и других перечней также в храмовых документах, которые тоже «каталогизировали» мир, известный египтянам в четырнадцатом веке до нашей эры, поскольку мы знаем из других источников, что Аменхотеп III признавал необходимость поддержания отношений с иными землями, в особенности с правителями стран, имевших дипломатическое и торговое значение для Египта. Он заключал договоры со многими из этих царей и женился на нескольких чужеземных царевнах, дабы скрепить договорные узы. Это следует из его переписки с иноземными царями, сохранившейся в архиве глиняных табличек, обнаруженном в 1887 году.

Обычно рассказывают, когда речь заходит об обнаружении этого архива, что некая крестьянка собирала кизяк или что-то еще близ современной Телль-эль-Амарны, где расположены развалины города, некогда называвшегося Ахет-Атон (что означает «Горизонт солнечного диска»^[132]). Сына Аменхотепа III, еретик Аменхотеп IV, более известный миру как Эхнатон, построил этот город в середине четырнадцатого столетия до нашей эры и перенес туда столицу.

Эхнатон наследовал Аменхотепу III, быть может, правил совместно с отцом на протяжении нескольких лет, до кончины Аменхотепа в 1353 году до нашей эры. Вскоре после обретения самостоятельности Эхнатон совершил то, что теперь именуют «амарнской революцией»: он повелел закрыть храмы в честь Ра, Амона и других главных египетских божеств, присвоил их сокровища и обеспечил себе неоспоримую власть, будучи одновременно главой правительства, главнокомандующим войска и верховным жрецом. Он запретил поклонение любым божествам египетского пантеона, кроме Атона, солнечного диска, которого ему — и только ему — дозволялось почитать лично.

Иногда в действиях фараона усматривают попытку впервые в истории утвердить монотеизм, ведь было введено именно единобожие; но на самом деле вопрос чрезвычайно спорный (недаром он вызвал многочисленные научные дискуссии). Для простых египтян имелись,

по сути, два бога — Атон и Эхнатон, ибо народу позволялось молиться только Эхнатону, а он затем возносил молитвы Атону от имени прочих египтян. Эхнатон, вероятно, был еретиком и, возможно, даже религиозным фанатиком (до определенной степени), но при этом ему не откажешь в умении манипулировать людьми, присущем политикам. Его религиозная революция вполне могла быть просчитанным политическим и дипломатическим ходом, призванным восстановить царскую власть, которая в правление предыдущих фараонов мало-помалу оказывалась в руках жрецов.

Но Эхнатон не стремился разрушить все наследие предков. В частности, он признавал важность поддержания отношений с другими странами, особенно с правителями земель вокруг Египта. Он продолжил традицию своего отца по поддержанию дипломатических и торговых отношений с чужеземными царями, равно могучими и слабыми, в том числе с Суппилулиумасом и хеттами^[133]. В своей столице, городе Ахет-Атон, он вел архив переписки с этими правителями и наместниками. Так складывался «амарнский архив» глиняных табличек, на которые случайно наткнулась местная крестьянка в 1887 году.

Первоначально архив размещался в городском «доме записей». Это была истинная сокровищница царской переписки с теми правителями, с которыми Аменхотеп и его сын Эхнатон поддерживали дипломатические отношения, включая сюда кипрских, хеттских, вавилонских и ассирийских царей. Также в архиве хранились послания местным ханаанским правителям и их ответы, в том числе письма Абди-Хепы из Иерусалима и Биридийи из Мегиддо. Корреспонденция местных правителей, как правило, вассалов египтян, изобилует просьбами о помощи, зато послания правителей великих держав (Египта, Ассирии, Вавилона, Митанни и Хеттского царства) пестрят упоминаниями о дарах и подношениях на гораздо более высоком дипломатическом уровне. Этот архив наряду с табличками восемнадцатого века до нашей эры, найденными в Мари, едва ли не первым документирует устойчивые международные связи бронзового века в Египте и Восточном Средиземноморье^[134].

Послания написаны на аккадском, этом дипломатическом лингва франка той поры, которым пользовались при международных контактах, и насчитывает почти четыреста глиняных табличек.

Поскольку сразу после обнаружения таблички распродали на рынке предметов старины, в настоящее время архив Амарны рассеян по музеям Великобритании, Египта, Соединенных Штатов Америки и Европы; отдельные таблички хранятся в Британском музее в Лондоне, Каирском музее в Египте, Лувре в Париже, Восточном музее университета Чикаго, музее искусств имени Пушкина в Москве и в музее Vorderasiatisches^[135] в Берлине (фонды которого располагают почти двумя третями этих табличек)^[136].

Приветственные дары и семейные отношения

Послания, включая копии писем иностранным правителям и ответов на эти письма, позволяют лучше понять торговые и международные связи времен Аменхотепа III и Эхнатона, то есть середины четырнадцатого века до нашей эры. Очевидно, что большая часть контактов подразумевала «подношение даров», причем на самом высоком уровне, от одного царя другому. Например, одно послание Аменхотепу III от Тушратты, царя Митанни в северной Сирии, который взошел на трон около 1385 года до нашей эры, начинается с абзаца, содержащего традиционные приветствия, а затем следует описание даров, отправленных вместе с письмом:

«Обращаюсь к Нибмуарейе [Аменхотепу III], царю Египта, моему брату! Так говорит Тушратта, царь Митанни, твой брат. У меня все хорошо. Ида будет все хорошо у тебя. Итого же желаю Келу-Хепе [твоей супруге]. Да будет все хорошо в твоей семье, с твоими женами, с твоими сыновьями, с твоими вождями [старейшинам], с воинами, с лошадьми, с колесницами и с твоей страной...

Отправляю тебе 1 колесницу, 2 лошадей, 1 прислужника мужского пола, 1 прислужницу женского пола, из добычи в земле Хатти. В знак приветствия моему брату я посылаю ему 5 колесниц, 5 групп лошадей. В знак приветствия Келу-Хепе, моей сестре, отправляю 1 набор золотых застёжек, 1 набор золотых серег, 1 золотое кольцо масу и сосуд, полный «сладких масел».

акже направляю своего главного советника Келию и с ним Тунипа-ибри. Пусть брат мой примет их должным образом, дабы они могли доложить мне, как следует, и я услышу приветствие моего брата и возрадуюсь. Да возжелает брат мой дружбы со мною, да направит брат мой ко мне своих посланцев, чтобы они донесли до меня его приветствие и я услышал»^[137].

Другое царское послание, от Эхнатона к Бурна-Буриашу II, касситскому царю Вавилонии, содержит подробный перечень даров фараона. Перечисление этих даров занимает более трехсот строк на табличке — предметы из золота, меди, серебра и бронзы, сосуды с духами и сладким маслом, кольца, ножные браслеты, ожерелья, троны, зеркала, льняная ткань, каменные чаши и шкатулки из черного дерева^[138]. Подобные длинные письма с сопоставимыми подробными перечнями даров, иногда отправлявшихся в качестве части приданого дочери, а иногда просто посылавшихся в подарок, поступали и от других правителей, например того же Тушратты Митаннийского^[139]. Следует также отметить, что «посланниками», о которых упоминалось в этих письмах, нередко выступали высшие сановники, по сути, являвшиеся послами; кроме того, на эту роль назначали и купцов, которые, по-видимому, заботились одновременно о благе государства и о своем собственном.

В этих посланиях правители часто называли друг друга родичами, обращались друг к другу: «брат», «отец» или «сын», хотя, как правило, на самом деле не были связаны между собой родственными узами, и учреждали тем самым «торговые партнерства»^[140]. По мнению антропологов, подобные шаги по созданию воображаемых семейных отношений характерны для доиндустриальных обществ и представляют собой попытку наладить торговлю в отсутствие реальных родственных связей или контролируемого государством рынка^[141]. Так, царь Амурру писал царю соседнего Угарита (обе страны находились в прибрежной зоне северной Сирии): «Брат мой, внемли: я и ты, мы оба братья. Сыновья одного мужчины, мы братья. Почему же нам не быть в хороших отношениях друг с другом? Поделись со мною своим желанием, и я его исполню; а ты исполнишь мое желание. Мы двое — единое целое»^[142].

Следует подчеркнуть, что эти два царя (из Амурру и Угарита) вряд ли были кровными родственниками или даже родичами через брак. И далеко не все правители одобряли этот «прямой» подход к дипломатическим отношениям. Хетты из Анатолии, как кажется, вообще отрицали такой подход — один хеттский царь написал другому правителю: «Почему я должен писать тебе как брату? Разве мы сыновья одной матери?»^[143]

Не всегда ясно, какие отношения характеризует обращение «брата» (в противовес «отцу» и «сыну»), но в целом так обозначалось, как кажется, равенство в статусе или возрасте, а пара «отец/сын» использовалась для выражения уважения. Хеттские цари, например, чаще использовали обращения «отец» и «сын» в своей переписке, чем правители остальных крупных ближневосточных держав, тогда как в «амарнском архиве» преимущественно встречается обращение «брат», будь то к могущественному царю Ассирии или к менее сильному царю Кипра. Представляется, что египетские фараоны воспринимали других ближневосточных правителей, своих торговых партнеров, как членов международного братства, независимо от возраста или срока правления^[144].

В некоторых случаях, однако, корреспонденты и вправду состояли в родстве — через брак. К примеру, в посланиях Тушратты Митаннийского Аменхотепу III Тушратта называет супругу Аменхотепа Келу-Хепу своей сестрой, и это действительно было так (его отец отдал царевну замуж за Аменхотепа). Точно так же Тушратта выдал собственную дочь Таду-Хепу за Аменхотепа III по договоренности, которая превратила царя Митанни одновременно в зятя («брата») и тестя («отца») Аменхотепа. Посему одно из его посланий на вполне законных основаниях начинается так: «Передай... царю Египетскому, моему брату, моему зятю... Так говорит Тушратта, царь земли Митанни, твой тесть»^[145]. После смерти Аменхотепа III Эхнатон, по-видимому, забрал (или унаследовал) Таду-Хепу в качестве одной из своих жен, что позволило Тушратте именовать себя тестем и Аменхотепа III, и Эхнатона, судя по письмам из «амарнского архива»^[146].

В каждом случае царский брак заключался для укрепления отношений и в подтверждение договоров между странами, а также непосредственно между двумя правителями. Поэтому у Тушратты появилось право называть Аменхотепа III «братом» (хотя технически он приходился фараону шурином) и ожидать более тесных отношений с Египтом, чем при ином положении дел. Браки сопровождались выделением обильного приданого, что зафиксировано несколькими посланиями из архива Амарны. Например, одно письмо Тушратты Аменхотепу III, сохранившееся лишь частично и не вполне разборчивое, содержит перечисление даров в 241 строке, о которых

сам правитель говорит: «Все это свадебные дары, всякого вида, каковые Тушратта, царь Митанни, дал Ниммурею [Аменхотепу III], царю Египта, своему брату и своему зятю. Он отдал эти дары заодно с Таду-Хепой, своей дочерью, в Египет, когда она стала женой Ниммурею»^[147].

Аменхотеп III, как кажется, прибегал к данному способу дипломатии посредством династических браков едва ли не чаще любого другого правителя-современника: мы знаем, что он женился и держал в своем гареме дочерей касситских царей Вавилонии Куригальзу I и Калашмана-Энлиля, митаннийских царей Шуттарны II и Тушратты и царя Арцавы Тархундараду (Арцава находилась на юго-западе Анатолии)^[148]. Каждый брак, несомненно, подкреплял очередной дипломатический союз и позволял этим царям поддерживать дипломатические отношения, так сказать, внутри семьи.

Некоторые правители пытались использовать династические браки и подношение даров, что называется, не сходя с места, то есть пренебрегали правилами обхождения. К примеру, в послании за «авторством», вероятно, касситского царя Вавилонии Кадашмана-Энлиля к Аменхотепу III эти два фактора непосредственно увязываются. Кадашман-Энлиль пишет:

«К тому же, брат мой... к золоту, о котором я писал ранее, пришли мне все, что под есть рукой, как можно больше, прежде чем прибудет твой посланник; пришли прямо сейчас, со всей поспешностью... Если этим летом, в месяце таммуз или ав^[149], ты пришлешь золото, о котором я прошу, я отдам тебе свою дочь»^[150].

За это бесцеремонное отношение к собственной дочери Аменхотеп III укорил Кадашман-Энлиля в другом письме: «Радостно слышать, что ты отдаешь дочерей ради толики золота от своих соседей!»^[151] Но все же в какой-то момент правления фараона сделка состоялась: мы знаем из трех других посланий «амарнского архива», что Аменхотеп III женился на дочери Кадашман-Энлиля (имя ее осталось тайной)^[152].

Золото, обман и торговля на высшем уровне

Сотрудничества с Египтом и торгового партнерства усиленно добивались правители других стран. Ими руководило не только стремление к союзу с одной из великих держав того времени, но и желание золота, которым Египет располагал благодаря рудникам в Нубии. Далеко не один царь писал Аменхотепу III и Эхнатону с просьбой о золоте, как если бы в том не было ничего необычного; рефрен «золота как пыли в твоей земле» и другие подобные фразы повторяются снова и снова в посланиях из «амарнского архива». В одном письме Тушратта Митаннийский взывает к семейным связям и просит Аменхотепа III «прислать гораздо больше золота, чем ты слал моему отцу», потому что, прибавляет он, «в стране моего брата золото столь же обильно, как грязь»^[153].

Но кажется, что золото не всегда оказывалось настоящим золотом, судя в особенности по жалобам вавилонских царей. В письме, отправленном Кадашман-Энлилем Аменхотепу III, говорится: «Ты отправил мне в знак приветствия, впервые за шесть лет, 30 мин^[154] золота, которое выглядит, как серебро»^[155]. Наследник Калашмана, касситский царь Вавилонии Бурна-Буриаш II, тоже сетовал в послании преемнику Аменхотепа III, Эхнатону: «Конечно, брат мой [царь Египетский] не проверил то золото, какое мой брат отправил мне ранее. Когда я загрузил 40 мин золота, доставленного мне, в печь, то, клянусь, не вышло и 10 мин». В другом письме говорится: «Те 20 мин золота, что доставили сюда, прибыли не все. Когда их положили в печь, оказалось не более 5 мин золота. И то, которое поступило, после охлаждения сделалось похожим на пепел. Неужели золото это ненастоящее?»^[156]

С одной стороны, можно задаться вопросом, зачем вавилонским царям понадобилось помещать золото, полученное из Египта, в печь и переплавлять его. Вероятно, это был своего рода металлолом, ценившийся по весу, а не приятные на вид, тускло сверкающие золотые слитки; современная ночная телевизионная реклама призывает зрителей обменивать старые и сломанные ювелирные изделия на наличные, причем все понимают, что эти украшения будут

немедленно переплавлены. Должно быть, это золото требовалось правителям для оплаты услуг ремесленников, архитекторов и других специалистов, как следует из нескольких посланий.

С другой стороны, мы также обязаны поинтересоваться, знал ли египетский фараон, что золото, которое он дарит другим правителям, вовсе не золото^[157]; были ли его действия преднамеренными — или настоящее золото исчезало по пути стараниями недобросовестных купцов и посланников? Бурна-Буриаш подозревал второе в истории с 40 минами золота; во всяком случае, он предлагал Эхнатону дипломатический выход из непростой ситуации: «Золото, посланное мне моим братом, мой брат не должен передавать никому другому. Пусть мой брат сам проверит [золото], а потом опечатает оное и отправит его ко мне. Конечно, мой брат не проверял золото, отосланное ранее. Это доверенный человек моего брата опечатал груз и отправил его мне»^[158].

Кроме того, представляется, что караваны с дарами и товарами, отправляемые одним царем другому, нередко подвергались в пути нападениям и разграблению. Бурна-Буриаш пишет о двух караванах, принадлежавших Сальму, его посланнику (и, возможно, дипломатическому представителю), которые стали жертвой разбоя. Он даже указывает, кто в этом виноват — человек по имени Бирийяваза нес ответственность за первый грабеж, а второе нападение якобы устроил некий Памаху (возможно, это название местности, ошибочно принятое за личное имя). Царь Бурна-Буриаш спрашивает, как Эхнатон собирается покарать второго разбойника, ведь тот злодействует в пределах его страны; ответа он не получил, насколько можно судить по переписке^[159].

Вдобавок мы не должны забывать, что эти обмены дарами на высшем уровне, вероятно, представляли собой лишь верхушку айсберга коммерческого взаимодействия. Это доказывает аналогичная, относительно современная ситуация. В 1920-х годах антрополог Бронислав Малиновский изучал аборигенов Тробрианских островов, которые участвовали в так называемом «кругу Куды» на юге Тихого океана. В рамках этой системы церемониального обмена вожди островов обменивались браслетом и ожерельем из раковин, причем браслет всегда путешествовал по кругу в одном направлении, тогда как ожерелье — в противоположном. Ценность каждого объекта

возрастала и уменьшалась в зависимости от его «родословной» и истории пребывания в руках аборигенов (сейчас археологи говорят о «биографии артефакта»). Малиновский обнаружил, что пока вожди в церемониальных центрах обменивались браслетом и ожерельем с подобающей обстоятельству торжественностью, люди, которые работали веслами на каноэ, перевозивших вождей, активно торговали с местными жителями, выменивая пищу, воду и прочие жизненно необходимые вещи^[160]. Подобные «приземленные» коммерческие сделки являлись реальными экономическими мотивами, лежащими в основе мотивов церемониального обмена дарами на островах, однако тробрианские вожди отказывались признавать данный факт^[161].

Также не следует недооценивать значимость посланников, купцов и моряков, которые доставляли царские дары и другие предметы через пустыни древнего Ближнего Востока, и, вероятно, в страны бассейна Эгейского моря. Очевидно, что в позднем бронзовом веке Египет, Ближний Восток и эгейское побережье активно контактировали между собой; несомненно, идеи и технические новинки время от времени перевозились заодно с реальными товарами. Подобная передача идей безусловно имела место не только в верхних слоях общества, но и в «гостиницах» и «барах» на всем протяжении торговых маршрутов в Греции, Египте и Восточном Средиземноморье. Где еще матрос или член экипажа мог скоротать время в ожидании попутного ветра, где дипломатическая миссия могла провести деликатные переговоры, обменяться мифами, преданиями и небылицами? Такие встречи, возможно, внесли немалый вклад в распространение культурного влияния Египта на остальной Ближний Восток и даже за Эгейское море. Обмен между культурами, пожалуй, объясняет параллели «Сказания о Гильгамеше» и более поздних «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, а также между хеттским мифом о Кумарби^[162] и более поздней «Теогонией» Гесиода^[163].

Следует еще отметить, что обмен дарами между ближневосточными правителями в позднем бронзовом веке часто подразумевал обмен врачами, зодчими, каменотесами и квалифицированными рабочими, которых «передавали» от правителя к правителю. Неудивительно поэтому, что обнаруживается определенное сходство между архитектурными стилями Египта, Анатолии, Ханаана и даже эгейского побережья, ведь одни и те же архитекторы,

скульпторы и каменотесы работали в каждой из перечисленных местностей. Недавнее открытие настенной живописи эгейского стиля и крашеных полов в египетской Телль эд-Дабе, о которой упоминалось в предыдущей главе, а также в Тель-Кабри в Израиле, в турецком Алалаха и в сирийской Катне свидетельствуют о том, что эгейские ремесленники вполне могли проникать в Египет и на Ближний Восток уже в семнадцатом столетии — и так продолжалось вплоть до конца тринадцатого столетия до нашей эры^[164].

Возвышение Аласии и Ассирии

Из посланий «амарнского архива», которые датируются периодом правления Эхнатона, мы узнаем, что международные контакты Египта значительно расширились при этом фараоне; в частности, были установлены отношения с Ассирией, окрепшей под властью царя Ашшурубалита I, что вошел на престол в десятилетие до смерти Аменхотепа III. Еще имеются восемь посланий к царю и от царя острова Кипр, известного египтянам и другим народам древнего мира как Аласия^[165], подтверждающие контакты острова с Египтом.

Эти послания «кипрской переписки», которые, вероятно, датируются именно правлением Эхнатона, а не Аменхотепа III, представляют большой интерес, отчасти из-за грандиозного количества сырой меди, указанного в одном из писем. Кипр являлся основным поставщиком меди для большинства стран Эгейского бассейна и Восточного Средиземноморья в период позднего бронзового века, что следует из обсуждений в посланиях, в том числе из письма, где царь Аласии извиняется, что отправил всего пятьсот талантов^[166] меди вследствие хвори, охватившей население острова^[167]. В настоящее время считается, что сырую медь, скорее всего, перевозили слитками в форме бычьей шкуры, наподобие тех, что были найдены на корабле, потерпевшем крушение у мыса Улу-Бурун (см. далее). Каждый слиток с борта судна весил около шестидесяти фунтов, что означает, что одна поставка, упоминаемая в «амарнском архиве», могла составлять около тридцати тысяч фунтов меди, и кипрский царь извинялся (быть может, саркастически?) за скудость отправленного груза.

Что касается Ассирии, в архиве Амарны имеются два послания Ашшурубалита I, который правил этим царством приблизительно с 1365 по 1330 год до нашей эры. Сложно сказать, кому из египетских фараонов адресованы эти письма, поскольку одно начинается просто: «Обращаюсь к царю Египта», а во втором имя адресата испорчено и не поддается прочтению. Предыдущие переводчики полагали, что письма, вероятно, были отправлены Эхнатону, но по крайней мере один ученый считает, что второе послание могло быть адресовано Эйе,

вступившему на престол после смерти Тутанхамона^[168]. Впрочем, это кажется маловероятным, учитывая дату восшествия Эйе на трон (ок. 1325 года до нашей эры); вероятнее всего, оба письма были отправлены Аменхотепу III или Эхнатону, как и подавляющее большинство посланий от других правителей в «амарнском архиве».

Первое послание представляет собой просто приветствия и содержит короткий перечень даров — «прекрасная колесница, 2 лошади [и] 1 календарный камень из настоящего лазурного камня»^[169]. Второе послание длиннее и содержит уже привычную просьбу прислать золото с обычной оговоркой: «Золота в твоей стране, как пыли, его собирают под ногами». Однако в письме также присутствует любопытное сравнение с Ханигальбатом, то есть с Митанни: новый царь Ассирии утверждает, что он «ровня царю Ханигальбата», и это очевидный намек на его позицию в иерархии так называемых великих держав того времени, среди которых Ассирия сильно желала оказаться^[170].

Как представляется, это больше, чем пустая похвальба, ибо Ашшурубалит уже превзошел своего современника, митаннийского царя Шуттарну II. Он разгромил Шуттарну в битве, вероятно, около 1360 года до нашей эры и покончил с митаннийским господством над Ассирией, установленным чуть более ста лет назад, когда митаннийский царь Сауссадаттар забрал украшенные золотом и серебром ворота из ассирийской столицы и поместил их в своей столице Вашшуканни.

Так началось возвышение Ассирии, в первую очередь за счет ослабления Митанни. Ашшурубалит быстро сделался одним из основных игроков международной Realpolitik^[171]. Он устроил бракосочетание своей дочери с Бурна-Буриашем II, касситским царем Вавилонии, но несколько лет спустя вторгся в Вавилонию, когда его внука убили в 1333 году до нашей эры, и посадил на трон царя-марионетку по имени Куригальзу II^[172].

Вот так два последних крупных игрока позднего бронзового века на древнем Ближнем Востоке, Ассирия и Кипр, вышли на международную сцену. Теперь перед нами, что называется, полная колода: хетты, египтяне, митаннийцы, касситы/вавилоняне, ассирийцы, киприоты, хананеяне, минойцы и микенцы. Все названы, все описаны. Они взаимодействовали друг с другом, позитивно и негативно, в

течение последующих столетий, пусть даже некоторые, например Митанни, исчезли намного раньше прочих.

Нефертити и Тутанхамон

Вскоре после смерти Эхнатона его реформы были отменены, даже попытались стереть его имя и память о нем с монументов и из анналов Египта. Эта попытка почти удалась, однако благодаря стараниям археологов и специалистов по эпиграфике мы знаем очень многое о царствовании Эхнатона, о его столице Ахет-Атон и даже о его гробнице. Также нам известно немало о его семье, в том числе о красавице жене Нефертити и дочерях, которые изображены на ряде настенных фресок и на памятниках.

Знаменитый бюст Нефертити был найден Людвигом Борхардтом, немецким ученым, который работал в Амарне (Ахет-Атон), в 1912 году; эту находку переправили в Германию несколько месяцев спустя. На обозрение публики бюст выставили только в 1924 году в Египетском музее Берлина. Он по сей день находится в Берлине, несмотря на многочисленные просьбы правительства Египта о возвращении бюста, и отказ неизменно мотивируется тем, что в Египте невозможно обеспечить идеальные условия для сохранения артефакта. Говорят (но документальных подтверждений этому не имеется), что в свое время немецкие «копатели» и египетское правительство договорились делить находки поровну, причем за египтянами оставили право первого выбора. Немцы знали об этом, но захотели присвоить бюст Нефертити себе. Поэтому они нарочно не стали очищать бюст от земли и поместили его в конце длинного ряда найденных артефактов. Когда египетские чиновники прошли мимо непритязательно выглядевшей фигуры, немцы спешно переправили ее в Берлин. Когда бюст наконец выставили на всеобщее обозрение в 1924 году, египтяне пришли в ярость и потребовали вернуть «национальное сокровище», но бюст остался в Берлине^[173].

Мы знаем и о сыне Эхнатона Тутанхатоне, который сменил имя и правил под именем, по которому он сегодня известен всему миру, — Тутанхамон, или царь Тут. Он родился вовсе не в Аризоне, вопреки словам Стива Мартина в телешоу «В субботу вечером», и никогда не переселялся в Вавилонию^[174]. На египетский престол он взошел в раннем возрасте, когда ему было около восьми лет, примерно в том же

возрасте, в котором стал фараоном Тутмос III, правивший почти 150 годами ранее. К счастью для Тутанхамона, при нем не было никого вроде царицы Хатшепсут, чтобы править от его имени. Поэтому он наслаждался властью около десяти лет, до своей преждевременной кончины.

Подавляющее большинство подробностей короткой жизни Тутанхамона не имеет непосредственного отношения к нашей истории «глобализованного» мира, в котором он жил. Зато имеет отношение его смерть, отчасти потому, что обнаружение его гробницы в 1992 году породило современную всемирную одержимость Древним Египтом (так называемую египтоманию), а сам Тутанхамон в итоге оказался наиболее узнаваемым среди всех царей, которые правили на Ближнем Востоке в позднем бронзовом веке. Также важно, что, вполне вероятно, именно его вдова писала хеттскому царю Суппилулиумасу I, прося себе мужа после кончины Тутанхамона.

Причина смерти Тутанхамона долго дебатировалась — выдвигалась даже гипотеза, что его убили ударом по затылку, — но новейшие исследования, в том числе компьютерная томография скелета, указывают на сломанную ногу и последующую инфекцию^[175]. Сломал ли он ногу, упав с колесницы, как считалось, установить, конечно же, невозможно, однако теперь очевидно, что он вдобавок страдал от малярии и имел врожденные физические деформации, включая косолапость. Кроме того, есть предположение, что он родился от инцеста брата и сестры^[176].

Тутанхамона похоронили в Долине царей. Возможно, гробница изначально предназначалась не для него, как и многие предметы роскоши, найденные в его захоронении, поскольку он умер совершенно неожиданно. Кроме того, отыскать гробницу оказалось на удивление сложно для современных египтологов, и Говард Картер преуспел только в 1922 году.

Граф Карнарвон нанял Картера с конкретной целью — отыскать гробницу Тутанхамона. Подобно некоторым другим представителям британской аристократии, Карнарвон искал, чем занять себя в ходе зимовки в Египте. В отличие от ряда своих соотечественников, граф следовал рекомендации своего врача, который настаивал, чтобы он уезжал в Египет каждый год: граф угодил в автомобильную аварию в Германии в 1901 году, на неслыханной скорости двадцать миль в час, и

проколол легкое, что заставляло врачей сомневаться, переживет ли он сырую английскую зиму. Поэтому Карнарвон был вынужден зимовать в Египте и быстро начал разыгрывать из себя археолога-любителя, из-за чего и нанял «карманного» египтолога^[177].

Картер служил генеральным инспектором памятников Верхнего Египта, а затем занимал еще более престижную должность в Саккаре. Тем не менее он подал в отставку, отказавшись извиниться перед группой французских туристов, которые вели себя неподобающим образом в 1905 году. Потому он оказался самым подходящим выбором для Карнарвона — безработный специалист, рисовавший акварельные сцены для туристов. Сотрудничество этих двоих людей началось в 1907 году^[178].

После десяти лет успешной работы в различных местах пара приступила в 1907 году к раскопкам в Долине царей. Они специально искали гробницу Тутанхамона, которая, по их мнению, должна была находиться где-то в долине. Картер вел раскопки шесть сезонов, по несколько месяцев каждый год, пока финансирование со стороны Карнарвона (и, возможно, интерес) не стало истощаться. Картер вымолил себе последний сезон и вызвался сам оплатить все расходы, поскольку в долине еще оставалось место, где раскопки не проводились. Карнарвон согласился, и Картер вернулся в Долину царей, чтобы продолжить работу с 1 ноября, 1922 года^[179]. Картер сообразил, что каждый год разбивает лагерь экспедиции на одном и том же месте, и потому перенес его в сторону и стал раскапывать бывшую площадку под лагерь... Спустя три дня один из членов его команды нашел ступени, ведущие в гробницу. Как выяснилось, одна из причин, почему гробница оставалась в сохранности тысячи лет, состояла в том, что вход в нее был засыпан рабочими, возводившими соседнюю гробницу Рамсеса VI, который умер почти через сто лет после Тутанхамона.

Карнарвон еще находился в Англии, когда Картер наткнулся на вход в гробницу, поэтому археолог отправил телеграмму, а затем ему пришлось ждать, пока Карнарвон отплывет в Египет. Он также предупредил газеты о своей находке. К тому моменту, когда Карнарвон наконец прибыл и все приготовились к открытию гробницы (26 ноября 1922 года), журналисты уже окружили лагерь и место раскопок вместе с фотоаппаратами.

Во вратах гробницы проделали отверстие, и Картер смог заглянуть внутрь. Его взору предстал коридор и передняя камера за ним. Карнарвон потянул археолога за рукав и спросил, что он видит. Картер, как гласит молва, ответил: «Я вижу удивительные вещи» (или что-то еще в том же духе); позднее он добавил, что видел золото повсюду, «тусклый отблеск золота»^[180].

Несомненно, в его голосе прозвучало облегчение, ибо за время долгого ожидания Карнарвона Картер извел себя опасениями, что гробница может оказаться разграбленной — и не единожды. Его изрядно беспокоил слой штукатурки, наложенный поверх врат, но печати некрополя выглядели целыми^[181]. За гробокопательство в Древнем Египте полагалась казнь посадением на кол, но подобная участь, насколько нам известно, далеко не всегда останавливала грабителей.

Когда Картер и Карнарвон все-таки проникли в самую гробницу, стало понятно, что ее и вправду ограбили, судя по кавардаку в передней камере: зрелище сильно напоминало современную квартиру или дом, где побывали взломщики; на полу коридора валялись золотые кольца, обернутые в носовой платок и брошенные, вероятно, грабителями, которые то ли торопились сбежать, то ли были пойманы стражей некрополя. Однако количество предметов, остававшихся в гробнице, было поистине невероятным — Картеру и его соратникам понадобилось почти десять лет, чтобы полностью раскопать и каталогизировать находки (а вот лорд Карнарвон умер от заражения крови через восемь дней после вскрытия гробницы, откуда и взялось предание о «проклятии мумии»).

Колоссальное число погребальной утвари в гробнице Тутанхамона побудило некоторых египтологов задаться вопросом, каково же должно быть захоронение фараона, который правил гораздо дольше, например Рамсеса III или даже Аменхотепа III. Увы, все эти гробницы разграбили еще в незапамятные времена. Посему удивительная «комплектность» гробницы Тутанхамона уникальна; возможно, она сложилась благодаря дарам египетского жречества, признательного фараону за отмену реформ его отца и за возвращение власти жрецам Амона и других богов. Пока не найдена еще одна не вскрытая царская гробница, нам попросту не с чем сравнивать захоронение Тутанхамона.

Когда он умер, то оставил вдовой молодую царицу Анхесенамон, приходившуюся фараону еще и сестрой. Настала пора перейти к истории хеттского царя Суппилиумаса I и так называемому «делу Цаннанцаса»; это один из самых необычных образчиков дипломатии четырнадцатого столетия до нашей эры.

Суппилулиумас и «дело Цаннанцаса»

После Тудхалияса I/II хетты Анатолии на некоторое время, что называется, отошли в тень при сравнительно слабых правителях. Новое возвышение началось примерно в 1350 году до нашей эры, при царе Суппилулиумасе I, о котором уже упоминалось выше, в рассказе об «амарнском архиве» и переписке Эхнатона.

В молодости по распоряжению своего отца-царя Суппилулиумас помог хеттам восстановить контроль над Анатолией^[182]. Новое возвышение хеттов в те годы было воспринято как угроза Аменхотепом III, а потому неудивительно, что фараон стал заключать договоры и устраивать династические браки с правителями практически всех земель, окружавших владения хеттов, от Угарита на побережье северной Сирии до Вавилона в Месопотамии на востоке и анатолийской Арцавы на западе. Союзов искали в попытке предупредить возможное нападение и воспользоваться относительной слабостью хеттов в начале царствования Суппилулиумаса I, а позднее, когда хетты вновь укрепились под его руководством, — дабы ограничить масштабы их экспансии^[183].

Мы многое знаем о Суппилулиумасе по хеттским «хроникам», прежде всего по набору табличек, составленному его сыном и будущим наследником Мурсилисом II; этот набор содержит так называемые «Молитвы во время чумы». Представляется, что Суппилулиумас после тридцати лет правления умер от чумы, которую принесли обратно в хеттские земли египетские пленные, захваченные в ходе войны в северной Сирии. Чума изрядно проредила население Хеттского царства. Умерли многие члены царской семьи, не только Суппилулиумас.

Мурсилис воспринял смерти родичей, в особенности кончину отца, как божественное возмездие за убийство, совершенное в начале царствования Суппилулиумаса (сам царь так и не удосужился попросить прощения у богов). Жертвой убийства пал брат Суппилулиумаса, хеттский царевич по имени Тудхалияс Младший. Не ясно, был ли Суппилулиумас непосредственно вовлечен в убийство, но он безусловно выиграл от случившегося, поскольку Тудхалияса

прочи́ли в наследники хеттского трона вместо Суппилулиумаса, несмотря на все громкие военные победы, которые последний одержал от имени своего отца. Мурсилис говорит:

«Но теперь вы, о боги, наконец-то отомстили моему отцу за это погубление жизни Тудхалияса Младшего. Мой отец [умер] из-за крови Тудхалияса, и цареви́чи, придворные, тыся́чники и другие командиры, что склонились перед моим отцом, тоже умерли из-за этого. Пагуба отравила саму землю Хатти, а население земли Хатти стало погибать из-за этого прегрешения»^[184].

Мы не знаем других подробностей прихода Суппилулиумаса к власти, но знаем, что он добился успеха. Впрочем, о важных последующих событиях его правления повествует длинный текст под названием «Деяния Суппилулиумаса», также написанный (или надиктованный) его сыном и наследником Мурсилисом II. Вообще по правлению Суппилулиумаса можно составить целую книгу, и такая книга, несомненно, рано или поздно будет опубликована. Здесь же будет достаточно сказать, что Суппилулиумас смог вернуть под власть хеттов большую часть Анатолии, почти непрерывно воюя и прибегая к «дипломатии меча». Он также расширил сферу влияния хеттов и границы империи в северной Сирии, где, возможно, разрушил город Алалах, столицу царства Мукиш^[185]. Многочисленные военные кампании на юге и востоке в конце концов привели к столкновению с египтянами, уже в правление Эхнатона. Кроме того, он конфликтовал с Митаннийским царством дальше на восток, в правление Тушратты. В итоге Суппилулиумас одолел и подчинил себе Митанни, но лишь после череды походов, среди которых выделяется так называемая Великая сирийская война, когда Суппилулиумас захватил и разграбил митаннийскую столицу Вашшуканни^[186].

Среди других городов, которые Суппилулиумас атаковал и уничтожил в землях Митанни, была древняя Катна (современный Тель-Мишриф), где ныне работают итальянские, немецкие и сирийские археологи. В последнее десятилетие там сделаны поразительные находки, в том числе обнаружены нетронутая царская гробница, настенная живопись эгейского стиля с изображением

черепках и дельфинов, кусок глины с тронным именем Эхнатона (вероятно, печать с горловины кувшина или печать на послании), а также десятки табличек из царского архива (все находились в самом дворце или под ним). В числе табличек найдено письмо, датируемое примерно 1340 годом до нашей эры, от Хануттиса, главнокомандующего хеттским войском при Суппилиумасе, велящее царю Катны Идадде готовиться к войне. Это письмо нашли в развалинах сгоревшего царского дворца, что доказывает — хетты напали на город и одержали победу^[187].

Суппилиумас не был чужд дипломатии, ибо та шла рука об руку с войной в ту эпоху. Он даже, как кажется, женился на вавилонской царевне, прогнав, должно быть, свою старшую жену (и мать его сыновей) за некий проступок; та бежала в Аххияву^[188]. Еще он выдал одну из своих дочерей за Шаттивазу, сына Тушратты, которого посадил на трон Митанни как вассала, предварительно подкрепив его право на престол хеттским войском. А наиболее любопытное бракосочетание в правление Суппилиумаса так и не состоялось. В истории оно известно как «дело Цаннанцаса».

Мы знаем о «деле Цаннанцаса» из «Деяний Суппилиумаса», написанных его сыном Мурсилисом II, автором «Молитв во время чумы». По-видимому, к хеттскому двору однажды доставили послание, предположительно от египетской царицы. Послание встретили с подозрением, потому что в нем содержалось предложение, какого никогда раньше не делал ни один правитель Египта. Просьба в письме была настолько удивительной, что Суппилиумас тотчас усомнился в подлинности текста. Письмо гласило:

«Мой муж умер. Сына у меня нет. А у тебя, говорят, много сыновей. Если бы ты мне дал из них одного сына, он стал бы моим мужем. Никогда я не возьму своего подданного и не сделаю его своим мужем! Я боюсь такого позора!»^[189]

В «Деяниях» сказано, что это послание отправила женщина по имени «Дахамунцу». Впрочем, это слово хеттского языка, означающее «жена царя». Другими словами, письмо якобы пришло от царицы Египта. Но это не имело никакого смысла, поскольку египетские венценосные особы не выходили замуж за чужестранцев. Во всех

своих договорах Аменхотеп III, к примеру, ни разу не отдавал женщину из своей семьи за чужеземного правителя, хотя его неоднократно о том просили. Вдобавок «царица Египта» не просто соглашалась вступить в брак с сыном Суппилулиумаса, но и обещала сделать мужа фараоном. В подобное предложение было невозможно поверить, и потому реакция Суппилулиумаса понятна. Он направил в Египет доверенного посланника по имени Хаттусацитис и поручил тому выяснить, вправду ли царица посылала такое письмо и насколько серьезно предложение.

Хаттусацитис побывал в Египте и возвратился не только с новым посланием от царицы, но и с ее «специальным представителем», человеком по имени Хани. Послание было написано по-аккадски, а не на древнеегипетском и не на хеттском. Оно сохранилось до наших дней в фрагментарном виде, было найдено в Хаттусе, в «архиве» хеттов; документ свидетельствует о гневе царицы, в словах которой усомнились. «Деяния» цитируют это письмо следующим образом:

«Коли у меня был сын, разве стала бы я писать в чужую страну о своем собственном унижении и унижении моей страны? Ты мне не поверил и даже сказал мне об этом! Тот, кто был моим мужем, умер. Сына у меня нет. Но я никогда не возьму своего подданного и не сделаю его своим мужем. Я не писала ни в какую другую страну, только тебе я написала. Говорят, у тебя много сыновей. Так дай мне одного своего сына! Мне он будет мужем, а в Египте он будет царем!»^[190]

Но Суппилулиумас продолжал сомневаться, и египетский посланник Хани сказал ему так:

«О, мой господин! Это унижение нашей страны! Если бы у нас был сын нашего царя, разве пошли бы мы в чужую страну, разве стали бы мы просить господина прийти к нам править нами? Тот, кого звали Нибхурурияс [египетский царь], умер, а сына у него не было. Вдова нашего господина одинока. Мы просим, чтобы сын нашего господина [Суппилулиумаса] стал царем в Египте, мы просим, чтобы он стал мужем женщины, нашей госпожи. Больше ни к какой

другой стране мы не обращались. Только сюда мы пришли. Теперь, о, наш господин, дай нам своего сына!»^[191]

Согласно «Деяниям», Суппилулиумас наконец сдался и решил послать в Египет одного из своих сыновей по имени Цаннанцас. Он не сильно рисковал, поскольку Цаннанцас был четвертым из его пяти сыновей. Трое старших уже служили царю в различных качествах, и Цаннанцасом он вполне мог пожертвовать. Если все пройдет гладко, его сын станет правителем Египта; если же хеттов обманут, у царя останутся еще четыре сына.

Как оказалось, опасения были справедливы. Через несколько недель прибыл гонец и сообщил Суппилулиумасу, что на отряд жениха напали в Египте и Цаннанцас погиб. Люди, ответственные за это злодеяние, бежали, и их до сих пор не опознали. Суппилулиумас впал в ярость; он был уверен, что египтяне каким-то образом причастны к случившемуся... и, возможно, хитростью заставили его послать сына на смерть. Как говорится в «Деяниях»:

«Я когда мой отец услышал об убийстве Цаннашаса, он стал жалеть о Цаннанцасе и к богам обратился так: «О, боги! Я не совершал зла, но люди Египта его совершили, и они напали на границы моей страны!»^[192]

По-прежнему остается загадкой, кто напал на отряд и убил Цаннанцаса. Кроме того, остается открытым вопрос о том, кто в Египте мог отправить такое письмо Суппилулиумасу, ибо у нас два кандидата, две овдовевшие царицы. Первая — это Нефертити, жена Эхнатона; вторая — Анхесенамон, жена Тутанхамона^[193]. Однако, учитывая содержание писем (утверждение, что у царицы нет сыновей) и принимая во внимание цепь событий, которые последовали за убийством Цаннанцаса, в результате чего трон Египта занял человек по имени Эйе, женившийся на Анхесанамон — пусть и был достаточно стар, чтобы сойти за ее деда, — вполне логично счесть загадочной отправительницей письма именно Анхесенамон^[194]. Неясно, имел ли Эйе какое-либо отношение к убийству хеттского царевича, но так как он выигрывал больше всех, подозрение явно падает на него.

Когда Суппилулиумас поклялся отомстить за смерть своего сына, он начал составлять планы вторжения в Египет. Эйе предостерег его от нападения — в послании, которое сохранилось во фрагментарном состоянии, — но Суппилулиумас все же объявил войну и отправил хеттское войско в южную Сирию, где хетты разорили множество городов и захватили тысячи пленных, в том числе много египетских воинов^[195]. Если кто-то считает, что бессмысленно затевать войну из-за одного человека, достаточно вспомнить историю Троянской войны, когда микенцы сражались с троянцами десять лет, якобы из-за похищения Елены Прекрасной (к этим событиям мы скоро обратимся). Или же вспомним убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараеве 28 июня 1914 года, которое многие рассматривают как «спусковой крючок» Первой мировой войны.

По иронии судьбы, как отмечалось выше и как говорилось в «Молитвах во время чумы» Мурсилиса, египетские пленные, которых привело с собой хеттское войско, принесли в Анатолию страшную болезнь, быстро распространившуюся по всей империи. Вскоре, приблизительно в 1322 году до нашей эры, Суппилулиумас умер от этой чумы, оказавшись жертвой египетско-хеттского соперничества, как и его сын Цаннанцас.

Хетты и микенцы

Следует сказать еще кое-что о хеттах той эпохи. В правление Суппилиумаса начался период, в течение которого хетты сделались одной из великих держав Древнего мира, встали вровень с египтянами и превосходили в степени влияния митаннийцев, ассирийцев, касситов/вавилонян и киприотов. Они поддерживали такое положение за счет сочетания дипломатии, угроз, войны и торговли. Археологи, которые ведут раскопки в земле Хатти, находят товары из большинства перечисленных стран (на современном языке это были национальные государства). Кроме того, хеттские товары найдены практически во всех этих странах.

Исключением является бассейн Эгейского моря. Хеттские предметы почти не встречаются в курганах бронзового века на материковой части Греции, на острове Крит, на Кикладских островах и даже на Родосе, несмотря на близость последнего к Турции. Найдено всего не более десятка таких предметов, в отличие от сотен египетских, хананейских и кипрских изделий того же периода. С другой стороны, микенские и минойские товары почти не импортировались хеттами в центральной Анатолии, хотя импорт с Кипра, из Ассирии, Вавилона и Египта преодолевал горные перевалы и тек нескончаемым потоком на анатолийское плато. Данная «вопиющая» аномалия в структуре торговли древнего средиземноморского мира не ограничивается временем Суппилиумаса (четырнадцатое столетие до нашей эры): она охватывает большую часть трех столетий, с пятнадцатого по тринадцатый век до нашей эры^[196].

Вполне может быть, что ни одна из сторон просто-напросто не производила того, чего желала бы другая; или что они обменивались скоропортящимися товарами (например, оливковым маслом, вином, древесиной, текстилем, металлами), которые давно исчезли или были переработаны в иное качество. Но это отсутствие торговли также могло оказаться преднамеренным. Мы увидим в следующей главе хеттский дипломатический договор, в котором прописано экономическое эмбарго против Микен — «не должно пропускать ни

один корабль Аххиявы». Представляется вероятным, что мы видим здесь один из древнейших примеров такого эмбарго в истории.

Как уже отмечалось в другом месте^[197], подобный сценарий и стремление к введению эмбарго подтверждаются доказательствами того, что микенцы активно поощряли антихеттские настроения в западной Анатолии^[198]. В начале данной главы уже говорилось, что, если Аменхотеп III и вправду направил посольство на эгейские берега, как следует из его так называемого «эгейского списка» в погребальном храме в Ком эль-Хеттане, чтобы заручиться помощью в сдерживании растущего могущества хеттов, подобные египетские действия против хеттов, особенно те, которые благоприятствовали Микенам, могли встретить горячее одобрение на побережье Эгейского моря.

При этом враждебность и отсутствие торговли между микенцами и хеттами могут являться следствием договора против хеттов, заключенного между Египтом и эгейским государством в правление Аменхотепа III. Если коротко, кажется, что политика, торговля и дипломатия тридцать пять столетий назад, особенно в четырнадцатом веке до нашей эры, не слишком отличались от тех, какие ныне признаются неотъемлемыми элементами глобальной экономики, заодно с экономическими эмбарго, дипломатическими миссиями, обменом дарами и демонстрацией силы на самом высоком дипломатическом уровне.

Глава 3

Действие третье.

Сражаясь за богов и страну^[199]: тринадцатое столетие до нашей эры

Мы не знаем, что происходило в последние мгновения кораблекрушения, когда судно тонуло у юго-западного побережья Турции, близ мыса Улу-Бурун (можно перевести как «Большой выступ»), около 1300 года до нашей эры. Возможно, виной всему оказался налетевший шторм. Либо судно затонуло, напоровшись на скалы под водой? Либо команда покинула борт и намеренно затопила судно, чтобы люди и груз не попали в руки пиратов. Археологи не знают причин катастрофы и не уверены в «приписке» судна, месте его назначения и портах захода, зато они сумели поднять и восстановить груз, который свидетельствует, что это судно бронзового века, скорее всего, шло из Восточного Средиземноморья в Эгейское море^[200].

Молодой турецкий ныряльщик за губками в ходе одного из первых своих «профессиональных» погружений обнаружил останки корабля в 1982 году. Он сообщил, что увидел «металлически лепешки с ушками», лежавшие на морском дне. Шкипер лодки, с которой нырял молодой человек, понял, что за этим описанием скрываются распространенные в бронзовом веке слитки в форме шкур (они выглядят как растянутая шкура забитого быка или коровы). Археологи из Института подводной археологии (ИПА) при Техасском сельскохозяйственном и политехническом университете специально показывали шкиперу фото таких предметов и просили поискать их на дне.

Группу археологов, занимавшуюся поиском подобных шкур, возглавлял Джордж Басс, пионер подводной археологии 1960-х годов; он увлекся этим занятием, еще будучи аспирантом в университете штата Пенсильвания. В ту пору современный автономный аппарат для

дыхания под водой («скуба») был сравнительно новым изобретением, и работа Басса у мыса Гелидония близ побережья Турции стала первой морской экспедицией по раскопкам бронзового века, когда-либо проводившейся профессиональными археологами в этом регионе.

Выводы Басса, который заявил, что у мыса Гелидония потерпел крушение ханаанский корабль, следовавший в Эгейское море и затонувший приблизительно в 1200 году до нашей эры, были встречены скептически и вызвали горячую дискуссию после официальной публикации отчета в 1967 году [\[201\]](#). Большинство археологов отказывались признавать существование какой-либо торговли и контактов между Эгейским бассейном и Ближним Востоком в глубокой древности, более трех тысяч лет назад, а уж мысль о том, что хананеи плавали в Средиземном море, и вовсе казалась смехотворной. Поэтому Басс поклялся отыскать еще один корабль бронзового века до завершения своей научной карьеры, чтобы доказать, что его выводы о крушении у мыса Гелидония вполне обоснованны. Шанс представился в 1980-х годах благодаря находке у мыса Улу-Бурун, которая датируется приблизительно 1300 годом до нашей эры, то есть на сто лет старше корабля с мыса Гелидония.

Улу-бурунский корабль

Современные историки предполагают, что улу-бурунский корабль вышел в море из египетского или ханаанского порта (возможно, из Абу-Хавама, располагавшегося на территории нынешнего Израиля) и по пути заходил в Угарит на севере Сирии и, быть может, на остров Кипр. Затем он двинулся на запад, в Эгейское море, следуя линии южного побережья Анатолии (современная Турция). По пути команда принимала на борт сырое стекло, сосуды для хранения провизии, заполненные ячменем, смолой, специями и, возможно, вином, а также самый ценный груз — почти тонну оловянной и десять тонн медной руды, которые предстояло соединить для получения важнейшего металла эпохи, то есть бронзы.

По грузу корабля мы можем судить с достаточной уверенностью, что судно двигалось на запад от Леванта, по-видимому, в направлении какого-либо портового города на Эгейском море — вероятно, тех нескольких портов материковой Греции, которые обслуживали стольный град Микены (или, может быть, в направлении другого крупного города, скажем, Пилоса на материке или Коммоса и даже Кносса на Крите). Одного того факта, что нашелся корабль, шедший с востока на запад в позднем бронзовом веке, уже было довольно, чтобы подтвердить гипотезу Басса и полностью изменить мнение современных ученых о масштабах торговли и международных контактов более трех тысяч лет назад. Сегодня нам известны три подлинных судна бронзового века, при этом улу-бурунский корабль — крупнейший и «богатейший» из них и он полностью исследован.

Владелец судна и «инвесторы», финансировавшие это плавание, нам неизвестны. Существует немало версий относительно порта приписки этого судна и объяснений, почему оно оказалось там, где затонуло. Возможно, оно отправилось в коммерческий рейс, его наняли ближневосточные или египетские торговцы — быть может, с ведома и одобрения египетского фараона или ханаанского царя. Или оно было отправлено по прямому указанию фараона или царя, с грузом даров от одного государя к другому, как часто поступали в амарнский период, несколькими десятилетиями ранее. Либо это судно снарядили

микенцы, оно ушло на «закупки» в Восточное Средиземноморье и затонуло на обратном пути. Торговцы на его борту, быть может, приобретали сырье и другие материалы, которых было не найти в самой Греции, — например, олово и медь, а также тонны терпентинной смолы (из древесины фисташкового дерева), которые предназначались для изготовления ароматных жидкостей — «духов» — в Пилосе (материковая Греция), откуда готовый товар переправлялся назад, в Египет и Восточное Средиземноморье. Словом, недостатка в возможных сценариях плавания нисколько не ощущается. Если получателями груза являлись именно микенцы, то они наверняка с нетерпением ожидали прихода судна, так как на нем было достаточно сырья для того, чтобы снарядить войско из трехсот человек бронзовыми мечами, щитами, шлемами и доспехами, не считая драгоценной слоновой кости и прочих экзотических материалов. Ясно, что день, когда судно затонуло примерно в 1300 году до нашей эры, стал для кого-то поистине черным днем.

* * *

Улу-бурунский корабль затонул в довольно глубоком месте: его корма сегодня лежит в 140 футах ниже поверхности, а остальная часть судна уходит под углом на глубину 170 футов. Нырять на глубину 140–170 футов опасно, поскольку эта метка превышает пределы безопасного погружения со скубой. Водолазам ИПА разрешалось всего два погружения в день, по двадцать минут пребывания под водой каждое.

Кроме того, на этих глубинах повышенный уровень вдыхаемых газов может привести к наркотическому эффекту. Работая так глубоко, говорил Басс, чувствуешь, будто выпил парочку бокалов мартини перед спуском, и потому каждое погружение и каждое движение под водой требовалось спланировать заранее.

На протяжении почти десятка сезонов, с 1984 по 1994 год, команда водолазов совершила более двадцати двух тысяч погружений без единой серьезной травмы, что свидетельствует о принимавшихся мерах предосторожности (и о том, что за подготовкой ныряльщиков следил бывший «котик» из военно-морского флота США)^[202]. В

результате удалось составить план древнего затонувшего судна и его груза с точностью до миллиметра, ничуть не уступавший дотошностью планам сухопутных раскопок, несмотря на большие глубины, на которых приходилось работать. Нырятьщики вдобавок доставили на поверхность тысячи предметов, которые археологи изучают до сих пор.

Сам корабль изначально имел около пятидесяти футов длины. Его отличала надежность постройки, борта и киль были из ливанского кедра, в конструкции корпуса использовался метод шипов в гнездах^[203]. До этой находки самым древним судном в Средиземном море, построенным по этой технологии, считался киренийский корабль, обнаруженный у побережья Кипра и датируемый эпохой на тысячу лет спустя (около 300 года до нашей эры).

Медные слитки, которых на борту оказалось более 350, было особенно трудно извлекать и поднимать на поверхность. За три тысячи лет под водой, сложенные, что называется, как сельди в бочке, четырьмя отдельными рядами, они изрядно разрушились и готовы были развалиться от малейшего усилия. В конце концов археологи-реставраторы из команды Басса предложили применить особый клей, который впрыскивали в остатки слитков и который затвердевал под водой в течение года. Этот клей в конечном счете закреплял фрагменты разрушенных слитков, и так удалось поднять их на поверхность в относительной целостности.

Но на борту судна было намного больше грузов, чем эти медные слитки. Выяснилось, что трюм улу-бурунского корабля заполнен просто невероятным ассортиментом товаров со всех концов известного тогда мира. На борту отыскивались товары как минимум из семи стран, царств и империй. В дополнение к основному грузу (десять тонн кипрской меди, тонна олова и тонна терпентинной смолы) корабль вез два десятка бревен черного дерева из Нубии, почти двести слитков сырого стекла из Месопотамии, в основном темно-синих, но также светло-синих, фиолетовых и даже оттенка меда/янтаря; около 140 ханаанских сосудов для провизии, двух или трех основных размеров, где хранились терпентинная смола, виноград, гранаты и фиги, а еще специи, например кориандр и сумач^[204]; глиняная утварь с Кипра и из Ханаана, в том числе масляные лампы, миски, кувшины и сосуды; скарабеи из Египта и цилиндрические печати из других регионов

Ближнего Востока; мечи и кинжалы из Италии и Греции (некоторые из них, возможно, принадлежали членам экипажа или пассажирам судна), включая меч с наборной рукоятью из черного дерева и слоновой кости; и даже каменный скипетр с Балкан. Еще обнаружили золотые ювелирные изделия, в том числе подвески, и золотую чашу; сосуды слоновой кости для косметики; медные, бронзовые, оловянные чаши и другие сосуды; двадцать четыре каменных якоря; четырнадцать кусков от бивней гиппопотама и один слоновий клык; шестидюймовую статуэтку ханаанского божества из бронзы, отделанную золотом (если предположить, что она изображала покровителя и защитника судна, надо признать, что со своей задачей божество не справилось)^[205].

Олово на борту, вероятно, было из Бадахшанской области Афганистана, одного из немногих регионов, где этот металл добывали во втором тысячелетии до нашей эры. Оттуда же был и лазурит, проделавший тысячи миль по суше, прежде чем очутиться в трюме корабля. Многие предметы, например лазуритовые цилиндрические печати, не отличались большими размерами, их ничего не стоило пропустить в ходе раскопок, особенно когда стали применять огромные вакуумные трубки для удаления песка, покрывавшего останки корабля. Тот факт, что подобные мелкие предметы все-таки удалось разыскать, подтверждает мастерство подводных археологов, которые работали на мысе Улу-Бурун, под руководством сначала Басса, а затем его преемника Кемаля Пулака.

Один из наиболее мелких предметов, найденных на борту судна, одновременно является одним из самых важных: это египетский скарабей из цельного золота. Такой предмет редкость сам по себе, а дополнительную ценность ему придают нанесенные на поверхность иероглифы с именем Нефертити, супруги фараона-еретика Эхнатона. Ее имя написано на скарабее как «Нефер-неферу-Атон»; такое написание Нефертити использовала только в первые пять лет своего царствования, когда ее муж, возможно, находился, что называется, на пике еретического отрицания всех египетских божеств, кроме Атона, солнечного диска, которому он — и он один — имел право поклоняться напрямую^[206]. Археологи при помощи этого скарабея датировали возраст судна, поскольку скарабей не мог быть сделан — и следовательно корабль не мог отправиться в плавание — ранее прихода Нефертити к власти около 1350 года до нашей эры.

Вдобавок археологи сумели подтвердить дату гибели корабля тремя другими способами. Первый метод подразумевал радиоуглеродный анализ древесины, из которой когда-то состояла палуба корабля. Другой опирался на дендрохронологию (подсчет годовичных колец) и был применен к деревянным балкам корпуса.

Третий метод сводился к изучению хорошо известной микенской и минойской керамики на борту корабля: эту утварь специалисты датировали концом четырнадцатого столетия до нашей эры. В итоге четыре независимые датировки вместе указали на приблизительно 1300 год до нашей эры — на самое начало тринадцатого столетия до нашей эры, плюс или минус несколько лет в любую сторону — как на дату гибели корабля^[207].

Фрагменты небольшой деревянной таблички, первоначально с креплениями из слоновой кости, были найдены в сосудах для провизии; возможно, их занесло туда водой, когда корабль тонул. Напоминающая гомеровские «злосоветные зятевы знаки»^[208] («Илиада», 6,178), эта табличка на пятьсот с лишним лет старше аналогичных писем, которые были обнаружены в иракском Нимруде^[209]. Возможно, табличка содержала упоминания о маршруте судна или, выражаясь современным языком, грузовой манифест. Но воск, на который наносились знаки по обе стороны таблички, давно растворился, не оставив и следа надписей^[210]. Именно поэтому до сих пор невозможно сказать наверняка, предназначался ли груз на борту в дар — допустим, от фараона Египта царю Микен — или принадлежал купцу, который вел торговлю в основных портах по всему Средиземноморью. Как предполагалось выше, это могли быть и покупки, сделанные в ходе междугородного «шопинга», поскольку сырье на борту соответствует потребностям мастеровых, что трудились в микенских дворцах, например в Пилосе, изготавливая товары высокого спроса, в том числе духи и масла, а также ювелирные изделия наподобие стеклянных бус.

Мы вряд ли когда-либо узнаем, кто отправил улу-бурунский корабль в его последний рейс, куда этот корабль направлялся и зачем, но совершенно очевидно, что на его борту находился целый «микрокосм» международной торговли, а это значит, что контакты в Восточном Средиземноморье и Эгейском бассейне были чрезвычайно оживленными в начале тринадцатого столетия до нашей эры. В трюме

судна, как уже говорилось, товары из по крайней мере семи различных областей, а на борту, судя по личному имуществу, фрагменты которого нашли археологи, были минимум двое микенцев, хотя сам корабль являлся, по всей видимости, ханаанским. Очевидно, что этот корабль не принадлежал миру изолированных цивилизаций, царств и владений; нет, он совершал плавания во взаимосвязанном мире торговли, миграции, дипломатии и, увы, войны. Ту эпоху можно назвать первым по-настоящему глобальным веком.

Синарану из Угарита

Примерно через сорок лет после гибели улу-бурунского корабля был составлен текст, в котором зафиксирована часть груза подобного судна, отправленного торговцем по имени Синарану из Угарита на севере Сирии на остров Крит. Это фактически официальная декларация груза на глиняной табличке, написанная на аккадском с использованием клинописи; в ней говорится, что, когда судно, принадлежащее Синарану, вернется с Крита, купцу не придется платить царские подати. Интересующая нас часть текста Синарану, как этот документ известен сегодня, гласит: «С нынешнего дня Аммистамру, сын Нигмепы, царь Угарита, освобождает Синарану, сына Сигину... Его [зерно], его пиво, его (оливковое) масло во дворец не пойдет. Его судно свободно от податей по возвращении с Крита»^[211].

Мы знаем из других источников, что Синарану был богатым угаритским купцом (на аккадском таких купцов называли *tamkar*), который жил и, по-видимому, преуспевал во времена, когда Аммистамру II царил в Угарите. Синарану явно послал свой корабль из Угарита на Крит и обратно примерно в 1260 году до нашей эры, если опираться на текущую датировку правления Аммистамру II (приблизительно 1260–1235 годы до нашей эры). Мы не знаем фактического содержания груза, доставленного с Крита, за исключением упоминавшихся зерна, пива и оливкового масла. По крайней мере, это подтверждение прямых торговых связей между северной Сирией и Критом в середине тринадцатого столетия до нашей эры. Мы также располагаем именем человека, непосредственно участвовавшего в международной экономической деятельности более тридцати столетий назад. Кажется вполне вероятным, что улу-бурунский корабль и тот, который принадлежал Синарану, не слишком отличались друг от друга постройкой или перевозимым грузом.

Еще мы знаем, что Синарану не единственный отправлял и получал суда и грузы в этот период времени — и не единственным среди торговцев был освобожден от дворцовых податей. Аммистамру II даровал аналогичные свободы и другим негоциантам, чьи корабли

ходили в Египет, Анатолию и прочие регионы: «С нынешнего дня Аммистамру, сын Нигмепы, царь Угарита... [текст не сохранился]... Бен-ясубу и Бен-?.. и его сыновей навечно, от податей по плаваниям в Египет и в страну Хатти и в земли... (?), да не отчитываются они перед дворцом и дворцовым управителем»[\[212\]](#).

Битва при Кадеше и ее последствия

В годы деятельности Синарану и других торговцев Угарит находился под контролем (и фактически являлся вассальным царством) анатолийских хеттов. Так было со времен Суппилулиумаса I (середина четырнадцатого столетия до нашей эры), когда заключили договор с подробным перечислением обязательств Угарита как вассального государства хеттов^[213]. Контроль хеттов простирался далеко на юг, до области Кадеш в южной Сирии, но не далее. Египтяне препятствовали стремлениям хеттов к дальнейшему расширению их границ. Крупное сражение между хеттами и египтянами произошло при Кадеше в 1274 году до нашей эры, за пятнадцать или двадцать лет до того, как Синарану отправил свой корабль на Крит. Эта битва является одним из великих сражений древности и может служить одним из первых примеров использования дезинформации для запутывания противника^[214].

Возглавляли войска, соответственно, Муваталлис II Хеттский, который намеревался расширить пределы империи хеттов дальше на юг, в Ханаан, и Рамсес II, фараон Египта, который был полон решимости удержать границу у Кадеша, существовавшую на протяжении нескольких десятилетий. Несмотря на то что не сохранилось хеттских повествований об этой битве, мы знаем практически каждую подробность сражения и его исход, ибо египетская версия записана двумя различными способами в пяти храмах Египта: это Рамессеум (погребальный храм Рамсеса II близ Долины царей) и храмы в Карнаке, Луксоре, Абидосе и Абу-Симбеле. Сокращенная версия, найденная рядом с настенным изображением битвы, известна как «Отчет» или «Бюллетень». Более длинную версию называют «Поэмой» или «Литературной записью».

Мы знаем, что сражение было чрезвычайно жестоким и что обе стороны могли победить в тот или иной момент времени. Еще мы знаем, что схватка зашла в тупик и что спор между двумя державами в конечном счете завершился подписанием мирного договора^[215].

Наиболее эффектная часть повествования касается двух хеттских лазутчиков (бедуинов шошу, как уточняет египетский текст), которых

послали шпионить за египтянами, но с таким расчетом, чтобы их почти сразу же захватили в плен. Под пытками (обычное явление той поры) пленные выдали заранее продуманную дезинформацию; возможно, это первый документально зафиксированный случай в истории человечества. Они сообщили египтянам, что силы хеттов еще не приблизились к Кадешу и находятся далеко на севере, в области Амурру в северной Сирии. Узнав об этом — и не потрудившись получить подтверждение из независимых источников, — Рамсес II устремился вперед с первым из своих четырех полков (полком Амона), стремясь достичь Кадеша раньше хеттов^[216].

На самом деле хетты уже пришли в Кадеш и расположили свое войско в плотном строю к северу и востоку от города, прячась в тени городских стен, где они не были видны египтянам, приближавшимся с юга. Как передовой отряд египетских сил разбил лагерь к северу от города, воины Рамсеса поймали еще двух хеттских лазутчиков и на сей раз узнали правду, но было уже слишком поздно. Хетты, двигаясь по часовой стрелке, обошли город вдоль крепостных стен и обрушились на второй египетский отряд, так называемый полк Ра, застали противника врасплох и наголову разгромили. Остатки полка Ра кинулись на север, преследуемые всем хеттским войском, и присоединились к Рамсесу и полку Амона в их лагере^[217].

Далее битва велась с переменным успехом. Известно, что в какой-то момент египетское войско оказалось на грани гибели, а сам Рамсес едва не погиб, но в одиночку спас себя и своих людей. «Отчет» на стене египетского храма сообщает:

«Тогда фараон устремился вперед и ворвался в ряды падших Хатти, будучи один и сам по себе, и никого не было рядом с ним... И две с половиной тысячи колесниц Хатти ринулись к нему, все с воинами падших Хатти и многими иноземцами, какие были с ними».

Затем рассказ ведется от первого лица, как бы из уст самого фараона:

«Я взывал к тебе, отец мой Амон, когда я был среди множества людей, мне неведомых... Я нашел Амона,

который откликнулся на мой призыв; он подал мне руку, и я возрадовался... Все, что я сделал, было так... Я метал стрелы правой рукой и пленял левой... Я узрел, как две с половиной тысячи колесниц, среди коих я был, пали пред моим конем. Никто из них не воздел рук, дабы сражаться... Я заставил их броситься в воду, как делают крокодилы, и в бегстве своем они топтали друг друга. Я убивал их по своему желанию и изволению»^[218].

Безусловно, рассказ о единоличной доблести Рамсеса — явное преувеличение, поскольку фараона наверняка сопровождали хоть какие-то воины, однако число сражавшихся, возможно, недалеко от истины; в других местах текста численность хеттских сил оценивается в 3500 колесниц, 37 000 пехотинцев, в общей сложности всего 47 500 человек^[219]. Даже с учетом потенциальных преувеличений из настенных изображений и исхода битвы ясно, что Рамсес II и первые два египетских полка сумели продержаться до подхода остальных частей войска, которые вынудили хеттов отступить^[220].

Посему исход сражения оказался патовым, а граница между двумя державами сохранилась по Кадешу, причем ее больше не перемещали и не оспаривали. Пятнадцать лет спустя, в ноябре/декабре 1259 года до нашей эры, примерно тогда же, когда Синарану отправлял свой корабль на Крит из Угарита, был заключен мирный договор (этот документ относится к числу наиболее хорошо сохранившихся и известных документов Древнего мира); своими печатями договор закрепили Рамсес II и новый царь хеттов Хаттусилис III — Муваталлис II умер через два года после битвы. Известное как «Серебряный договор», это соглашение сохранилось в нескольких экземплярах, поскольку изначально существовало в двух версиях — хеттской и египетской. Хеттская версия, записанная на аккадском и нанесенная на табличку из серебра, была отправлена в Египет, где ее перевели на египетский и скопировали на стены Рамессеум и храма Амона в Карнаке. Точно так же египетскую версию перевели на аккадский и скопировали на серебряную табличку, которая осталась в Хат-тусе; археологи обнаружили ее всего несколько десятилетий назад^[221]. Хеттская версия на стенах египетских храмов начинается так^[222]:

«В сей день... пришел царский посол... [и посол]хеттов Те-ретсаб... и второй посол хеттов... [серебряную дощечку] царя хеттов Хетесера (Хаттусилиса), доставленную фараону, — да будет он жив, невредим, здоров, — чтобы просить мира [у величества царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра-] Сетепенра, сына Ра, Рамсеса-Мериамона, которому дана жизнь вечно, вековечно, подобно его отцу Ра, ежедневно»^[223].

Тринадцать лет спустя, возможно, после того как Хаттусилис лично посетил Египет, Рамсес II женился на дочери Хаттусилиса, тем самым закрепив положения договора и взаимоотношения двух государств^[224]:

«Тогда он (Хаттусилис) велел привести его старшую дочь, и великолепные дары (несли) перед нею, золотом, серебром и медью в изобилии, рабами, бесчисленными табунами лошадей, рогатым скотом, козами и овцами десятками тысяч... Неисчислимы были дары, что принесли они царю Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра-Сетепенра, сыну Ра, Рамсесу-Мериамону, подателю жизни. И тогда сказал некто величеству, говоря: «Узри, великий владыка Хатти прислал свою старшую дочь с данью всякого рода... Царевну Хатти, заодно со всеми богатствами земли Хатти»^[225].

Вполне вероятно, что хетты и египтяне были довольны заключением мира и прекращением кровопролития, поскольку их внимания настоятельно требовали два других события, имевших место около 1250 года до нашей эры. Хотя оба этих события легендарны и оба до сих пор не доказаны как фактические, память о них и поныне сохраняется в современном мире. В Анатолии хеттам, возможно, пришлось так или иначе принимать участие в Троянской войне, тогда как египтяне, вероятно, были вынуждены «разбираться» с исходом иудеев. Прежде чем рассмотреть каждое из этих событий по отдельности, следует описать общий контекст эпохи.

Троянская война

Примерно тогда же, когда противники собирали силы в битве при Кадеше, хеттам приходилось уделять немало внимания «второму фронту» в западной Анатолии, где они пытались утихомирить бунтовавших подданных, которых, очевидно, подстрекали микенцы^[226]. Это, быть может, один из древнейших известных нам примеров того, как одно правительство намеренно участвовало в деятельности, направленной на подрыв авторитета другой (вспомните поддержку иранцами «Хезболлы» в Ливане через тридцать два столетия после битвы при Кадеше).

В правление хеттского царя Муваталлиса II, в начале и середине тринадцатого столетия до нашей эры, как следует из текстов, хранившихся в «государственных архивах» столицы Хаттусы, некий ренегат-подданный по имени Пиямараду попытался, говоря современным языком, дестабилизировать ситуацию в окрестностях Милета в западной Анатолии. Он сумел победить местного царя, вассала хеттов, носившего имя Манапа-Тархунта. Считается, что Пиямараду, вероятно, действовал от имени или в сговоре с людьми Аххиява (то есть с микенцами бронзового века)^[227].

Свою «подрывную деятельность» Пиямараду продолжил и в правление следующего хеттского царя, Хаттусилиса III, в середине тринадцатого века до нашей эры, как мы знаем из переписки, которую ученые именуют «письмом Тавагалавы».

Хеттский царь отправил послание неназванному царю народа Аххиявы, к которому он обращался как к «Великому царю» и «брату», что подразумевало равенство их отношений. Мы уже видели, что подобные термины использовали египетские фараоны Аменхотеп III и Эхнатон, обращаясь к правителям Вавилонии, Митанни и Ассирии столетием ранее. Толкование этих текстов предоставляет нам важные сведения о состоянии дел в Эгейском бассейне и на Ближнем Востоке в этот период^[228].

«Письмо Тавагалава» посвящено деятельности Пиямараду, который продолжал совершать набеги на территорию хеттов в западной Анатолии и который, как мы узнаем, только что получил

убежище и был доставлен на корабле в земли Аххиява — вероятно, на остров у западного побережья Анатолии^[229]. Послание также знакомит нас, на третьей «странице» таблички (первые две, увы, не сохранились), с самим Тавагалавой, которого называют братом царя Аххиява и который, очевидно, находился в западной Анатолии, набирая в свою свиту людей, враждебно настроенных к хеттам. Свидетельством того, что прежде отношения между хеттами и микенцами были куда прочнее, чем теперь, является любопытное указание, что Тавагалава ранее ездил («восходил на колесницу») с личным возницей самого хеттского царя^[230].

Послание еще упоминает о споре между микенцами и хеттами за область, известную как Вилуса и расположенную в северо-западной Анатолии. Эта область уже встречалась нам при обсуждении восстания Ассува, которое имело место почти двести лет назад; кажется, что хетты и микенцы в очередной раз рассорились из-за территории, которую большинство ученых отождествляет с Троей и/или Троадой. Принимая во внимание датировку письма (середина тринадцатого столетия до нашей эры), вполне логично задаться вопросом, нет ли тут связи с позднейшими греческими преданиями о Троянской войне^[231].

* * *

История Троянской войны, в традиционном изложении слепого греческого поэта Гомера (восьмое столетие до нашей эры), дополненном так называемым эпическим циклом (фрагментами других эпических поэм, до нашего времени не дошедших) и произведениями позднейших древнегреческих драматургов, хорошо известна. Парис, сын царя Трои Приама, приплыл из северо-западной Анатолии в материковую Грецию с дипломатической миссией к Менелая, царю Спарты. В Спарте он влюбился в красавицу жену Менелая, Елену. Когда Парис вернулся домой, Елена приплыла в Трою с ним — либо добровольно, как уверяли троянцы, либо похищенная царевичем, как считали греки. Разгневанный Менелай уговорил своего брата Агамемнона, царя Микен и вождя всех эллинов, отправить армаду из тысячи кораблей и пятидесяти тысяч воинов против Трои и

вернуть Елену. В итоге после десятилетней войны греки победили. Трои разорили, большинство ее жителей погибли, а Елена возвратилась в Спарту с Менелаем.

Разумеется, есть некоторое количество вопросов, на которые сложно дать ответ. Была ли на самом деле Троянская война? Существовала ли сама Троя? Насколько достоверна история Гомера? Действительно ли Елена обладала лицом удивительной красоты, которое могло увлечь в поход тысячу кораблей? Велась ли Троянская война из-за любви одного мужчины к одной женщине или это был просто предлог для схватки по другим причинам: из-за земли, власти или славы? Сами древние греки не были полностью уверены, когда случилась Троянская война; имеется по меньшей мере тринадцать вариантов относительно даты, предложенных античными авторами^[232].

К тому времени, когда Генрих Шлиман отправился на поиски Трои в середине девятнадцатого столетия нашей эры, большинство ученых признавали Троянскую войну вымыслом и считали, что никакой Трои никогда не было. Шлиман решил доказать, что они ошибаются. Ко всеобщему изумлению, ему это удалось. История находки пересказывалась множество раз, и здесь нет необходимости останавливаться на ней в подробностях^[233]. Достаточно будет отметить, что Шлиман нашел девять городов, один поверх другого, на холме Гиссарлык, и теперь большинство ученых признают этот холм как местоположение древней Трои; однако Шлиман не смог определить, какой из девяти городов является Троей Приама. После первой экспедиции Шлимана предпринимались другие раскопки на холме Гиссарлык, в том числе под руководством архитектора Вильгельма Дерпфельда; Карла Блегена и университета Цинциннати в 1930-х годах; наконец Манфреда Корфмана и ныне Эрнста Пернички из Тюбингенского университета (с конца 1980-х годов до сегодняшнего дня).

Разрушение шестого города — Трои VI — по-прежнему является предметом обсуждения. Изначально датированное приблизительно 1250 годом до нашей эры, это событие, вероятно, на самом деле произошло чуть ранее, около 1300 года до нашей эры^[234]. Это был богатый город, где хватало импорта из Месопотамии, Египта и с Кипра, а также из микенской Греции. Также он являлся, снова

используя современное выражение, «оспариваемой периферией», то есть располагался одновременно на периферии микенского мира и империи хеттов, тем самым как бы угодив в «клещи» между двумя великими державами древнего Средиземноморья в бронзовом веке.

Дерпфельд полагал, что микенцы захватили этот город (Троя VI) и сожгли его дотла и что именно это событие легло в основу эпических сказаний Гомера. Блеген, копавший несколько десятилетий спустя, придерживался иного мнения: он опубликовал, по его собственным словам, неоспоримые доказательства гибели города не от рук человеческих, но в результате землетрясения. Его доводы включали как позитивные свидетельства, наподобие нарушения линии стен и рассыпавшихся башен, так и негативные — на месте не найдено стрел, мечей и прочего оружия^[235]. На самом деле теперь ясно, что тип ущерба, выявленный Блегеном, схож с картиной в других древних городах Эгейского бассейна и Восточного Средиземноморья, в том числе с Микенами и Тиринфом в материковой Греции. Очевидно также, что землетрясения случались не одновременно в конце позднего бронзового века (см. далее).

По Блегену, следующий город, Троя VIIa, является более вероятным кандидатом на «роль» Трои Приама. Этот город был разрушен, вероятно, около 1180 года до нашей эры, и, вероятно, к его гибели причастны «народы моря», а не микенцы, хотя это ни в коем случае не стопроцентная уверенность. Здесь мы расстанемся на время с историей Трои — и вернемся к ней уже в следующей главе, когда речь пойдет о событиях двенадцатого столетия до нашей эры.

Иноземные контакты и материковая Греция в тринадцатом веке до нашей эры

Следует отметить, что именно в этот период в Микенах, в материковой части Греции, появились громоздкие укрепления, частично уцелевшие до наших дней; они были возведены примерно в 1250 году до нашей эры. Их строили одновременно с тем, как реализовывались иные строительные проекты (возможно, оборонительного свойства), в том числе подземный туннель, ведущий к источнику воды, который позволял горожанам не выходить из-под защиты крепостных стен.

Знаменитые Львиные ворота установили на входе в цитадель Микен; они являлись элементом фортификаций, опоясавших город. Сложно сказать, служили ли они стандартной защитной для города или были установлены как знак могущества и богатства. Стены и проем Львиных ворот были сложены из громадных камней (настолько больших, что сегодня обычно говорят о «циклопической кладке»): уже древние греки более поздних поколений думали, что только легендарные одноглазые циклопы с их чудовищной силой могли бы поднять эти камни и поставить надлежащим образом.

Интересно, что подобная архитектура, включая сводчатые галереи, тайные туннели в подземный «водопровод», встречается не только в микенских дворцовых комплексах наподобие самих Микен и Тиринфа, но и в некоторых поселениях хеттов, также датируемых приблизительно этим периодом^[236]. Выяснить, в каком направлении шло возможное влияние, предоставим ученым, но архитектурное сходство позволяет предположить, что эти два региона так или иначе поддерживали контакт друг с другом.

Мы знаем, по микенской глиняной посуде, обнаруженной в Восточном Средиземноморье и датируемой тринадцатым столетием до нашей эры, а также по египетским, кипрским, ханаанским и прочим предметам в странах Эгейского бассейна за тот же период, что микенцы активно торговали с Египтом, Кипром и другими державами древнего Ближнего Востока. Они к тому времени захватили торговые

пути минойцев, а объем торговли действительно увеличился, как упоминалось выше.

Археологи, ведущие раскопки в Тиринфе (Пелопоннес, материковая Греция), недавно представили доказательства того, что некая особая группа киприотов проживала в Тиринфе в конце тринадцатого столетия до нашей эры; это хорошо согласуется с предыдущими гипотезами других ученых относительно наличия неких «специфических» коммерческих отношений между Тиринфом и островом Кипр на протяжении того периода. В частности, город и остров, по-видимому, сотрудничали в металлообработке, а также, возможно, в производстве керамики и фаянса. Именно в эту пору микенские глиняные сосуды для транспортировки, обычно служившие для перевозки вина, оливкового масла и других товаров, отмечались кипро-минойскими символами еще до стадии обжига. Пусть даже язык кипро-минойцев до конца не расшифрован, представляется очевидным, что эти сосуды изготавливались для конкретного рынка сбыта на Кипре^[237].

Удивительно, но таблички с линейным письмом Б, найденные в Пилосе и прочих микенских поселениях, не уделяют особого внимания контактам и торговле с внешним миром. Пожалуй, главным свидетельством таких связей являются слова, заимствованные из языков Ближнего Востока, иноземные наименования соответствующих товаров. Сюда относятся обозначения кунжута, золота, слоновой кости и тмина; к примеру, «кунжут» (*sesame*) в линейном письме Б — *sa-sa-ta*, от угаритского слова *ššmn*, аккадского *šammaššammi* и хурритского *sumisumi*^[238]. В этих табличках встречается также слово *ku-pi-ri-jo*, которое было переведено как «киприот». Оно встречается по меньшей мере шестнадцать раз в табличках из Кносса, где используется для описания специй, а еще — для описания прямого воздействия на шерсть, масло, мед, вазы и мази. Кроме того, в Пилосе это слово употреблялось как «этническое» прилагательное для характеристики людей, занимавшихся пастушеством, работами по бронзе и торговлей шерстью, тканями и квасцами; отсюда может следовать, что этнические киприоты проживали в Пилосе в конце тринадцатого столетия до нашей эры^[239]. Аналогичным образом другое слово, *a-ra-si-jo*, тоже может относиться к Кипру, который было

известен в Восточном Средиземноморье как Аласия (ср. аккадское *a-la-si-ia*, египетское *'irs*, хеттское *a-la-si-ia* и угаритское *altu*)^[240].

Известен также ряд этнических наименований, толкуемых как западноанатолийские, в первую очередь обозначений женских занятий, в текстах на линейном письме Б из Пилоса. Все они относятся к районам, расположенным на западном побережье Анатолии, в том числе Милету, Галикарнасу, Книду и Лидии (Азия). Многие ученые предполагали, что в этих табличках из Пилоса речь идет и о троянских женщинах. Высказывалась гипотеза, что всех этих женщин могли захватить в ходе микенских набегов на западное побережье Анатолии или на соседний архипелаг Додеканес^[241].

В текстах линейного письма Б из Пилоса и Кносса встречаются и слова, которые, по отдельным предположениям, могут оказаться ханаанскими личными именами. К примеру, *Pe-ri-ta* = «Человек из Бейрута»; *Tu-ri-jo* = «Тириец (человек из Тира)»; *po-ni-ki-jo* = «финикийский» (о людях и о пряностях). Кроме того, в табличках из Кносса попадает слово *A-ra-da-jo* = «Человек из Арада (Арвада)»^[242]. Другие имена кажутся египетскими по происхождению, но, вероятно, пришли через Ханаан, а именно: *mi-sa-ra-jo* = «египетский» и *az-ku-pi-ti-jo* = «мемфисский» или «египетский». Первый термин, *mi-sa-ra-jo*, по-видимому, происходит от семитского названия Египта, Мизраим, которое часто встречается в аккадских и угаритских документах Месопотамии и Ханаана. Вторым термин, *az-ku-pi-ti-jo*, также может восходить к ближневосточным названиям Египта, поскольку угаритское имя Египта и города Мемфис — Хикупта. Забавно, что это слово в табличке на линейном письме Б из Кносса употребляется как имя человека, который «заведовал» отарой из восьмидесяти овец на Крите; быть может, его называли «египтянином»?^[243]

Все эти заимствования и имена в табличках на линейном письме Б однозначно указывают, что Эгейский бассейн находился в контакте с Египтом и Ближним Востоком в позднем бронзовом веке. Тот факт, что мы не располагаем записями, документирующими какие-либо взаимодействия, не должен вызывать удивления, так как сохранились только сведения за последний год в каждом из архивов: это таблички, которые были выброшены или случайно обожжены, ведь в стандартных условиях их стирали (водой по поверхности глины) и

повторно использовали каждый год — или по мере необходимости. Более того, мы знаем, что микенцы использовали эти таблички только для фиксации конкретных видов экономической деятельности. Вполне возможно, что «архив иностранных дел» размещался в разных местах микенского мира, сходно с подобными архивами Амарны в Египте и Хаттусы в Анатолии.

Исход израильтян и покорение Ханаана

Относительно Троянской войны и города Трои в период около 1250 года до нашей эры мы имеем немало сведений, пусть даже они недоказуемы (пока недоказуемы?). А вот что касается другого события, случившегося, по преданию, примерно в это же время, свидетельств намного меньше, а те, что есть, еще менее достоверны. Речь об исходе евреев из Египта, повествование о котором содержится в Библии.

Согласно библейскому тексту, в правление неназванного египетского фараона Моисей вывел израильтян из египетского плена. В плен они угодили, как сообщается, после того, как несколько столетий прожили в Египте свободными людьми. Книга Исход говорит, что они провели в Египте четыреста лет после переселения сюда еще при жизни Иакова, одного из библейских патриархов — вероятно, примерно в семнадцатом столетии до нашей эры. Если так, значит, евреи пришли в Египет в эпоху гиксосов, а затем оставались здесь на протяжении позднего бронзового века, включая Амарнский период. В 1987 году французский египтолог Ален Зивье обнаружил могилу человека с семитским именем Апер-Эль, который служил визирем (главным назначенным советником) при фараонах Аменхотепе III и Эхнатоне в четырнадцатом столетии до нашей эры^[244].

В любом случае, как повествует Библия, евреи, ведомые Моисеем, покидали Египет в спешке — после десяти казней, насланных на египтян ветхозаветным Богом иудеев, таким образом убеждавшим египетского фараона в том, что не следует держать иудейское меньшинство населения в рабстве. Затем израильтяне пустились в знаменитое сорокалетнее странствие, которое в конечном счете привело их в землю Ханаанскую и к свободе. В ходе своих скитаний они будто бы шли за столпом дыма в светлое время и за столпом пламени по ночам, а питались манной, что падал с небес. По дороге в Ханаан они обрели десять заповедей на горе Синай и построили ковчег Завета, в котором носили эти скрижали.

Данная история исхода является одним из наиболее известных и тиражируемых рассказов Ветхого Завета, а само событие по сей день

отмечается в еврейском празднике Песах. Тем не менее его чрезвычайно сложно подтвердить по древним текстам и по археологическим свидетельствам^[245].

Намеки в библейском повествовании подсказывают, что, если исход действительно имел место, это произошло в середине тринадцатого столетия до нашей эры, поскольку нам говорят, что евреи были заняты возведением «городов для запасов» Пифом и Раамсес для фараона (Исх 1:11–14). Археологические раскопки на месте этих древних городов показывают, что строительство начал Сети I около 1290 года до нашей эры — возможно, именно он тот «царь, который не знал Иосифа», — а завершил работу Рамсес II (около 1250 года до нашей эры), потенциальный «фараон исхода».

Рамсес II хорошо знаком современным туристам, посещающим Египет, и поклонникам литературы девятнадцатого столетия, ибо это его упавшая статуя в Рамессеуме — погребальном храме недалеко от Долины царей — вдохновила Перси Биши Шелли на знаменитое стихотворение «Озимандия»:

Я встретил путника; он шел из стран далеких
И мне сказал: вдали, где вечность сторожит
Пустыни тишину, среди песков глубоких
Обломок статуи распавшейся лежит.
Из полустертых черт сквозит надменный пламень,
Желанье заставлять весь мир себе служить;
Ваятель опытный вложил в бездушный камень
Те страсти, что могли столетья пережить.
И сохранил слова обломок изваянья:
«Я — Озимандия, я — мощный царь царей!
Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»
Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса над ней...^[246]

Это стихотворение было опубликовано в 1818 году, за пять лет до успешной расшифровки Жаном-Луи Шампольоном древнеегипетских иероглифов. Шелли полагался на древнегреческого историка Диодора

Сицилийского, который неправильно записал тронное имя Рамсеса II как «Озимандия», вместо правильного «Усер-маат-Ра Сетепенра» (User-Maat-re Setep-en-re)^[247].

К сожалению, отождествление Рамсеса II с «фараоном исхода», которое часто встречается в научных исследованиях и популярной литературе, не соответствует истине, если следовать хронологии, которую предлагает Библия. Библейский текст датирует исход приблизительно 1450 годом до нашей эры, со ссылкой на Первую книгу Царств (6:1), где сказано, что это событие произошло за 480 лет до того, как Соломон построил храм в Иерусалиме (что имело место примерно в 970 году до нашей эры). Тем не менее 1450 год до нашей эры — это ближе к концу царствования фараона Тутмоса III, когда Египет был чрезвычайно могущественной силой на Ближнем Востоке. Как мы уже видели, Тутмос III твердо контролировал земли Ханаана, одержав убедительную победу при Мегиддо в 1479 году до нашей эры. Крайне маловероятно, что он позволил бы израильтянам уйти из Египта в этот регион или что его наследники допустили бы, чтобы они скитались сорок лет, прежде чем осесть в Ханаане, особенно с учетом того, что Египет надежно держал регион под контролем со времен Тутмоса III. Вдобавок нет никаких доказательств присутствия израильтян в Ханаане в пятнадцатом и четырнадцатом столетиях до нашей эры — а они должны быть, случись исход и вправду около 1450 года до нашей эры.

Поэтому большинство «светских» археологов предпочитают альтернативную дату, 1250 год до нашей эры; эта дата игнорирует библейскую хронологию, зато выглядит осмысленнее с археологической и исторической точек зрения. Кроме того, она приходится на правление Рамсеса II, фараона, завершившего строительство библейских городов Пифом и Раамсес. Она также соответствует приблизительной дате разрушения ряда ханаанских городов неизвестными силами и допускает сорок лет скитаний по пустыне для израильтян перед покорением Ханаана в соответствии с библейским рассказом. Евреи «успевают» прийти в Ханаан, чтобы оказаться отмеченными на «Израильской стеле» фараона Мернептаха, надпись на которой восходит к 1207 году до нашей эры (это самое раннее упоминание Израиля вне Библии)^[248].

Надпись, которую я вскользь упомянул выше, датируется пятым годом царствования фараона Мернептаха. Сэр Уильям Мэтью Флиндерс Петри обнаружил ее в феврале 1896 года в погребальном храме Мернептаха, недалеко от Долины царей, напротив (через Нил) современного города Луксор. В надписи на стеле Мернептах утверждает, что победил народ, известный как «Израиль» и проживавший в Ханаане. Текст гласит:

Цари низвергнуты со словами: «Пощады!»
Никто не поднимает головы среди Девяти Стрел.
Техену обездолена, Хатти умиротворена,
Ханаан разграблен, погрязший во зле.
Аскалон захвачен, покорен Гезер.
Иеноам будто и не был прежде.
Израиль опустошен, не осталось его семени;
Хурру стал вдовой для Египта.
Все земли объединились и умиротворены.
Всех, кто бунтовал, он усмирил^[249].

Хотя велись активные раскопки в местах, возможно, потенциально связанных с исходом, включая текущие и недавние раскопки в израильском Асоре и Телль эль-Борге на Северном Синае^[250], пока нет никаких подтверждений историчности исхода; все до сих пор опирается на умозаключения и на веру.

С другой стороны, как можно надеяться отыскать артефакты израильтян, сорок лет бродивших по пустыне, более трех тысяч лет спустя? Если они действительно кочевали, а не вели оседлый образ жизни, то, вероятно, использовали палатки на столбах, как нынешние бедуины. Следовательно, археолог в поисках «зримых» свидетельств исхода вряд ли натолкнется на остатки постоянных сооружений, а всякие отверстия в земле от кольев и упоров давным-давно затянулись.

Точно так же многочисленные попытки отождествить библейские десять казней, которые изводили египтян, в том числе нашествие лягушек, мух и саранчи, эпидемию фурункулов, град и смерть египетских перворожденных детей, были либо безуспешны, либо малоубедительны, хотя, конечно, и не вследствие должного старания

исследователей^[251]. Нет и доказательств, подтверждающих библейский рассказ о разделении вод Красного (Черного) моря. В целом, несмотря на бесчисленные попытки (многие из которых предпринимались каналами кабельного телевидения) предложить гипотезы, «подкрепляющие» описания Библии, включая теорию, увязывающую оные с извержением вулкана Санторини в Эгейском море, достоверных свидетельств — археологических, геологических и прочих — пока не обнаружено.

Можно было бы спросить, какие доказательства археолог надеется отыскать в подтверждение разделения морских вод? Затянутые илом останки фараоновых колесниц заодно со скелетами лошадей и воинов и оружием? Настолько далеко никто не заходил, вопреки отдельным стараниям уверить нас в обратном^[252]. Мы даже не можем согласиться с гипотезой, что разделение вод было вызвано цунами (приливной волной), порожденной извержением Санторини в Эгейском море, так как дата извержения теперь отодвинута к 1550-му, а более вероятно, к 1628 году до нашей эры, на основе радиоуглеродного анализа и изучения ледяных кернов, тогда как исход, скорее всего, датируется 1250-м либо, крайний срок, 1450 годом до нашей эры^[253]. По меньшей мере столетие (с 1550 по 1450 год до нашей эры), а реальнее — целых четыре столетия (с 1628 по 1250 год до нашей эры) разделяют эти два события, из чего следует, что попытки объяснить расхождение Красного моря и библейские казни извержением вулкана попросту несостоятельны.

Ветхозаветная книга Иисуса Навина подробно описывает завоевание израильтянами ханаанских городов. На основании этого повествования можно было бы рассчитывать на обнаружение свидетельств тотального разрушения на местах раскопок в Ханаане, будь то Мегиддо, Асор, Вефиль, Гаай (Ай) и так далее. Но мы должны иметь в виду отчасти противоречащую Навину версию книги Судей, где дается немного отличная (более обстоятельная и менее кровавая) картина завоевания, в ходе которого израильтяне и хананеи проживают вместе в городах. Проблема, как подчеркивается в другом месте^[254], заключается в том, что в наличии крайне мало археологических свидетельств, подтверждающих повествование Библии о разрушении ханаанских городов. Сегодня считается, что Мегиддо и Лахиш были разрушены столетие спустя, около 1130 года до нашей эры, как мы

увидим ниже, а в других городах — в том же Иерихоне — не найдено никаких доказательств их гибели в тринадцатом или даже двенадцатом столетиях до нашей эры.

Только Асор до сих пор сулит некоторый шанс, ибо здешний дворец (или храм) позднего бронзового века на акрополе был явно сожжен, а часть города уничтожена, что доказывается остатками деревянных потолочных балок и сосудов, полных горелого зерна. Городские постройки — возведенные во времена расцвета Асора в четырнадцатом столетии до нашей эры, когда город упоминается в египетском «амарнском архиве», — изрядно пострадали в ходе разрушения, как и ворота, которые были сметены «яростным и неумолимым натиском, чему свидетельством груды глиняных кирпичей и пепла высотой до полутора метров»^[255]. Недавние раскопки в верхней части города выявили новые доказательства того же самого: «всюду толстый слой пепла, обгоревшие деревянные балки, треснувшие базальтовые плиты, спекшиеся глиняные кирпичи, рухнувшие стены и изуродованные базальтовые статуи»^[256]. В особенности руины общественных и религиозных сооружений из страты 1А в церемониальном квартале и в других районах Асора «полностью покрыты следами тотального уничтожения»^[257].

Датировка этой катастрофы все еще обсуждается, однако первый археолог Асора Игаэль Ядин и один из нынешних специалистов Амнон Бен-Тор поддерживают гипотезу о том, что это случилось около 1230 года до нашей эры. Но вполне возможно, что катастрофа произошла позже, в начале двенадцатого столетия до нашей эры. Нужно дождаться результатов радиоуглеродного анализа сосудов для хранения зерна, найденных летом 2012 года^[258], чтобы услышать ответ науки.

Нет ясности и с тем, кто нападал на хананеев. Недавние исследования показывают, что это не египтяне и не другие хананеи, поскольку статуи обеих культур были осквернены, чего не совершили бы воины ни одного из народов. «Народы моря» тоже можно исключить, на основании отсутствия конкретной керамики и расстояния от моря, хотя это не слишком убедительные доводы. Бен-Тор в целом согласен со своим предшественником Ядином в том, что израильтяне выглядят наиболее вероятными (и логичными) разрушителями, но Шарон Цукерман изучила период упадка

непосредственно перед разрушением города и предположила, что катастрофа была вызвана внутренним восстанием горожан, после чего город оставался покинутым до одиннадцатого столетия до нашей эры^[259].

Словом, пусть не подлежит сомнению, что Асор был разрушен в тринадцатом или двенадцатом столетии до нашей эры и пребывал в забвении столетие или больше после этого, не ясно, когда именно и кем он был разрушен. Аналогичным образом вопрос о том, происходил ли исход евреев из Египта в реальности или это просто часть мифа, вызывающий интерес у многих людей по всему миру, также пока остается без ответа. Перебирание имеющихся данных не помогает. Может быть, этот вопрос удастся разрешить благодаря кропотливым археологическим исследованиям или какой-то случайной находке. Может быть, что вдруг оправдается какое-либо «альтернативное» толкование истории исхода. Среди них упомяну возможность того, что израильтяне воспользовались разорением, устроенным «народами моря» в Ханаане, чтобы переселиться сюда и завладеть местностью; что израильтяне на самом деле являлись частью большой группы хананеев, уже проживавших в регионе; что израильтяне мигрировали сюда мирно на протяжении столетий. Если хоть одна «альтернатива» представляет собой корректное объяснение того, как евреи очутились в земле Ханаанской, то история исхода сложена, вероятно, столетия спустя, как и предполагали некоторые ученые. Между тем надежнее всего помнить, что здесь велик риск мошенничества: сколько уже выдвигалось недобросовестных «теорий» по поводу событий, людей, мест и предметов, связанных с исходом! Безусловно, еще больше дезинформации, случайной и преднамеренной, ожидает нас в будущем^[260].

На данный момент мы можем сказать наверняка только то, что археологические свидетельства (керамика, архитектура и другие формы материальной культуры) указывают на израильтян как отождествляемую национальную группу, которая точно присутствовала в Ханаане в конце тринадцатого столетия до нашей эры, и что именно их культура наряду с культурой филистимлян и финикийцев поднялась из пепла ханаанской цивилизации, погибшей в двенадцатом столетии до нашей эры. В частности, поэтому вопрос о датировке исхода здесь уместен, ведь израильтяне были среди тех

народов, которые составили новый мировой порядок после хаоса конца позднего бронзового века.

Хетты, ассирийцы, Амурру и Аххиява

Последние цари хеттов — в особенности Тудхалияс IV (1237–1209 годы до нашей эры) и Суппилулиумас II (1207–? годы до нашей эры) — действовали весьма активно в последней четверти тринадцатого столетия, приблизительно с 1237 года до нашей эры, пусть хеттский мир и хеттская цивилизация уже выказывали признаки упадка. Тудхалияс повелел вырезать весь пантеон хеттских богов и богинь, а также себя рядом с ними, на известняковой скале близ Языликаи («Расписной скалы»), на расстоянии около километра от Хаттусы, столицы Хеттского царства.

В ту пору хетты воевали с ассирийцами в Месопотамии. Мы уже встречались с ассирийцами в предыдущей главе, когда говорили об Ашшурубалите I, который правил в Ассирии в период «амарнских фараонов» и разграбил Вавилон, когда предполагаемый брачный союз двух держав не состоялся^[261].

Ассирийцы после короткого относительного спокойствия, наступившего за царствованием Ашшурубалита, стали вновь «поигрывать мышцами» при царе Ададанирари I (1307–1275 годы до нашей эры). При нем и при последующих царях Ассирия обрела могущество на Ближнем Востоке в начале тринадцатого столетия.

Среди свершений Ададанирари следует упомянуть войну с Митанни и захват Вашшуканни и других городов митаннийцев. Он посадил на митаннийский трон своего вассала и расширил пределы Ассирийской империи на запад настолько далеко, что теперь Ассирия граничила с родиной хеттов и почти достигла Средиземного моря. Вероятно, это было довольно просто сделать, поскольку хетты при Суппилулиумасе I, несколькими десятилетиями ранее, уже нанесли сокрушительное поражение митаннийцам^[262].

После Салманасара I (1275–1245 годы до нашей эры), который во многом продолжал политику Ададанирари и, возможно, окончательно разгромил Митаннийское царство^[263], на мировую сцену выступил один из величайших «царей-воинов» Ассирии Тукульти-Нинурта I, правивший приблизительно с 1244 по 1208 год до нашей эры. Он тоже шел по стопам Ададанирари, однако, похоже, подражал и своему

предшественнику прошлого столетия Ашшурубалиту, ибо решил напасть на Вавилон. Впрочем, Тукульти-Нинурта превзошел Ашшурубалита: он не только победил касситского царя Вавилонии Каштилиашу IV в бою и привел того в Ашшур в цепях, но и захватил само царство (ок. 1225 года до нашей эры) и сначала правил там самостоятельно, а затем усадил на трон марионетку. Этот ход оказался не слишком удачным, поскольку марионеточного царя Энлиля-надин-шуми почти незамедлительно атаковали и свергли эламиты, двигавшиеся со своих восточных земель на Иранском плато (в настоящее время юго-запад Ирана). Подобное случалось не единожды, и с Эламом мы вскоре столкнемся снова^[264].

Помимо прочих достижений Тукульти-Нинурты I следует отметить, что этот царь-воин Ассирии победил царя хеттов Тудхалияса IV, тем самым радикально изменив баланс сил на древнем Ближнем Востоке. Высказывалось предположение, будто Тукульти сделался настолько могущественным, что отправил мину (ближневосточная единица веса, вероятно, чуть больше современного американского фунта) лазурита в качестве дара микенскому царю Фив (Беотия в материковой Греции) за Эгейским морем^[265].

Как следствие, накануне первого нашествия «народов моря» на страны Восточного Средиземноморья в 1207 году до нашей эры (всего через год после убийства Тукульти-Нинурты одним из царских сыновей), Ассирия стала крупнейшим игроком на международной арене древнего Ближнего Востока — и оставалась таковой почти двести лет. Это царство подкрепляли дипломатические браки, политика, война и многовековая торговля — с египтянами, вавилонянами, хеттами и митаннийцами. Вне сомнения, Ассирия являлась одной из великих держав позднего бронзового века.

В правление ассирийского царя Тукульти-Нинурты хетты столкнулись с очевидной и серьезной угрозой своей империи и выказывали решимость остановить всякого, кто осмелится проникнуть в глубь территории от побережья до ассирийских земель на востоке. В рамках этой стратегии был заключен договор (приблизительно в 1225 году до нашей эры) между Тудхалиясом IV, царем хеттов, и его шурином Шаушкамувой. Последний правил Амурру, страной, занимавшей прибрежные районы северной Сирии, откуда открывался потенциальный доступ в ассирийские земли. В договоре содержится

уже привычное нам чествование: враг моего друга также признается моим врагом, а друг моего друга становится другом и мне. Тудхалияс IV, именующий себя в третьем лице «величеством», говорит Шаушкамуве:

«Если царь Египта будет другом моему величеству, он должен стать и твоим другом. Но если он будет врагом моего величества, он должен стать и твоим врагом. И если царь Вавилонии будет другом моего величества, он должен быть твоим другом. Но если он будет врагом моего величества, он должен стать и твоим врагом. Поскольку царь Ассирии враг моего величества, он должен быть и твоим врагом. Твои купцы не должны бывать в Ассирии и ты не должен допускать в свои владения ассирийских купцов. Они не вправе странствовать по твоим землям. А если они войдут в твои земли, хватай их и отсылай моему величеству. [Пусть] клятва твоя подтвердит это условие»^[266].

Для нашего исследования Древнего мира особенно показательны два пункта в этом соглашении о «взаимовосхвалении». Первый — это слова Тудхалияса IV, который говорит Шаушкамуве: «[Не позволяй (?)] кораблям [из] Аххиявы плыть к нему (то есть к царю Ассирии)»^[267]. Как полагают многие ученые, здесь содержится упоминание об эмбарго, том самом, о котором мы вспоминали в конце предыдущей главы. Если так, пусть эмбарго, конечно, достаточно современное понятие, то можно предположить, что хетты ввели эмбарго против ассирийцев более трех тысяч лет назад^[268].

Второй пункт изложен в договоре несколькими строками выше. Тудхалияс IV говорит: «И цари, которые мне равны в величии, суть царь Египта, царь Вавилонии, царь Ассирии и царь Аххиява»^[269]. На глиняной табличке с текстом договора слова «царь Аххиява» зачеркнуты, и это означает, что перед нами черновик договора, который предполагалось править, дополнять, сокращать — то есть редактировать. Что еще важнее, табличка позволяет счесть, что царь Аххиява более не считался равней правителям других крупных держав позднего бронзового века — Египта, Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства.

Возникает вопрос: что произошло в бассейне Эгейского моря или на западном побережье Анатолии, в результате чего сложилась такая ситуация? Это должно было случиться сравнительно недавно, поскольку в правление Хаттусилиса III, отца Тудхалияса IV, царь Аххиява признавался «великим царем» и «братом» правителя хеттов. Возможно, ответ (намек на ответ) содержится в одном из текстов Аххиява, известном как «письмо о Милавате». Датированное, вероятнее всего, правлением Тудхалияса IV, это письмо дает понять, что город Милавата (Милаванда, Милет) и окрестные территории на западном побережье Анатолии, прежде точка опоры микенцев в этой области, более не принадлежали царю Аххиява и перешли под контроль хеттов^[270]. Это может означать, что царь Аххиява в глазах правителя хеттов перестал быть «великим царем». Впрочем, мы должны учитывать возможность того, что «ниспровержение» хеттским правителем микенского царя могло стать и следствием какого-то события еще большего масштаба, например в Эгейском бассейне, то есть в материковой Греции (см. ниже).

Хеттское вторжение на Кипр

Между тем Тудхалияс IV решил напасть на остров Кипр. Этот остров являлся важнейшим источником поставок меди во втором тысячелетии до нашей эры, и вполне возможно, что хетты вознамерились «приватизировать» добычу данного драгоценного металла, необходимого для получения бронзы. С другой стороны, нападение на Кипр могло быть предпринято и по иным мотивам. Возможно, оно каким-то образом связано с нашествием «народов моря» или с засухой, которая обрушилась на Восточное Средиземноморье примерно в этот период, как следует из результатов недавних научных исследований и из хорошо известных древних текстов, где упоминается о срочных поставках зерна из Угарита на севере Сирии в порт города Ура в Киликии (юго-восток нынешней Турции)^[271].

Надпись, первоначально нанесенная на статую Тудхалияса, но потом переписанная на табличку эпохи правления сына Тудхалияса Суппилулиумаса II, гласит: «Я пленил царя Аласии со всеми его женами и детьми... Все имущество, включая серебро и золото, и всех плененных людей я увез и переправил в Хаттусу. Я поработил страну Аласия и принудил ее платить дань»^[272]. Суппилулиумас II не только переписал надпись Тудхалияса IV, но и сам покорил Кипр. Запись о его собственном военном успехе сообщает «Я, Суппилулиумас, великий царь, быстро [вышел в] море. Корабли Аласия встретились со мною в битве на море трижды. Я истребил их. Я захватил корабли и сжег их в море. Когда я снова достиг суши, враг из земли Аласия выступил против меня [в сражении] огромным числом. Я [воевал с ними]»^[273].

Очевидно, что Суппилулиумас преуспел в морской битве и, возможно, во вторжении на Кипр, но непонятно, почему ему пришлось нападать и снова покорять остров, если Тудхалияс IV уже захватил Кипр. Быть может, он пытался получить (или восстановить) контроль над добычей меди или над международными торговыми путями, ибо положение в мире делалось все более нестабильным. Мы никогда не узнаем наверняка. Также не ясно, где произошло решающее сражение;

ученые предлагают в качестве вариантов сам Кипр и побережье Анатолии.

После вступления на трон после смерти отца Суппилулиумас II принял имя своего знаменитого предшественника (четырнадцатое столетие до нашей эры) Суппилулиумаса I (настоящее имя нового правителя было Суппилилиамас, а не Суппилулиумас). Возможно, он надеялся повторить успехи и достижения своего предшественника. Вместо этого он в конечном счете стал свидетелем распада империи хеттов. Царю и его войску помимо вторжения на Кипр снова пришлось воевать в западной Анатолии^[274]. Один исследователь отмечает, в недавней статье, что многие из документов, приуроченных к правлению Суппилулиумаса II, «указывают на рост нестабильности внутри хеттской столицы и на нарастание недоверия»; быть может, корректнее рассуждать о «беспокойстве», учитывая то, что случилось чуть позднее^[275].

Кораблекрушения у Иры и мыса Гелидония

Еще один остов древнего парусного судна, на сей раз предположительно с Кипра, судя по керамике, которую оно перевозило, был найден и изучен в 1993–1994 годах морскими археологами у Арголидского побережья материковой Греции, недалеко от Микен. Это кораблекрушение мыса Ира датируется приблизительно 1200 годом до нашей эры и может быть доказательством того, что торговля между Кипром и микенской Грецией продолжалась, несмотря на нападения хеттов на остров^[276].

Примерно в это же время другой корабль затонул у побережья Анатолии, недалеко от того места, где столетием ранее ушел в пучину улу-бурунский корабль: кораблекрушение у мыса Гелидония случилось на юго-западном побережье нынешней Турции. Как уже отмечалось выше, с изучения этого кораблекрушения начал свою карьеру подводного археолога Джордж Басс в 1960-х годах. Басс пришел к выводу, что затонувшее судно было ханаанским и следовало в Эгейское море, а катастрофа произошла приблизительно в 1200 году до нашей эры^[277].

Басс вел раскопки под водой на протяжении нескольких лет, изучал останки корабля с помощью нового оборудования, которое стало доступным в результате стремительного улучшения в технологиях подводных исследований за последние пятьдесят лет. Он нашел ряд предметов, подкрепивших его первоначальную гипотезу о том, что корабль, вероятно, шел с Ближнего Востока; любопытно, что новые находки заставили предположить кипрское, а не ханаанское происхождение судна, как следует из анализа якоря и груза керамики на борту^[278].

Вне зависимости от места его «рождения» в Восточном Средиземноморье, судно, потерпевшее крушение у мыса Гелидония, и его груз имеют важное значение, пусть, по общему признанию, они не столь значимы, как улу-бурунский корабль. Это судно меньших размеров, как правило, характеризуют как «бродившее» от порта к порту, занимавшееся международной торговлей малых масштабов и не выполнявшее коммерческой или дипломатической миссии^[279]. Однако

это еще одно свидетельство того, что международная торговля продолжалась в конце тринадцатого столетия до нашей эры, даже когда «мировой порядок» в Восточном Средиземноморье и Эгейском бассейне начал рушиться.

Глава 4

Действие четвертое.

Конец эпохи: двенадцатое столетие до нашей эры

Вот и настал момент, которого мы так долго ждали, — кульминация пьесы и драматическое начало конца более чем трехсотлетнего периода глобальной экономики, отличительной черты позднего бронзового века в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье. Двенадцатое столетие до нашей эры, как мы увидим в заключительном акте нашей пьесы, характеризуется преимущественно сообщениями о потерях и разрушениях, а вовсе не о торговле и развитии международных отношений. Однако свое повествование мы начнем, как говорится, на высокой ноте — именно с последнего.

Открытие Угарита и Минет эль-Бейды

Принято считать, что шанс выпадает подготовленным, но в некоторых случаях удача благоприятствует даже неподготовленному. Случайная находка, сделанная местным крестьянином, вряд ли искусственным в тонкостях археологии, привела к обнаружению руин города и царства Угарит, располагавшегося на побережье северной Сирии. В 1929 году известие о находке захоронения в Минет эль-Бейде привлекло французских археологов. Раскопки быстро позволили отыскать развалины портового города, ныне официально именуемого как Минет эль-Бейда. На восемьсот метров далее в глубь суши, под курганом, известным как Рас-Шамра, была найдена и предъявлена всему миру бывшая столица Угарита^[280].

Французы работали в Угарите и Минет эль-Бейде почти непрерывно с 1929 года — сначала там трудилась экспедиция Клода Шеффера, а с 1978 по 1998 год работала экспедиция Маргерит Йон. С 1999 года раскопками занимается совместная франко-сирийская команда^[281]. Совокупность вложенных усилий позволила отыскать некогда процветавший, деловой и коммерческий город и порт, который был внезапно разрушен и покинут вскоре после начала двенадцатого столетия до нашей эры. В руинах были найдены предметы со всего Восточного Средиземноморья и из бассейна Эгейского моря; например, на складе в Минет эль-Бейде нашли восемьдесят ханаанских сосудов для хранения продуктов. К сожалению, указанную находку сделали в 1930-х годах, когда еще не применялись современные методы строгого научного анализа^[282].

В развалинах частных домов и внутри царского дворца в Угарите обнаружили важные архивы, работа над которыми ведется с 1950-х годов; эти документы представляют собой свидетельства хозяйственной деятельности ряда купцов, а также царской семьи Угарита. Письма и другие элементы из этих архивов написаны на глиняных табличках, что типично для бронзового века, но на многих табличках текст нанесен на разных языках — то на аккадском, то на хеттском, то на древнеегипетском, а то и на менее широко используемых языках наподобие хурритского.

Более того, на табличках был выявлен еще один язык, с которым ученые никогда прежде не сталкивались. Его удалось довольно быстро расшифровать и отождествить как угаритский. Эта письменность опиралась на одну из наиболее древних среди известных нам алфавитных систем, причем в письмах и документах встречаются сразу два алфавита, один с двадцатью двумя символами, как в финикийском алфавите, а другой с восемью дополнительными знаками^[283].

Эти угаритские тексты, которых к настоящему времени обнаружено столько, что они породили особое направление нынешней исторической науки, известное как «угаритология», содержат не только архивы и корреспонденцию купцов и царей, но и образчики литературы, мифологические тексты, исторические хроники, религиозные «трактаты» и прочие приметы развитой цивилизации, осознающей собственную значимость. В результате мы получили возможность реконструировать город Угарит из руин и можем также восстановить по найденным текстам повседневную жизнь и систему верований его жителей. Например, очевидно, что они поклонялись пантеону божеств, среди которых особое место занимали Эл и Ваал. Еще мы знаем имена угаритских царей, от Аммистамру I и Никмадду II, чьи письма к Аменхотепу III и Эхнатону находятся в египетском архиве Амарны, до последнего царя Угарита Аммурапи, который правил в первом десятилетии двенадцатого века до нашей эры. Также нам известно, что цари Угарита женились на «принцессах» из соседнего государства Амурру и, вероятно, на хеттских царевнах, и эти династические браки сопровождались приданым, достойным царской семьи и царского статуса, пусть как минимум один такой брак завершился громким разводом, суд вследствие которого затянулся на долгие годы^[284].

Экономические и коммерческие связи Угарита и его купцов

Жители и правители Угарита поддерживали оживленные торговые контакты на протяжении всей истории существования города-государства. По всей видимости, Угарит служил таким международным перевалочным пунктом, и корабли из многих стран заходили в порт Минет эль-Бейды. Возможно, Угарит являлся вассалом Египта в первой половине четырнадцатого столетия до нашей эры, но определенно стал вассалом Хеттского царства со второй половины того же столетия, после того как Суппилулиумас завоевал угаритские владения около 1350–1340 годов до нашей эры. Тексты, обнаруженные в различных архивах и датируемые в большинстве своем последним полувеком существования города, документируют связи Угарита с поистине бесчисленным множеством ближневосточных политий, больших и малых, среди которых Египет, Кипр, Ассирия, Хеттское царство, Каркемиш, Тир, Бейрут, Амурру и Мари. Совсем недавно к этому списку добавились страны Эгейского бассейна^[285].

В табличках особо отмечается, что из Угарита экспортировались скоропортящиеся (в широком смысле слова) товары, такие как крашенная шерсть, льняные ткани, масло, свинец, медь, а также предметы из бронзы, вывозившиеся прежде всего к ассирийцам, обитавшим далеко на востоке Месопотамии, и что город поддерживал обширную торговлю с Бейрутом, Тиром и Сидоном на финикийском побережье^[286]. В самом Угарите найдены предметы, явно импортированные из бассейна Эгейского моря, из Египта, с Кипра и из Месопотамии, в том числе микенские сосуды, бронзовый меч, украшенный надписью с именем египетского фараона Мернептах, сотни осколков алебастровых сосудов и других предметов роскоши^[287]. Все эти и прочие, более «приземленные», товары, наподобие вина, оливкового масла и пшеницы, доставлялись в Угарит стараниями купцов вроде знакомого нам Синарану, с которым мы встретились ранее на страницах этой книги: его корабль совершил плавание на Крит и обратно в середине четырнадцатого столетия до нашей эры. Мы знаем, что жители Угарита были достаточно

обеспеченными в финансовом отношении, чтобы каждый год отсылать дань хеттам — пятьсот сиклей^[288] золота, крашеной шерсти и тканей, в дополнение к золотым и серебряным кубкам для хеттского царя, царицы и высокопоставленных сановников^[289].

Сегодня нам известны имена и других угаритских купцов, которые вели торговлю позднее — накануне гибели Угарита в начале двенадцатого столетия до нашей эры, — благодаря новым табличкам, многие из которых были найдены в последние десятилетия в развалинах городских домов; эти таблички в значительной степени изменили наше представление о вероятном сценарии катастрофы^[290]. Один дом, обозначаемый как «дом Йабнину», располагался недалеко от южной части царского дворца. Сам дом до сих пор не раскопан полностью, но уже известно, что он занимал площадь по меньшей мере в тысячу квадратных метров, а значит, Йабнину был вполне успешным торговцем. Шестьдесят или более табличек, найденных в руинах этого дома, хранились при жизни купца, как полагают, на втором этаже дома; они содержат документы, написанные на аккадском, угаритском и на пока еще не расшифрованном языке (кипро-минойском), который использовался преимущественно на острове Кипр, но надписи на котором обнаружены также на сосудах в Тиринфе (материковая Греция). Тексты на табличках и предметы импортного происхождения, найденные в доме, убедительно доказывают, что торговая деятельность Йабнину подразумевала контакты с Кипром, Левантийским побережьем далее на юг, Египтом и бассейном Эгейского моря^[291].

Другой набор табличек удалось отыскать в так называемом «доме Рапану», который был раскопан в 1956–1958 годах. Данные таблички, общим числом более двух сотен, были изучены, а затем опубликованы в переводе десятилетие спустя, в 1968 году. Они указывают на то, что Рапану был писцом и высокопоставленным советником царя Угарита, скорее всего, Аммистамру II (ок. 1260–1235 годов до нашей эры). Рапану, по-видимому, был участником каких-то достаточно щекотливых переговоров на самом высоком уровне, о чем свидетельствует содержимое архива. Документы включают в себя ряд писем, которыми обменивались царь Угарита и правитель Кипра (Аласии), датированных временем, когда обоим государствам угрожали «народы моря». Также в архиве присутствует переписка с царем

соседнего Каркемиша и с более далеким египетским фараоном; в последнем случае обсуждается некий инцидент с участием хананеев на Левантийском побережье^[292].

Одно из писем касается торговли маслом между Угаритом и Кипром. Письмо отправлено Никмадду III, предпоследним царем Угарита, правителю Аласии, которого царь именует «отцом», а себя самого называет «сыном»^[293]. Если только угаритский царь не женился на кипрской царевне, что в принципе было вполне возможно, мы вправе предположить, что употребление слова «отец» следует общей терминологии того времени в попытке установить псевдородственные отношения, одновременно признавая либо превосходство, либо относительное старшинство правителя Кипра перед царем Угарита. Другое письмо из найденных в этом доме уже упоминалось выше — то самое, где говорится о приходе вражеских кораблей в Угарит; Шеффер считал, что его оставили в печи после обжига и не успели отослать правителю Кипра. Мы обсудим этот текст ниже.

Некоторые из наиболее «свежих» (свежеобнаруженных) табличек найдены в так называемом «доме Уртену». На этот дом в южной части территории раскопок первоначально наткнулись совершенно случайно в ходе строительства современного военного бункера в 1973 году. Археологам позволили изучить отвалы земли из котлована, вырытого под бункер (и разрушившего центр «дома Уртену»), и они нашли ряд табличек, которые все в настоящее время переведены и опубликованы. Новые таблички были обнаружены в ходе тщательных раскопок 1986–1992 годов и также опубликованы, а результаты экспедиций 1994–2002 годов ныне внимательно изучаются. В целом удалось найти более 500 табличек — только в 1994 году раскопали сразу 134 штуки, — причем некоторые тексты написаны на угаритском, однако большинство написано на аккадском. Корреспонденция включает письма правителей Египта, Кипра, Хеттского царства, Ассирии, Каркемиша, Сидона, Бейрута и, возможно, Тира^[294]. Одно из наиболее древних писем было отправлено царем Ассирии, вероятно, Тукульти-Нинуртой I, царю Угарита, возможно Аммистамру II или Ибиране, и касалось сражения, в котором ассирийцы во главе с Тукульти-Нинуртой победили хеттов во главе с Тудхалиясом IV^[295].

Как отметил один из археологов, принимавших участие в раскопках, таблички доказывают, что Уртену жил и действовал в начале двенадцатого столетия до нашей эры и обладал высоким социальным статусом. По всей видимости, он являлся «агентом» крупного коммерческого предприятия, которое возглавлял зять царицы и которое поддерживало торговые контакты с городом Эмар во внутренней Сирии, а также с близлежащим Каркемишем. Уртену помимо этого участвовал в переговорах и торговых операциях с островом Кипр, не считая иных маршрутов междугородной торговли^[296]. Пять писем, найденных в его доме и отправленных с Кипра, для нас чрезвычайно важны, поскольку в них — впервые за всю историю изучения древней корреспонденции — упоминается имя кипрского правителя бронзового века, человека по имени Кушмешуша. В архиве имеются два письма от этого царя, а еще два письма от старших сановников острова и — что весьма любопытно — послание угаритского писца, который в тот момент оказался на Кипре. Эти пять писем дополнили «кипрский архив» из четырех посланий из Аласии, найденных ранее в «доме Рапану»^[297].

Дополнительно в двух письмах из «дома Уртену» говорится о двух «мужчинах из Хиявы», которые будто бы ожидали в землях Лукки (позднее ставшей известной как Ликия) на юго-западе Анатолии прибытия корабля из Угарита. Послания были отправлены Аммурапи, последнему правителю Угарита, царем хеттов, вероятно, Суппилиумасом II, и одним из его главных сановников. Они содержат древнейшее упоминание о населении Эгейского бассейна в архивах Угарита, ведь «Хиява», несомненно, является производным от хеттского слова «Аххиява», которым, как мы уже видели, по мнению большинства ученых, обозначали микенцев и других представителей Эгейского бассейна в бронзовом веке^[298].

Имеется также письмо от египетского фараона Мернептаха, ответ на просьбу царя Угарита — либо Никмадду III, либо Аммурапи — прислать зодчего, чтобы тот вытесал статую фараона и установил ее в Угарите, прямо перед храмом Ваала. Фараон в своем послании отказывается выполнить эту просьбу, но приводит длинный перечень предметов роскоши, которые поставлялись из Египта в Угарит. Товары грузились на корабль, который должен был уйти в Угарит, писал фараон, и среди них более сотни всевозможных тканей и предметов

одежды, а еще разнообразные «штучки» наподобие древесины эбенового дерева и «отрезов» красного, белого и синего камня^[299]. Опять нам следует учесть, что почти все эти товары являлись скоропортящимися и не сохранились для археологов. Хорошо, что они упоминаются в данном тексте, поскольку в противном случае мы бы никогда не узнали, что таковые предметы когда-либо существовали и пересылались из Египта в Угарит.

Последнее важное для нас письмо в этом архиве — от посланника или «дипломатического представителя» по имени Зу-Аштарти. В тексте обсуждается корабль, на котором он отплыл из Угарита. Посланник утверждает, что его задержали в пути. Некоторые ученые предполагали, что он, возможно, был похищен, но сам Зу-Аштарти пишет лишь следующее: «На шестой день я очутился в море. Ветер наполнил парус, и я достиг владений Сидона. Путь от Сидона до окрестностей Ушнату был утомителен и тосклив, а в Ушнату меня задержали. Пусть мой брат узнает это... Скажи царю: «Если им доставили лошадей, которых царь отдал посланнику в землях Аласия, тогда товарищ этого посланника придет к вам. Пусть они передадут этих лошадей в его руки»^[300]. Не совсем понятно, из-за чего его «задержали» в Ушнату и почему это письмо вообще оказалось в «архиве Уртену», однако вполне возможно, что торговля лошадьми была под государственной защитой в Угарите того времени. Соответствующее по датировке послание хеттского царя Тудхалияса IV к Аммистамру II, найденное в «доме Рапану», однозначно указывает, что правитель Угарит не должен допускать, чтобы лошади вывозились в Египет хеттскими или египетскими посланниками и купцами^[301].

Разрушения в Северной Сирии

Текстовые свидетельства различных архивов и «домов» Угарита показывают, что международная торговля и международные контакты горожан были весьма активными вплоть до самого последнего момента. Один из исследователей и публикаторов корреспонденции из «дома Уртену» отметил почти двадцать лет назад, что налицо практически полное отсутствие сведений о грядущих бедствиях, за исключением упоминания о вражеских кораблях в одном письме, и что торговые пути оставались открытыми до самой гибели города^[302]. То же самое верно и в отношении Эмара, города на реке Евфрат, далеко на восток во внутренней Сирии, где отмечалось, что «писцы вели дела как обычно до конца»^[303].

Так или иначе, Угарит погиб, был, по-видимому, разрушен насильственно, в правление царя Аммурапи, скорее всего, между 1190 и 1185 годами до нашей эры. Город оставался заброшенным до персидского периода, который наступил примерно 650 годами позже^[304]. Археологи сообщали о «признаках уничтожения и пожаров по всему городу», в том числе о «рухнувших стенах, обгоревшей глинобитной штукатурке и горах пепла»; слой разрушений кое-где достигает двух метров. Маргерит Йон, последний руководитель раскопок, говорит, что потолки и террасы в жилых кварталах обрушились и что повсюду в городе стены превратились в «бесформенные груды щебня». По ее мнению, город погиб от нападения неприятеля, а не от землетрясения, как ранее предполагал Шеффер, и на городских улицах велась ожесточенная схватка. Об этом, по словам Йон, свидетельствует «наличие множества наконечников стрел, обнаруженных среди следов разрушения и заброшенных руин», а также тот факт, что горожане, которых насчитывалось около восьми тысяч человек, бежали в спешке и не вернулись, даже не попытались забрать ценности, припрятанные в укромных местах перед бегством^[305].

Точная датировка указанных событий уже давно является предметом обсуждения и споров. Наиболее убедительным доказательством служит письмо, найденное в 1986 году в «доме

Уртену». Оно адресовано Аммурапи, царю Угарита, и отправлено египетским «канцлером» (визирем) по имени Бей, который, как мы знаем по египетским источникам, был казнен на пятом году правления фараона Сиптаха. Этот фараон был предпоследним правителем Девятнадцатой династии в Египте и царствовал ок. 1195–1189 годов до нашей эры, то есть всего за несколько лет до Рамсеса III из Двадцатой династии. Посему послание может быть датировано с определенной точностью — оно явно написано до казни Бея в 1191 году до нашей эры, из чего следует, что разрушение города не могло иметь места прежде этой даты. Поэтому гибель Угарита, как правило, датируется 1190–1185 годами до нашей эры, хотя технически данное событие могло на самом деле произойти позже^[306]. Недавняя научная статья отмечает, что эта дата может быть скорректирована с учетом астрономических наблюдений, найденных на другой табличке из Угарита. Там говорится о солнечном затмении, которое отождествляется как случившееся 21 января 1192 года до нашей эры; следовательно, город не мог погибнуть ранее этой даты^[307].

Вопреки предыдущим научно-популярным изложениям истории гибели Угарита^[308], мы не отважимся воспользоваться знаменитым письмом из так называемого «Южного архива», найденном в V дворе царского дворца в Угарите, чтобы датировать печальный исход или идентифицировать нападавших. Речь о том самом письме, которое, как считал Шеффер, обжигали в печи перед тем, как отослать правителю Кипра. Оно начинается так: «Отец мой, вражеские корабли пришли. Они предают пламени мои города и наносят урон моей земле». Согласно первоначальному отчету, табличку нашли в печи вместе с более чем семьюдесятью другими, где они ожидали обжига. Французские археологи и другие исследователи предполагали, что вражеские корабли вернулись и разграбили город еще до того, как горожане успели отправить настоятельную просьбу о помощи; это утверждение кочевало по страницам научных трудов и научно-популярных книг на протяжении последних нескольких десятилетий. Тем не менее недавнее изучение места находки современными исследователями показало, что табличку нашли вовсе не в печи, что она хранилась в корзине, которая упала со второго этажа уже после того, как люди покинули здание^[309].

В результате, хотя послание возможно использовать для обсуждения присутствия вражеских кораблей и, возможно, самих захватчиков, совершенно непонятно, датируется ли оно последними днями Угарита или каким-то чуть более ранним периодом. Даже если в нем и вправду упоминаются корабли «народов моря», вполне может быть, что послание говорит о первой волне завоевателей, о той, что нахлынула на Египет в 1207 году до нашей эры, а не о второй волне, против которой сражался Рамсес III в 1177 году до нашей эры.

Город Эмар во внутренней Сирии, с которым Угарит поддерживал тесные торговые связи, тоже был разрушен приблизительно в 1185 году до нашей эры, как мы знаем благодаря датировке юридических документов, обнаруженных в его развалинах. Однако неясно, кто именно разрушил Эмар. Таблички, найденные в городе, говорят о безымянных «ордах» и вовсе не указывают на «народы моря», что было отмечено многими учеными^[310].

Город Рас-Бассит на северной границе Угарита также был уничтожен примерно в то же время. Археологи видят в данном поселении форпост Угарита и полагают, что приблизительно в 1200 году до нашей эры оно было «частично эвакуировано, частично заброшено, а затем предано огню, аналогично другим поселениям в регионе». Гибель Рас-Бассита приписывается «народам моря», но это утверждение видится не слишком обоснованным^[311].

Схожим образом обстоит дело с Рас-ибн-Хани, поселением на побережье к югу от Угарита, которое, как считается, являлось второй резиденцией угаритских царей на протяжении тринадцатого столетия до нашей эры. Археологи и другие исследователи предполагают, что это поселение было эвакуировано незадолго до разрушения Угарита, а затем уничтожено «народами моря». Как минимум частично данное место было заселено снова, как и Рас-Бассит, и на основании керамики, найденной в слоях «повторного заселения», археологами делается вывод о том, что разрушителями и «заселителями» обоих поселений были представители «народов моря». Подробнее об этом мы поговорим далее^[312].

Пожалуй, наилучшее и, безусловно, свежайшее доказательство полномасштабной катастрофы в тот период обнаружено в Телль-Твейни, где в позднем бронзовом веке находилась гавань города Гибала, принадлежавшего Угаритскому царству и располагавшегося

примерно в тридцати километрах к югу от современного города Латакия. Это поселение было заброшено «после жутких разрушений» в конце позднего бронзового века. Согласно выводам археологов, «слой разрушений содержит остатки конфликта (бронзовые наконечники стрел, разбросанные по всему городу, рухнувшие стены, сгоревшие дома), пепел от сожжения домов и хронологически хорошо сохранившиеся керамические осколки, датируемые временем падения города»^[313].

По датировке этого «слоя разрушения» с помощью «археологии стратифицированного радиоуглеродного анализа» и «узловых моментов в античных эпиграфических и литературных источниках, сведений о правлении хетто-левантийско-египетских царей и астрономических наблюдений», археологи утверждают, что наконец-то смогли «точно датировать вторжение «народов моря» в северный Левант» и «впервые предложить достоверную хронологию этого ключевого периода развития человеческого общества»^[314]. Радиоуглеродный анализ массивного пепельного слоя (слой 7А) показывает, что пепел датируется приблизительно 1192–1190 годами до нашей эры^[315]. Впрочем, пусть археологам, возможно, удалось датировать разрушения этого поселения позднего бронзового века, они предлагают лишь косвенные доказательства того, что это разрушение было спровоцировано «народами моря» (об этом см. ниже).

Также стоит отметить, что указанная дата (1192–1190 годы до нашей эры) на полные тринадцать-пятнадцать лет опережает встречу Рамсеса III с «народами моря» в бою в 1177 году до нашей эры. Даже гибель других поселений, датируемая 1185 годом до нашей эры, на восемь лет предваряет этот кульминационный момент. Возможно, мы должны задаться вопросом, сколько времени понадобилось предполагаемой группе мигрирующих народов на то, чтобы пересечь Средиземноморье или просто добраться с побережья Леванта до Египта. Разумеется, срок зависел от их организованности, наличия транспортных средств и конечных целей среди прочих факторов, так что на этот вопрос нелегко дать однозначный ответ.

Напоследок следует уделить внимание поселению дальше на юг, Телль-Казель, которое находилось во владениях Амурру и, быть может, возникло на месте древнего Цумура, столицы этого царства. Поселение было уничтожено в конце позднего бронзового века, и

археологи выдвинули правдоподобную гипотезу о том, что к его гибели причастны «народы моря», тем более что Рамсес III особо упоминал об этом царстве (то есть об Амурру) в своей надписи, посвященной «народам моря». Тем не менее в уровне заселенности, предшествующем разрушению, археологи обнаружили осколки, отождествленные с микенской керамикой местного производства, и другие признаки появления переселенцев из Эгейского бассейна и Западного Средиземноморья^[316]. Райнхард Юнг из Венского университета, который изучал эту керамику, предположил, что «до глобального разрушения, учиненного «народами моря», малочисленные группы переселенцев прибыли на корабле в Телль-Казель и обосновались там бок о бок с местным населением». Он видел в этом пример «малой иммиграции» из Эгейского бассейна, но сам отмечал, что некоторые из переселенцев, возможно, происходили из южной части континентальной Италии^[317]. Если данная гипотеза верна, перед нами лишнее доказательство сложности международных отношений в тот период, вплоть до того, что разрушения, причиненные второй волной «народов моря» около 1177 года до нашей эры, возможно, затронули «ранних» иммигрантов аналогичного происхождения, которые уже обосновались в Восточном Средиземноморье, в ходе или сразу после первого пришествия «народов моря» — на пятый год правления фараона Мернептаха, в 1207 году до нашей эры.

Разрушения в Южной Сирии и Ханаане

В ту же эпоху, в двенадцатом столетии до нашей эры, некоторое количество городов и поселений было уничтожено на юге Сирии и Ханаана. Как и в Северной Сирии, сложно сказать наверняка, кто именно их уничтожил и когда точно это произошло, пусть даже в слое разрушений небольшого поселения Дейр-Алла в Иордании была обнаружена ваза с картушем египетской царицы Таусерт. Эта царица была вдовой фараона Сети II, и считается, что она правила с 1187 по 1185 год до нашей эры. Иными словами, гибель поселения можно датировать периодом вскоре после этих лет. То же самое справедливо в отношении поселения Акко, на территории современного Израиля, где в слое разрушения был найден скарабей Таусерт^[318]. Другим доказательством катастрофы может служить Бет-Шан, где раскопки Игаля Ядина позволили увидеть насильственное окончание периода египетского присутствия^[319].

Пожалуй, самыми известными среди поселений этой области являются Мегиддо и Лахиш, очевидно, подвергшиеся жестокому уничтожению. Впрочем, суть и датировка случившегося там до сих пор остаются предметом научной дискуссии. Оба поселения, как представляется, были разрушены на несколько десятилетий позже, чем те города, о которых говорилось выше: как Мегиддо, так и Лахиш, по всей видимости, погибли около 1130 года, а не около 1177 года до нашей эры^[320].

Мегиддо

В Мегиддо (долина Изреель в современном Израиле, место библейского Армагеддона) удалось отыскать около двадцати поселений, так сказать, «наложенных» друг на друга, один поверх другого. Из их числа седьмое поселение, где присутствуют два археологических слоя, VIIВ и VIIА, было жестоко разрушено — то ли последовательно в тринадцатом и двенадцатом столетиях до нашей эры, то ли, возможно, за «один присест» в двенадцатом столетии до нашей эры.

Принято считать, с тех пор как археологи университета Чикаго предъявили широкой публике результаты своих раскопок в 1925–1939 годах, что поселение слоя VIIВ погибло приблизительно между 1250 и 1200 годами до нашей эры, тогда как процветающее поселение слоя VIIА было уничтожено около 1130 года до нашей эры. В этих слоях были обнаружены остатки ханаанского дворца (или даже сразу двух дворцов, из которых второй был возведен на развалинах первого).

Согласно археологам из университета Чикаго, дворец слоя VIIВ «был разрушен насильственно, причем разрушения оказались столь обширными, что строителям эпохи VIIА показалось более целесообразным попросту сровнять развалины и возвести свои здания поверх, чем расчищать территорию, как поступали предыдущие строители». Помещения дворца «заполнены каменными обломками на высоту около полутора метров... на стенах помещений в северной части дворца повсюду видны словно обугленные горизонтальные линии... отмечающие исходный уровень пола по всему дворцу»^[321]. Дворец слоя VIIА, возведенный поверх руин своего предшественника, просуществовал, по мнению чикагских археологов, примерно до 1130 года до нашей эры.

Однако сравнительно недавно Давид Уссишкин, археолог из Тель-Авивского университета и буквально «на днях» ушедший на пенсию содиректор экспедиции Мегиддо, предположил — и убедительно обосновал свою гипотезу, — что археологи из Чикаго неверно истолковали свои находки. Вместо двух дворцов, построенных один поверх другого, по мнению Уссишкина, следует говорить об одном

(едином) двухэтажном здании, слегка подновленном при переходе от эпохи VIIВ к эпохе VIIА, около 1200 года до нашей эры. Разрушение этого дворца было одномоментным, грандиозный пожар уничтожил здание в конце эпохи VIIА. Согласно Уссишкину, сооружение, принятое археологами университета Чикаго за «дворец слоя VIIВ», представляло собой фундамент или нижний этаж дворца, тогда как «дворец слоя VIIА» был верхним этажом. Главный городской храм (так называемый Башенный храм) также был разрушен в тот период, но недавние раскопки на месте поселения показали, что большая часть остальной части города сохранилась в целости; судя по всему, от разрушения пострадал только район проживания тогдашней элиты^[322].

Катастрофа эпохи VIIА обыкновенно датируется приблизительно 1130 годом до нашей эры, и эта датировка опирается на два предмета с египетскими картушами, найденных среди развалин. Первый предмет — «пенал» для пера (стила) из слоновой кости с именем Рамсеса III, обнаруженный в числе прочих поделок из слоновой кости в одном из помещений дворца и спасенный от гибели под завалами мусора^[323]. Отсюда следует, что разрушение произошло в годы правления Рамсеса III или вскоре после того, около 1177 года до нашей эры.

Предметы из слоновой кости, найденные в этом дворцовом помещении, принадлежат к числу наиболее известных археологических артефактов, обнаруженных при раскопках Мегиддо. Здесь и осколки шкатулок и чаш, и различные таблички, и ложки, и диски, и игровые доски и фигуры, а также крышки сосудов и гребни, равно как и многочисленные другие предметы. Все они выставлены в экспозиции института востоковедения при университете Чикаго и в музее Рокфеллера в Иерусалиме. Непонятно, почему эти предметы из слоновой кости вообще оказались собранными вместе и почему их поместили именно в этом помещении дворца. Тем не менее они привлекали немалое внимание ученых на протяжении многих лет, поскольку сами поделки из слоновой кости и сцены, нанесенные на них, выполнены в подлинно «глобализованном» стиле, ныне обычно называемом «международным стилем», образцы которого найдены также в других местах, например в Угарите и Микенах. Этот характерный стиль сочетает в себе элементы микенской, ханаанской и египетской культур, вследствие чего возникают, выражаясь

фигурально, «гибридные объекты», уникальные (и одновременно типические) для той космополитической эпохи^[324].

Второй предмет с картушем из Мегиддо — бронзовое основание статуи с именем фараона Рамсеса VI, правившего несколькими десятилетиями позже, примерно в 1141–1133 годах до нашей эры. Данному предмету не повезло очутиться, говоря профессиональным языком, в безопасном археологическом контексте: его нашли при раскопках жилого квартала слоя VIIВ. Как отмечает Давид Уссишкин, указанный контекст не может считаться надежным, поскольку слой VIIВ намного опережает время правления Рамсеса VI; отсюда следует, что основание статуи преднамеренно закопали в яме, вырытой неким горожанином то ли в период VIIА, то ли даже в последующий период, когда появилось так называемое поселение железного века VIВ. Археологи обыкновенно отождествляют основание статуи с эпохой VIIА, но это не более чем гипотеза^[325].

Эти два артефакта, с именами Рамсесов III и VI, всегда обсуждаются вместе в научных публикациях по теме, благодаря чему разрушение Мегиддо периода VIIА обычно датируется временем после царствования Рамсеса VI (как правило, 1130 годом до нашей эры). Однако, поскольку бронзовое основание статуи с именем Рамсеса VI было обнаружено в «ненадежном контексте», его не следует использовать для датировки гибели Мегиддо эпохи VIIА. С другой стороны, «пенал» из слоновой кости с именем Рамсеса III был действительно «запечатан» в слое разрушения VIIА; следовательно, вполне корректно использовать данный предмет для установления даты, ранее которой поселение не могло быть уничтожено — то есть ранее царствования этого фараона. Указанное свидетельство хорошо соотносится с признаками антропогенной катастрофы в ряде других областей Ближнего Востока, о которых говорилось на страницах этой книги.

Впрочем, археология — непрерывно развивающаяся дисциплина, новые данные и новые исследования регулярно требуют переосмысления прежних концепций и гипотез. Текущие исследования с применением радиоуглеродной датировки слоя разрушения VIIА позволяют предположить, что 1130 год до нашей эры (или, возможно, даже более поздняя дата), вероятно, является корректной датой катастрофы. Если так, это означает, что Мегиддо был разрушен спустя

сорок с лишним лет после прихода «народов моря» в этот регион в 1177 году до нашей эры^[326]. В любом случае, как отмечает Давид Уссишкин, «отсутствие письменных источников оставляет открытым вопрос о том, кто несет ответственность за гибель поселения эпохи VIIA... Возможно, на поселение напали представители «народов моря», либо левантийские ханаане, либо израильтяне, либо же объединенные силы различных этнических групп»^[327]. Иными словами, в Мегиддо мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной Асору соответствующего археологического слоя, описанной выше: были уничтожены элитные районы поселения, но идентифицировать тех, кто это сотворил, не представляется возможным.

Лахиш

Другое древнее поселение на территории современного Израиля, Лахиш, также подверглось двум разрушениям приблизительно в тот же период времени, если принять версию Давида Уссишкина, который вел раскопки на этом участке с 1973 по 1994 год [\[328\]](#). На данном «многослойном» участке, расположенном к югу от Иерусалима, седьмое и шестое поселения (слои VII и VI) отождествляются как последние ханаанские города, на основе материальных остатков, обнаруженных в ходе раскопок. История свидетельствует о бурном процветании Лахиша под египетским контролем в регионе. Это был один из крупнейших городов всего Ханаана того периода, в нем проживали около шести тысяч человек, в пределах городских стен имелись обширные храмы и общественные здания [\[329\]](#).

Поселение слоя VII, как полагают, было уничтожено пожаром около 1200 года до нашей эры, но археологи не стремились выяснить природу данного разрушения или установить, кто несет за него ответственность. Отчасти это объясняется тем, что чрезвычайно сложно установить, какая именно часть города была фактически уничтожена. На данный момент свидетельства страшного пожара обнаружены только в развалинах одного храма (так называемый храм Фосса III) и в жилом квартале в зоне S [\[330\]](#). Вполне возможно, что катастрофу вызвало нашествие первой волны «народов моря», которая нахлынула на регион приблизительно в 1207 году до нашей эры, но нет никаких доказательств подтверждения указанной атрибуции.

Поселение слоя VI привлекало и привлекает основное внимание исследователей вплоть до сегодняшнего дня. Как представляется, уцелевшее население города слоя VII попросту перестроило весь город (или его часть) и сохранило ранее существовавшую материальную культуру. Поселение слоя VI, как считается, было еще более богатым и процветающим городом, чем предыдущее поселение, уничтоженное огнем; в нем имелось большое общественное сооружение («дом с колоннами», возведенное в зоне S, где ранее располагались жилые постройки. Новый храм возвели в зоне P, но от него мало что сохранилось вследствие разрушений, причиненных городу позднее. По

всему городу были обнаружены импортные артефакты, предметы египетского, кипрского и эгейского происхождения, преимущественно керамические сосуды, что свидетельствует об активном международном сотрудничестве в тот период^[331].

Считается, что в поселение слоя VI хлынул поток беженцев-бедняков, непосредственно перед тем большая часть города была насильственно уничтожена^[332]. Одно здание, тот самый «дом с колоннами» в зоне S, «было разрушено внезапно и чрезвычайно жестоко; слои пепла и осколки глиняных кирпичей покрывают всю структуру, несколько скелетов взрослых, детей и младенцев обнаружены под завалами рухнувших стен»^[333]. Другие здания в Лахише тоже пострадали, а затем наступил период забвения, продлившийся около трехсот лет^[334]. Согласно выводам Уссишкина, «поселение слоя VI подверглось яростному огненному разрушению, следы которого обнаруживаются везде, где велись раскопки и где имеются остатки данного слоя... Уничтожение было полным, городское население истребили или изгнали»^[335].

Прежде археологи полагали, что город был разрушен в конце тринадцатого века до нашей эры, около 1230 года (а поселение слоя VII погибло еще раньше)^[336], но теперь датировку разрушения слоя VI пришлось существенно скорректировать благодаря усилиям экспедиции Уссишкина — в первую очередь из-за находки бронзовой таблички, возможно, части дверного засова, с картушем Рамсеса III. Эта табличка находилась среди скопища поломанных и ущербных бронзовых артефактов, обнаруженных под обломками разрушения города слоя VI^[337].

Как и в случае с «пеналом» Рамсеса III в Мегиддо, археологический контекст находки в Лахише указывает на то, что разрушение города должно было произойти в правление Рамсеса III или вскоре после его царствования. Поэтому Уссишкин первоначально датировал катастрофу приблизительно 1150 годом до нашей эры, опираясь на тот факт, что бронзовая табличка не могла быть изготовлена до вступления Рамсеса III на престол в 1184 году до нашей эры, а также на убеждение в том, что нужно «выделить некоторое время для использования таблички, для того чтобы ее

отломали и в конце концов положили к другим поломанным и ущербным бронзовым артефактам»^[338].

Впоследствии Уссишкин пересмотрел датировку и предложил 1130 год до нашей эры на основании находки скарабея Рамсеса IV, вероятно, в том же археологическом слое, предыдущей британской экспедицией, и по аналогии с Мегиддо-VII; Уссишкин заявил, что если Мегиддо просуществовал настолько долго, то же самое должно быть справедливо и для Лахиша^[339]. Другой исследователь недавно отметил, что существует, похоже, еще один скарабей Рамсеса IV — в гробнице 570 в Лахише; при этом он подчеркнул, что прочтение имени на обоих скарабеях не является однозначным и что стратиграфия^[340] первой находки не полностью очевидна^[341].

Если коротко, то в очередной раз, как и с другими поселениями, рассмотренными ранее, не совсем понятно, кто несет ответственность за разрушение Лахиша и даже когда это случилось; с уверенностью мы можем только сказать, что данное событие имело место в правление Рамсеса III или сразу после его царствования. Уссишкин пишет: «Свидетельства указывают на разрушение слоя VI сильным и целеустремленным врагом, однако археологические данные не содержат прямых сведений к пониманию личности этого врага, причин его жестокости или непосредственных обстоятельств падения города»^[342]. Также он добавляет, что предыдущие исследователи выдвигали троих «кандидатов в разрушители»: это египетское войско, древнееврейские племена и вторгшиеся на Ближний Восток «народы моря»; сам Уссишкин комментирует, что «никаких признаков сражения найти не удалось, не считая одного бронзового наконечника стрелы... обнаруженного в доме с колоннами в зоне S»^[343].

Представляется маловероятным, что к уничтожению Лахиша могли быть причастны египтяне, поскольку город, как уже говорилось, процветал под их правлением и активно с ними торговал, что следует из обнаружения в руинах нескольких артефактов с картушами египетских фараонов. Но вполне возможно, что разрушение Лахиша учинили израильтяне под командованием Иисуса Навина, как полагал Уильям Ф. Олбрайт из университета Джонса Хопкинса, пусть даже он датировал уничтожение города периодом около 1230 года до нашей эры^[344].

Что касается выводов Уссишкина, он называет наиболее вероятной причиной гибели поселения VI в Лахише нашествие «народов моря». Здесь он следует Ольге Тафнелл, которая вела раскопки в Лахише до него^[345]. При этом он не приводит никаких доказательств данной гипотезы и фактической причастности «народов моря» к гибели города; на самом деле мы просто наблюдаем конечный результат (разрушение) без понимания того, кого в том винить. Вдобавок 1130 год до нашей эры — слишком поздняя датировка для обвинения «народов моря», поскольку она отстает от известной хронологии примерно на четыре десятилетия, как и датировка уничтожения Мегиддо. Стоит отметить, что Уссишкин может ошибаться, увязывая разрушение Лахиша с гибелью Мегиддо и датируя оба события настолько поздно; нет ни малейших оснований объединять эти два события, а его первоначальная датировка (около 1150 года до нашей эры или, возможно, даже ранее, если бронзовая табличка Рамсеса III не находилась в использовании слишком долго) является более обоснованной.

Также возможно, что причиной гибели города слоя VI стало сильное землетрясение. Тела четырех человек, найденные в «доме с колоннами», имеют все признаки того, что «люди, по-видимому, очутились ловушке и были раздавлены падающими камнями, когда пытались выбраться». Ребенок двух или трех лет либо задохнулся, «придавленный лицом к земле», либо умер, когда «пробовал выползти наружу», тогда как младенца «то ли просто кинули наземь, то ли он упал сам»^[346]. Эти замечания, с учетом того что в развалинах Лахиша до сих пор не найдено никакого оружия, указывают на природу, а не на антропогенный фактор, как на вероятную причину катастрофы; подобное, возможно, имело место и в других поселениях региона ближе к концу позднего бронзового века^[347]. Данную гипотезу опровергает тот факт, что археологи не нашли иных доказательств землетрясения, наподобие треснувших или наклонившихся стен. Кроме того, новый ханаанский храм, возведенный в зоне Р Лахиша, был, как представляется, разграблен до своего разрушения огнем, а это все-таки подразумевает человеческую ответственность^[348].

Если суммировать — как и в случаях Асора и Мегиддо, остается неясным, кто уничтожил Лахиш VI слоя или более ранний Лахиш-VII. Оба поселения (или ни одно из них) могли быть опустошены

«народами моря» или кем-то — или чем-то — еще. Как замечает Джеймс Уайнстайн из Корнельского университета, «не исключено, что «народы моря» причастны к истреблению египетских гарнизонов в южной и западной Палестине, однако мы должны допустить возможность того, что группы иных народов являются ответственными за разорение поселений в других районах страны»[\[349\]](#).

Филистимское Пятиградие

Особый интерес представляют поселения в южной части Ханаана, в том числе те, которые в Библии и в других источниках характеризуются как принадлежавшие к так называемому филистимскому Пятиградию. Это пять основных городов филистимлян: Ашкелон, Ашдод, Аккарон (Экрон), Газа и Гат.

В конце позднего бронзового века ранние ханаанские поселения в Аккароне и Ашдоде были полностью истреблены, и на их месте возникли новые поселения, где отмечено почти абсолютное изменение материальной культуры, включая керамику, очаги, бани, кухонную утварь и архитектуру. Это, как представляется, указывает либо на смену населения, либо на массовый приток мигрантов — предположительно, филистимлян — после упадка Ханаана и вывода египетских сил из этой области^[350].

Труде Дотан, почетный профессор Еврейского университета в Иерусалиме и бывший содиректор раскопок в Экроне (на территории современного города Тель-Микне), описывает город конца позднего бронзового века в Аккароне следующим образом: «В зоне 1 — верхний город, или акрополь, — мы наблюдаем полное разрушение ханаанского города позднего бронзового века вследствие пожара. Здесь следы уничтожения очевидны: это и остатки крупного хранилища из сырцового кирпича, и спекшаяся чечевица и фиги в сосудах для хранения, и большая, хорошо сохранившаяся силосная яма; все погребено под завалами обрушившихся глиняных кирпичей... Новый филистимский город лежит поверх разрушенного ханаанского поселения позднего поселения бронзового века и также занимает открытое пространство нижнего города среднего бронзового века»^[351].

Аналогичная картина, похоже, характерна и для Ашкелона, где недавние раскопки засвидетельствовали превращение поселения от «ставки» египетского гарнизона в филистимский морской порт приблизительно в первой половине двенадцатого столетия до нашей эры — вероятно, сразу после царствования Рамсеса III, если судить по нескольким скарабеем с его картушами. В Ашкелоне, однако, переход, по-видимому, носил мирный характер — по крайней мере насколько

можно судить по ограниченной области, где сегодня ведутся раскопки. Археологи сообщают о «внезапном появлении новых культурных образцов в архитектуре, керамике, продуктах питания и ремеслах, в частности в ткачестве». Они связывают эти перемены с «народами моря», конкретно с филистимлянами, и приписывают их миграциям из микенского мира^[352].

Тем не менее наше представление о ситуации в Ханаане в конце позднего бронзового века ни в коей мере не является окончательным. Пусть в своей классической статье 1995 года о пришествии филистимлян в Ханаан Ларри Стейгер из Гарвардского университета говорит, что филистимляне «истребили города коренного населения и заменили те своими собственными по четырем углам завоеванной территории»^[353], Ассаф Ясур-Ландау из университета Хайфы недавно поставил этот традиционный тезис под сомнение, как мы увидим ниже.

Разрушения в Месопотамии

Даже далеко на востоке, в Месопотамии, обнаруживаются свидетельства глобального разрушения сразу в нескольких местах, включая Вавилон, но все они — явно дело рук других сил, а не «народов моря». Например, мы знаем, что эламское войско, в очередной раз выступив с юго-запада Ирана, теперь под предводительством царя Шутрука-Наххунте I, оказалось причастным к упомянутому разрушению.

Шутрук-Наххунте I занял эламский престол в 1190 году до нашей эры и правил до 1155 года до нашей эры. Хотя Элам (подобно прочим царствам региона) был, как представляется, довольно малозначительным игроком на мировой арене на протяжении большей части позднего бронзового века, с некоторыми великими державами того времени он оказался связанным благодаря брачным союзам. Сам Шутрук-Наххунте I женился на дочери вавилонского (касситского) царя, как и многие его предшественники. Один из тех взял в жены дочь Куригальзу I еще в четырнадцатом столетии до нашей эры; другой женился на сестре Куригальзу; третий сочетался браком с дочерью Бурна-Буриаша позже в том же столетии. Собственная мать Шутрука-Наххунте I была касситской царевной, о чем он сообщал в послании к касситскому двору (это послание немецкие археологи нашли в Вавилоне)^[354].

В своем письме царь жалуется, что его обошли приглашением занять вавилонский трон, несмотря на то что полностью соответствует этому достоинству, в том числе по праву рождения. Его недовольство совершенно очевидно: «Почему я, будучи царем и сыном царя, царским семенем и царским отпрыском, правителем многих земель, земли Вавилонии и земли Элама, потомком старшей дочери могущественного царя Куригальзу, [почему] я не сижу на троне земли Вавилонской?» Далее он угрожает мстью и говорит, что «уничтожит твои города, низвергнет твои твердыни, иссушит твои каналы и стоки, вырубит твои плодовые сады», а также добавляет: «Можешь хоть вскарабкаться на небо, [но я стяну тебя вниз] за подол; можешь укрыться в преисподней, [но я вытяну тебя оттуда] за волосы!»^[355]

Он подкрепил свои угрозы делами в 1158 году до нашей эры, когда вторгся в Вавилонию, захватил город и сверг касситского правителя, а затем посадил на трон собственного сына. Самое известное его деяние — возвращение в эламский город Сузы с богатейшей добычей из Вавилона, включавшей, среди прочего, диоритовую стелу высотой почти восемь футов с текстом законов Хаммурапи, а также памятную колонну более раннего аккадского царя Нарамсина и многие другие трофеи. Все это было впоследствии обнаружено в 1901 году в ходе французских раскопок в Сузах и переправлено в Париж, где сегодня данные экспонаты выставлены в Лувре^[356].

Шутрук-Наххунте I, по всей видимости, предпринял свой поход, движимый желанием расширить границы царства и покорить сам Вавилон и Вавилонию в целом; он вполне мог воспользоваться для этой кампании той сумятицей, что царила тогда в Восточном Средиземноморье. Быть может, он твердо знал, что почти никто не в состоянии откликнуться на призыв касситского царя о помощи. Последующие кампании в Месопотамии, предпринятые сыном и внуком Шутрука-Наххунте I, весьма вероятно, также определялись тем фактом, что великие державы прошлых столетий либо перестали существовать, либо изрядно ослабели. Впрочем, не подлежит сомнению, что никакие разрушения, связанные с этими военными действиями, не могут быть приписаны « народам моря ».

Разрушения в Анатолии

В Анатолии того времени также погибли несколько городов. Как мы уже привыкли, в каждом случае истинную причину гибели установить затруднительно; традиция опять-таки связывает эти катастрофы с нашествием «народов моря», хотя тому нет доказательств (или есть, но сугубо косвенные). В некоторых случаях раскопки по следам проводившихся ранее позволили современным археологам отвергнуть укоренившиеся представления и предположения. Например, на месте Телль-Атчаны, древнего Алалаха недалеко от современной турецко-сирийской границы, сэр Леонард Вулли отыскал город (слой 1), уничтожение которого датировал 1190 годом до нашей эры и обвинил в том «народы моря». Однако недавние раскопки экспедиции под руководством Ашлихана Йенера из университета Чикаго позволили соотнести этот слой с четырнадцатым столетием до нашей эры; выяснилось, что большая часть города была покинута к 1300 году до нашей эры, задолго до возможного вторжения «народов моря»^[357].

Из тех анатолийских поселений, что подверглись разрушению вскоре после 1200 года до нашей эры, наиболее известны Хаттуса, столица Хеттского царства на внутреннем плато, и Троя на западном побережье. Но в обоих случаях нельзя утверждать наверняка, что уничтожение этих поселений — дело рук «народов моря».

Хаттуса

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что столица Хеттского царства Хаттуса была разрушена и покинута в начале двенадцатого столетия до нашей эры. Археологи обнаружили «пепел, обугленную древесину, глиняные кирпичи и шлак, который образовался, когда эти кирпичи расплавились от высокой температуры при пожаре»^[358]. Тем не менее не совсем понятно, кто именно разрушил город. Хотя ученые-историки и популяризаторы науки нередко винят в этом «народы моря», преимущественно опираясь на заявление Рамсеса III («Нет земли, способной устоять перед ними, от Хатти...»), мы на самом деле не имеем ни малейшего представления о том, к чему в конкретном случае относится определение «Хатти» — к Хеттскому царству в целом или, может быть, непосредственно к Хаттусе^[359].

Также нельзя установить точную дату падения Хаттусы, тем паче что город, вероятно, подвергся нападению в правление Тудхалияса IV, возможно, со стороны сил, верных его двоюродному брату Курунтасу, который, похоже, пытался узурпировать трон^[360]. Авторитетный хеттолог из Чикагского университета Гарри Хоффнер-младший пишет, что обычно *terminus ante quern*^[361] окончательной гибели города (то есть дата, ранее которой это должно было случиться) определяют на основании заявления Рамсеса III в 1177 году до нашей эры; тем самым катастрофа оказывается во временном промежутке приблизительно между 1190 и 1180 годами до нашей эры. Но мы не можем подтвердить заявление Рамсеса никакими другими доказательствами^[362].

К 1980-м годам хеттологи и другие ученые уже всерьез обсуждали возможность того, что более давний и более известный враг, а именно каскейцы^[363], обитавшие на северо-востоке от хеттских земель, несут ответственность за разрушение города. Считается, что те же племена грабили Хаттусу и ранее, накануне битвы при Кадеше в начале тринадцатого столетия до нашей эры, когда хетты временно оставили Хаттусу и перенесли свою столицу на юг на несколько лет — в область, известную как Тархунтасса^[364]. Подобная трактовка выглядит достаточно обоснованной; как указывает Джеймс Мали из университета Пенсильвании, «всегда было очень и очень трудно

объяснить, как морские разбойники [то есть «народы моря»] разрушили могучие фортификации... Хаттусы, расположенной за сотни миль от моря, на довольно изолированной даже сегодня части плато центральной Анатолии»^[365].

Археологические данные свидетельствуют о том, что некоторые районы Хаттусы были уничтожены сильным пожаром, который затронул как верхний, так и нижний город, а также царский акрополь и укрепления. При этом сегодня установлено, что пострадали только общественные здания, в том числе дворец и некоторые храмы, равно как и ряд городских ворот. Эти здания освободили от имущества (но не разграбили), прежде чем предать огню, тогда как жилые кварталы верхнего и нижнего городов не демонстрируют никаких признаков разрушения^[366]. Недавний глава раскопок Юрген Зегер предположил, что город атаковали лишь после того, когда он простоял покинутым в течение некоторого времени, и что царская семья забрала все свое имущество и перебралась в какое-то иное место задолго до окончательного разрушения Хаттусы. Если так, то каскейцы, давнишние заклятые враги хеттов, с куда большей вероятностью, нежели «народы моря», повинны в фактическом уничтожении города (вполне возможно, что это произошло, когда Хеттское царство изрядно ослабело, подточенное разнообразными напастями, включая засуху, голод и нарушение маршрутов международной торговли)^[367].

Аналогичное объяснение можно предложить и для трех других известных поселений в центральной Анатолии, сравнительно недалеко от Хаттусы; речь о поселениях Аладжа-хююк, Алишар-хююк и Масат-хююк. Все они были уничтожены огнем примерно в тот же период, хотя невозможно сказать наверняка, чьих рук это дело — каскейцев, «народов моря» или кого-то еще. Мерсин и Таре в юго-восточной Анатолии также пали, но позднее были восстановлены и снова заселены^[368]. Поселение Караоглан, расположенное не очень далеко к западу от Хаттусы в центральной Анатолии, тоже пострадало; в его слое разрушения обнаружены тела погибших, но опять непонятно, кто напал на город^[369].

Дальше на запад Анатолии следов разрушения становится все меньше. Австралийский исследователь Тревор Брайс отметил, что «территория разоренных огнем поселений [в Анатолии], как представляется, ограничена областью к востоку от реки

Марассантия... Нет никаких свидетельств сходной катастрофы дальше на запад. По данным археологических раскопок можно судить о том, что лишь небольшое число поселений Хеттского царства было фактически уничтожено; большинство попросту было покинуто населением»^[370].

Троя

Поселением дальше на запад, уничтоженным пожаром в начале двенадцатого столетия до нашей эры, оказалась Троя, если более строго — Троя VIIA, расположенная на западном побережье Анатолии^[371]. Хотя Карл Блеген, археолог из университета Цинциннати, датировал ее гибель приблизительно 1250 годом до нашей эры, сегодня эта датировка исправлена на 1190–1180 годы до нашей эры — усилиями Пенелопы Маунтджой, известного эксперта по микенской керамике^[372]. Жители этого города просто пришли на развалины Трои VIIh, которая была, вероятно, разрушена землетрясением в 1300 году до нашей эры, как подробно рассказывалось выше, и заново отстроили город. Крупные дома, характерные для Трои-VI, разделили перегородками и стенами; в результате несколько семей стали проживать там, где раньше обитала всего одна семья. Блеген считал перегородки в троянских жилищах свидетельством жизни в осажденном городе, но Маунтджой убедительно предположила, что горожане пытались оправиться от землетрясения и ставили временные лачуги среди руин^[373]. Так или иначе, город в конечном счете подвергся осаде, о чем говорят доказательства, обнаруженные как Блегеном, так и следующей экспедицией Манфреда Корфман из университета Тюбингена, которая работала в Трое с 1988 по 2005 год.

Обе экспедиции нашли тела на улицах Трои VIIA и наконечники стрел, застрявшие в стенах; Блеген и Корфман не сомневались, что город был разрушен в ходе военных действий^[374]. Корфман, который также отыскал считавшийся безвозвратно утраченным нижний город Трои, который не заметили все предыдущие экспедиции, как-то обронил: «Все доказательства налицо, город погиб от огня. Не забудьте о скелетах; мы нашли, например, девушку, думаю, шестнадцати-семнадцати лет, наполовину погребенную под завалами, и ее ноги обожжены... Этот город совершенно очевидно осаждали. Этот город оборонялся, защищал себя. Он проиграл и потерпел поражение»^[375].

Впрочем, датировка данного события ставит под сомнение гипотезу о причастности микенцев к гибели Трои — гипотезу,

предложенную еще Гомером в «Илиаде», если только микенские дворцы в материковой Греции не были атакованы и уничтожены именно потому, что все их обитатели отправились покорять Трою. Пенелопа Мантджой считает, что Трою VIIA уничтожили именно «народы моря», а никак не микенцы. Это в целом соответствует упоминанию «народов моря» в надписи Рамсеса III всего три года спустя, однако Маунтджой не приводит никаких существенных обоснований своей точки зрения, так что ее гипотеза остается уморительной спекуляцией [\[376\]](#).

Разрушения в материковой Греции

Если микенцы не участвовали в разрушении Трои VIIA, это может быть связано с тем, что они сами подверглись нападению приблизительно в то же время. Ученые согласны в том, что Микены, Тиринф, Мидея, Пилос, Фивы и многие другие микенские поселения в материковой Греции были уничтожены почти одновременно в конце тринадцатого и начале двенадцатого столетий до нашей эры^[377]. Недавнее исследование, опубликованное в 2010 году британским археологом Гаем Миддлтоном, показывает трагическую картину опустошения материковой Греции в период с 1225 по 1190 год до нашей эры: «В Арголиде и Коринфии пострадали Микены, Тиринф, Кацингри, Кораку и Ирия... в Лаконии был разрушен Менелайон; в Мессении — Пилос; в Ахайе — Тейкос Димайон; в Беотии и Фокее — Фивы, Орхомен, Гла... и Криса; а следующие поселения, по всей видимости, были покинуты жителями, но уцелели: в Арголиде и Коринфии — Бербати, Просимна, Зигурис, Гония, Цунгиза; в Лаконии — Айос Стефанос; в Мессении — Нихория; в Аттике — Браврон; в Беотии и Фокее — Эвтресис»^[378]. Миддлтон отмечает далее, что налицо и следы последующих разрушений в период 1190–1130 годов до нашей эры — в Микенах, Тиринфе, Левканди и Киносе.

Как писали в 1960 году Карл Блеген и Мейбл Лэнг (из колледжа Брин-Мор), напрашивается предположение, что «существовал некий весьма бурный период в микенской истории. Повсеместное разрушение огнем затронуло Микены как внутри, так и за пределами акрополя. Тиринф тоже пострадал от пожара и сопутствующих бед. Дворец в Фивах, вероятно, был разграблен и сожжен дотла в тот же период. Многие другие поселения оказались разорены, полностью заброшены и впредь уже не заселялись; среди наиболее известных примеров можно упомянуть Бербати... Просимну... Зигурис... и прочие, более мелкие населенные пункты»^[379]. Ясно, что случилось что-то поистине катастрофическое, хотя некоторые ученые видят в этом лишь последний этап «бронзового коллапса»^[380], начавшегося еще в 1250 году до нашей эры. Джереми Раттер из Дартмутского колледжа, например, полагает, что «разрушение дворцов вовсе не

стало непредвиденной катастрофой, которая предварила столетие кризиса в Эгейском бассейне; нет, это была кульминация длительного периода невзгод и потрясений, которые обрушивались на микенский мир с середины тринадцатого столетия до нашей эры»[\[381\]](#).

Пилос

В Пилосе разрушение дворца, первоначально датированное археологами приблизительно 1200 годом до нашей эры, произошло, как считается в настоящее время, примерно в 1180 году до нашей эры; корректировка даты проведена по тем же причинам, по которым уточнили датировку разрушения Трои VIIA, то есть на основе анализа керамики, найденной при раскопках^[382]. Предполагается, что гибель города была насильственной; такой вывод делается по многочисленным следам пожаров в глубинных археологических слоях, и после этого город, по-видимому, был заброшен. В 1939 году, в ходе первого этапа раскопок дворца, Блеген отмечал, что «пожар наверняка был весьма сильным, поскольку внутренние стены во многих местах расплавились в бесформенную массу, камни превратились в известь и покоятся на почерневшем и обугленном мусоре и пепле, покрывающем полы; везде толстый слой сухой красной пыли, предположительно, от рассыпавшихся в прах глиняных кирпичей, которые когда-то использовались для строительства»^[383].

Дальнейшие раскопки подтвердили первые впечатления исследователей; Джек Дэвис из университета Цинциннати и бывший директор Американской школы классических исследований в Афинах писал, что «главное здание горело с невероятной интенсивностью — таблички с линейным письмом Б в его архивном помещении все потрескались, а сосуды в некоторых кладовых вовсе расплавились»^[384]. Сам Блеген сообщал в 1955 году, что «повсюду наблюдаются... отчетливые признаки разрушения и пожара. Обильное, чтобы не сказать — экстравагантное, использование массивных деревянных брусьев при возведении каменных стен обеспечило почти неиссякаемый материал для горения, и вся структура в итоге превратилась в груды обгорелых развалин, причем огонь был настолько жарким, что камни кальцинировались, а украшения из золота плавилась»^[385].

Ранее ученые порой указывали на фрагменты текстов на табличках линейного письма Б из Пилоса, которые упоминали о «дозорных на море» в последние годы существования города;

высказывалось предположение, что эти дозорные высматривали приближение «народов моря». Однако не представляется очевидным, о чем именно повествуют эти таблички; даже если жители Пилоса наблюдали за морем, мы не знаем, почему и чего ради они это делали^[386].

Если коротко, дворец в Пилос был уничтожен чудовищным пожаром около 1180 года до нашей эры, но не ясно, кто (или что) устроил этот пожар. Как и в других местах, разоренных в тот период, нельзя сказать наверняка, было это деянием человека или природной катастрофой.

Микены

Микены серьезно пострадали от разрушений в середине тринадцатого столетия до нашей эры, около 1250 года, вызванных, вероятно, сильным землетрясением. Второе разрушение произошло около 1190 года до нашей эры или вскоре после этой даты; его причина не установлена, но известно, что оно покончило с Микенами как со столицей великой державы той эпохи.

Это второе разрушение сопровождалось пожаром. Один из основных руководителей раскопок в Микенах, покойный Спирос Яковидис из университета Пенсильвании, отмечал, что «локально ограниченные и не обязательно одновременно начавшиеся пожары вспыхнули в культовом центре, в доме Цунтаса, в части юго-западного здания, во Втором доме Панагии... и, возможно, во дворце»^[387]. В культовом центре (святилище), к примеру, «интенсивность огня была такова, что стены сохранились в первоначальном состоянии, хотя и сместились по оси»^[388].

В близлежащем углублении, обнаруженном на главной дороге в цитадели, археологи нашли массу мусора, среди которого были «кальцинированный камень, обгорелые глиняные кирпичи, залежи пепла и обугленные балки»; эта масса «блокировала двери помещений к юго-востоку и образовывала слой почти 2 метра в высоту у наружной стены на северо-востоке». Сама наружная стена «искривилась от жары, вызванной мощным пожаром, и во многих местах приобрела консистенцию бетона». Археологи пришли к выводу, что мусор представляет собой осколки глинобитных стен, тянувшихся к сооружениям снаружи, а сами эти сооружения «спеклись до однородной массы»^[389]. При всем том не найдено никаких указаний на причину пожара, будь то осада, внутренний бунт или просто несчастный случай.

Ведущий научный сотрудник и участник раскопок в Микенах Элизабет Френч из Кембриджского университета пишет: «Сразу после «катастрофы 1200-х годов», чтобы ее ни вызвало, цитадель Микен фактически перестала существовать. Насколько мы можем судить, почти все сооружения сделались непригодными для использования.

Пожар и обрушения происходили повсюду, и налицо толстый слой глины, покрывающий обширные участки западного склона; по нашему мнению, это следствие сильного дождя, размывшего пожарище»^[390]. Впрочем, Френч и Яковидис указывают на то, что это событие не стало концом для Микен, поскольку город заселили снова, хотя и в меньших масштабах, тотчас после пожара. По словам Яковидиса, это был «период отступления и ускоряющегося регресса, но никак не всеобщего отчаяния»^[391].

Любопытно, что Яковидис замечает далее: «Археологический контекст... не содержит никаких свидетельств миграции или вторжения любого размаха, равно как и внутренних неурядиц на протяжении двенадцатого и одиннадцатого столетий до нашей эры. Микены вовсе не погибли жестокой смертью. Эта территория никогда не забрасывалась, никогда... не пустела, пускай даже цитадель, по внешним и по внутренним причинам, утратила свою политическую и экономическую значимость. Комплексная централизованная система, которую она олицетворяла, пришла в упадок; власть цитадели поддерживать более не было возможности, и начался общий регресс, в ходе которого город медленно и постепенно оказался в запустении»^[392]. Другими словами, остается непонятным, если следовать Яковидису, что вызвало пожары, которые уничтожили большую часть Микен сразу после 1200 года до нашей эры, однако наука отвергает гипотезу о вторжении или об иных драматических событиях подобного рода, предпочитая приписать неумолимый упадок Микен в последующие десятилетия коллапсу дворцовой системы управления и международной торговли. Недавние исследования других археологов в принципе подтвердили правоту Яковидиса^[393].

Тиринф

В расположенном всего в нескольких километрах от Микен Тиринфе (область Арголида в материковой Греции) раскопки велись и ведутся со времен Генриха Шлимана, то есть с конца 1800-х годов. Доказательства разрушения города обнаружены большинством исследователей, самые свежие отыскала экспедиция Йозефа Марана из университета Гейдельберга.

В 2002 и 2003 годах Маран продолжил раскопки двух сооружений, известных как здания XI и XV в Нижней цитадели (отчасти эти здания уже раскопал его предшественник Клаус Килиан). Считается, что эти здания эксплуатировались весьма короткий промежуток времени, прежде чем были уничтожены. В слое разрушения, датированном приблизительно 1200 годом до нашей эры или вскоре после того, Маран обнаружил ряд чрезвычайно любопытных артефактов, в том числе небольшой стержень из слоновой кости с клинописным текстом; этот стержень был то ли импортирован, то ли изготовлен чужестранцем, проживавшим в Тиринфе в те беспокойные годы^[394].

Маран утверждает, что разрушение стало результатом «катастрофы, постигшей Тиринф... [и которая] уничтожила дворец и поселение в Нижней цитадели». Он также отмечает, следуя гипотезе Килиана, что с учетом «волнообразных стен» в некоторых зданиях вероятной причиной разрушений видится сильное землетрясение и что «недавние раскопки в соседней Мидее [теперь] подкрепили эту интерпретацию»^[395].

Килиан уже давно высказал предположение, что именно землетрясение разрушило Тиринф, а также несколько других поселений в Арголиде, включая Микены; другие археологи сейчас все охотнее соглашаются с этой гипотезой^[396]. Килиан писал: «Доказательством служат остатки зданий с наклоненными и покривившимися стенами и фундаментами, а также скелеты людей, погибших и погребенных под разрушенными стенами домов»^[397].

Мы уже отмечали, что Микены серьезно пострадали около 1250 года до нашей эры, вполне вероятно, как раз от землетрясения. Как подробно описывается ниже, имеются веские доказательства того, что

минимум одно или сразу несколько землетрясений затронули многочисленные поселения материковой Греции того времени, не только Микены и Тиринф в Арголиде.

Однако археологические данные текущих раскопок убедительно показывают, что Тиринф не был разрушен полностью. Город продолжал существовать еще несколько десятилетий, причем активно восстанавливался и перестраивался, особенно в своей нижней части^[398].

Разрушения на Кипре

В Восточном Средиземноморье на «народы моря» принято возлагать вину за разрушения бронзового века на Кипре, около 1200 года до нашей эры. Ранее предполагалось, что здесь, как говорится, все совершенно очевидно. Тридцать лет назад Вассос Карагеоргис, в ту пору директор департамента древностей на острове, писал: «Мирное существование... подходило к концу в позднем периоде II [то есть около 1225 года до нашей эры]. Пусть нельзя целиком принимать как достоверное хвастливое утверждение хеттов, что они властвовали над Кипром... мы не можем игнорировать тот факт, что в правление Суппилулиумаса II в Восточном Средиземноморье было неспокойно»^[399].

Карагеоргис далее утверждал, что «большое число беженцев» покинуло материковую Грецию, когда «Микенская империя» (его термин) рухнула; эти беженцы сделали разбойниками и авантюристами, которые постепенно достигли Кипра в компании с другими народами около 1225 года до нашей эры. Этим беженцам он приписывал разрушение Кипра, в том числе крупных поселений Китион и Энкоми на восточном побережье, а также других населенных пунктов — Маа-Палеокастрон, Калавасос-Айос Димитрос, Синды и Марони^[400].

История мелкого поселения Маа-Палеокастрон особенно любопытна, так как оно появилось именно в этот бурный период, то есть к концу тринадцатого столетия до нашей эры. Карагеоргис, который вел раскопки на этом участке, характеризовал его как «укрепленный [военный] форпост на мысе западного побережья». Он отмечал, что поселение имело естественную защиту вследствие обрывистых стен мыса и было окружено морем с трех сторон, посему его следовало укреплять только там, где мыс «вливался» в материк. Карагеоргис считал, что этот форпост основали захватчики из бассейна Эгейского моря, затем предпринявшие оттуда набеги на Энкоми и Китион, а впоследствии поселение было уничтожено второй волной переселенцев из Эгейского бассейна, вероятно, около 1190 года до нашей эры. В дальнейшем эта вторая волна осела на острове^[401].

По мнению Карагеоргиса, аналогичные «иноземные» анклавные или заставы существовали и на других кипрских участках, таких как Синда и Пила-Коккинокренос. К примеру, писал он, укрепленное поселение в Синде, которое располагалось к западу от Энкоми, было насильственно разрушено приблизительно в 1225 году до нашей эры. Новые полы настелили и новые здания возвели прямо поверх этого слоя разрушения, причем, быть может, это сделали захватчики с эгейских берегов^[402].

Однако указанные разрушения и последующие строительства, пожалуй, намного опережают принятую датировку нашествия «народов моря» — во всяком случае, если опираться на надписи Мернептаха (1207 год до нашей эры) и Рамсеса III (1177 год до нашей эры). Принимая это во внимание, Карагеоргис предположил, что более ранняя волна воинственных народов из Эгейского бассейна прибыла на Кипр еще до документально подтвержденного вторжения «народов моря», где-то около 1225 года до нашей эры самое позднее. Последующее прибытие «народов моря» можно проследить по раскопкам в Энкоми, на побережье острова, где «становится очевидной вторая катастрофа... которую отдельные ученые увязывают с набегами «народов моря»». Этот второй слой разрушения, писал Карагеоргис, датируется приблизительно 1190 годом до нашей эры^[403].

Увы, не имеется никаких материальных доказательств, позволяющих установить, кого мы должны винить в разрушениях 1225–1190 годов до нашей эры в любом из этих мест на Кипре. Вполне возможно, что Тудхалияс и его хетты — которые, вспомним, громко заявляли, что завоевали и покорили Кипр приблизительно в те годы, — причастны к некоторым (по меньшей мере) разрушениям 1225 года до нашей эры. Кроме того, мы уже знаем, что другое нападение хеттов на остров также имело место в правление Суппилиумаса II (который взошел на хеттский престол около 1207 года до нашей эры), как царь утверждал в своих надписях. Может быть, что именно хетты, а не «народы моря» несут ответственность за большую часть разрушений на Кипре в этот беспокойный период. Существует один текст, послание наместника Кипра (Аласии), из которого будто бы следует, что корабли из Угарита также могли участвовать в набегах; не будем забывать и о возможности того, что хотя бы некоторые разрушения могли быть вызваны землетрясением (или чередой землетрясений). В

Энкоми археологи обнаружили тела детей, которых убило падающими глиняными кирпичами; данный факт скорее указывает на руку матери-природы, чем на человеческое деяние^[404].

Сценарий, изложенный Карагеоргисом, подвергся существенным правкам, дабы представить более комплексную картину происходившего на Кипре в течение этого периода в конце позднего бронзового века. Даже сам Карагеоргис быстро согласился с тем, что на каждом из участков, о которых идет речь, налицо следы всего одного разрушения, а не двух; также он признал, что датировка варьируется в промежутке с 1190-го до 1174 года до нашей эры, а не с 1225 года до нашей эры далее^[405]. Недавно опубликованная история этого периода, написанная британским исследователем Луизой Стил, утверждает, что «традиционное представление о... данном периоде рисует микенскую колонизацию Кипра (и южного Леванта) после гибели микенских дворцов. Однако... простого наложения микенской культуры на культуру острова не было и в помине. Вместо того... археология демонстрирует синкретизм влияний, отражающий космополитический характер [поздней кипрской] культурной самобытности. Культура Микен (или Эгейского бассейна) не просто распространилась из бассейна Эгейского моря на Кипр, но слилась с автохтонной кипрской культурой»^[406].

Стил также оспаривает умозаключения Карагеоргиса и традиционные взгляды на эгейскую колонизацию Кипра. Например, она отказывается признавать поселения наподобие Маа-Палеокастро́на или Пилы-Кикконокреноса иноземными (читай эгейскими) «оборонительными форпостами» и полагает, что археологические данные, как кажется, лучше соответствуют представлению о них как о «туземных» кипрских цитаделях, которые строились, например, «для обеспечения перемещения товаров, прежде всего металлов, между прибрежными городами... и кипрской глубинкой»^[407]. Стил заявляет далее, что «традиционная интерпретация Маа-Палеокастро́на как раннего Эгейского форпоста нуждается в тщательном изучении», и предполагает, что Маа-Палеокастро́н и Пила-Коккинокренос оба могли служить местными, кипрскими твердынями, аналогично оборонительным поселениям, возведенным приблизительно в тот же период на острове Крит^[408].

Другие ученые, в том числе Бернард Нэпп из университета Эдинбурга, ныне отстаивают мнение, что так называемая микенская колонизация, общее место в научной литературе предыдущего периода, не была ни микенской, ни колонизацией. Корректнее говорить о «гибридизации», в ходе которой кипрская, эгейская и левантийская материальные культуры адаптировались друг под друга, благодаря чему сформировалась новая элита с новой социально-культурной идентичностью^[409]. Иными словами, мы снова видим перед собой глобализованную культуру, отражающую многообразие влияний в конце бронзового века, незадолго до распада цивилизации.

С другой стороны, в нашем распоряжении есть комментарии Пола Эстрома относительно раскопок в Ала-Султан-Текке, на побережье Кипра, недалеко от современной Ларнаки; он писал о «городе, частично уничтоженном пожаром и покинутом в спешке». Здесь, около 1200 года до нашей эры, «предметы домашнего обихода были брошены во дворах, а ценные вещи зарыты в земле. Бронзовые наконечники стрел — один застрял в стене здания — и многочисленные свинцовые снаряды для пращи разбросаны по всей территории и служат наглядным доказательством боевых действий»^[410]. Это один из немногих очевидных примеров нападения, хотя враги киприотов опять не потрудились оставить своей визитной карточки, чтобы мы могли их уверенно опознать. По свежеполученным свидетельствам из лагуны в Ала-Султан-Текке можно также заключить, что эта область переживала последствия сильной засухи (о чем мы подробнее поговорим ниже)^[411].

В итоге мы столкнулись с ситуацией, когда наши нынешние знания подвергаются постоянной переоценке, привычные исторические парадигмы отвергаются или по крайней мере ставятся под сомнение. Хотя очевидно, что разрушения на Кипре произошли либо непосредственно перед 1200 годом до нашей эры, либо сразу после, отнюдь не ясно, кто несет ответственность за этот урон; возможных виновников множество — и хетты, и переселенцы из Эгейского бассейна, и «народы моря», и даже природа с землетрясениями. Можно также предположить, что археологические находки лишь открывают нам материальную культуру тех, кто воспользовался этими разрушениями к своей выгоде и заселил полностью или частично опустевшие города и поселения, а вовсе не

материальную культуру тех, кто на самом деле несет ответственность за эти разрушения.

Так или иначе, Кипр, как видится, пережил эти потрясения относительно безболезненно. Налицо все признаки того, что остров процветал на протяжении оставшейся части двенадцатого и в одиннадцатом столетии до нашей эры; доказательствами выступают египетские тексты, такие как «Странствия Унуамона», где повествуется о египетском жреце и посланнике, который потерпел кораблекрушение на острове примерно в 1075 году до нашей эры^[412]. Впрочем, стабильность на Кипре явилась результатом довольно драматической перестройки политической и экономической организации общества, что позволило острову и его правителям наслаждаться жизнью до самого конца — приблизительно до 1050 года до нашей эры^[413].

Боевые действия в Египте и гаремный заговор

Вернемся на короткое время в Египет. Здесь мы находим картину, в целом аналогичную для других регионов Восточного Средиземноморья и для Эгейского бассейна, но все же отличную в деталях. Египтяне завершили тринадцатое столетие до нашей эры на сравнительно высокой ноте, победив первую волну «народов моря» в правление фараона Мернептах в 1207 году до нашей эры. Двенадцатое столетие началось спокойно, правил сначала Сети II, затем царица Таусерт; но ко времени воцарения Рамсеса III в 1184 году до нашей эры обстановка уже накалилась. На пятый год своего правления (а затем и на одиннадцатый год) ему пришлось вести кровопролитные войны с вторгшимися соседями-ливийцами^[414].

В промежутке, на восьмом году правления, фараон отражал нападение «народов моря», как уже неоднократно упоминалось. А затем, в 1155 году, пробыв у власти тридцать два года, Рамсес, похоже, был убит.

История его убийства излагается в ряде документов, самым длинным и подробным из которых является Туринский царский папирус^[415]. Считается, что некоторые из этих документов могут быть связаны друг с другом и изначально составляли единый свиток пятнадцати футов длиной. Все тексты повествуют о суде над обвиняемыми в убийстве фараона, и среди египтологов это событие известно как «гаремный заговор».

Этот заговор, как кажется, не имел отношения к событиям в Восточном Средиземноморье того времени и был злым умыслом младшей жены из царского гарема, мечтавшей о том, чтобы ее сын наследовал Рамсесу III. Всего в убийстве обвиняли сорок человек, равно женщин из гарема и придворных сановников, которых допрашивали, разделив на четыре группы. Часть признали виновными и обрекли на смертную казнь; некоторых заставили совершить самоубийство прямо на суде. Младшая царица и ее сын оказались в числе приговоренных к смерти^[416].

Известно, что Рамсес III скончался еще до оглашения приговоров, но из документов не ясно, оказался ли заговор успешным. По всей

видимости, так и было, хотя данный факт лишь недавно получил подтверждение.

Мумия Рамсеса III была обнаружена уже давно. Первоначально она покоилась в Долине царей (в гробнице KV 11), но позднее жрецы переместили ее ради сохранности, наряду с мумиями других фараонов. Все они были найдены в 1881 году в Дейр эль-Бахри, близ погребального храма Хатшепсут^[417].

В 2012 году египтологи и судмедэксперты провели вскрытие тела Рамсеса III и сообщили в «Бритиш мед икал джорнэл», что фараону перерезали горло. Острый нож, которым нанесли эту рану, вонзился в шею сразу под гортанью, проделал весь путь до шейных позвонков, рассек трахею и отделил все мягкие ткани. Смерть наступила мгновенно. Впоследствии, в ходе процесса бальзамирования, защитный амулет с оком Гора^[418] поместили в рану, либо чтобы защитить тело, либо чтобы исцелить (хотя было уже слишком поздно) и помочь фараону. Вдобавок шею Рамсеса обернули толстым воротником из ткани, дабы скрыть ножевое ранение (шириной 70 мм). Лишь во время рентгеноскопии ученые смогли увидеть сквозь плотную ткань ту рану, которая оборвала жизнь фараона^[419].

Вместе с мумией Рамсеса нашли второе тело, принадлежавшее мужчине в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, известному как «Человек И». Облаченное в ритуальные «нечистые» козьи шкуры и не до конца забальзамированное, это, возможно, тело виновного царевича: тесты ДНК указывают, что он, вероятно, приходился сыном Рамсесу III. Вещественные доказательства, включая гримасу на лице и рану на горле, позволяют предположить, что его задушили^[420].

Со смертью Рамсеса III истинная слава египетского Нового царства заметно поблекла. Через восемь фараонов Девятнадцатая династия завершилась в 1070 году до нашей эры, и ни один из них не совершил ничего громкого. Конечно, было бы замечательно, добейся они каких-то свершений, учитывая, как обстояли дела по всему Восточному Средиземноморью; правда, последний фараон, Рамсес XI, отправил своего посланника Унуамона в Библос за ливанским кедром, но жрец угодил в кораблекрушение у Кипра по пути домой приблизительно в 1075 году до нашей эры.

Итоги

Хотя очевидно, что в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье в конце тринадцатого и в начале двенадцатого столетий до нашей эры случились массовые разрушения, далеко не ясно, кто несет за них ответственность. Среди обсуждаемых вопросов — даже идентичность производителей керамики, известной как «микенская керамика III C1b», которую находят во многих странах Восточного Средиземноморья в слое разрушений около 1200 года до нашей эры, в том числе в Рас-ибн-Хани и Рас-Бассите недалеко от Угарита^[421]. Эта керамика, которую ранее трактовали как плод деятельности микенских переселенцев, что бежали на восток после разрушения своих городов и поселений в материковой Греции, сегодня видится изготовленной на Кипре и в Восточном Средиземноморье, скорее всего, после прекращения импорта подлинной эгейской посуды.

Анни Кобе из Лувра пишет по поводу повторного заселения Рас-ибн-Хани близ Угарита: «Разумеется, никто не отрицает повторного заселения города на стабильной и постоянной основе. Но еще предстоит доказать, что новые жители принадлежали к «народам моря», а не к местному населению, которое вернулось, когда прямая угроза миновала»^[422]. Прочие нововведения, следы которых обнаруживаются на Кипре и в Леванте, например использование тесаной кладки при строительстве зданий^[423], а также новые погребальные ритуалы и типы сосудов^[424], могут указывать на контакты с Эгейским бассейном или даже на присутствие переселенцев, но эгейский стиль вовсе не обязательно подразумевает эгейские народы; возможно, это просто свидетельство глобализации, которая продолжалась даже в беспокойные годы, характерные для завершения позднего бронзового века.

Что касается самого конца, он мог представлять собой нечто гораздо большее, чем бесчинства орды мародеров, зафиксированные египтянами, благодаря которым мы и знаем о «народях моря». Столь часто выставляемые предыдущим поколением как единственные виновники гибели цивилизации в этой обширной области, они могут

оказаться не злодеями, а жертвами, о чем и пойдет речь в следующей главе.

Глава 5

«Идеальный шторм» несчастий?

Наконец-то мы подобрались к тому моменту, когда можно попытаться разрешить нашу загадку, сведя воедино все разрозненные нити свидетельств и «улик», которые нам доступны, и попробовать все-таки установить, почему стабильная система международного порядка позднего бронзового века внезапно рухнула после многих столетий существования. При этом следует подходить к данному вопросу, что называется, с открытыми глазами и прибегнуть к «научному применению воображения», как выразился однажды незабвенный Шерлок Холмс, поскольку «необходимо сопоставить все вероятности и выбрать среди них наиболее правдоподобную»^[425].

Начнем с того, что теперь кажется очевидным: «народы моря» и так называемый «бронзовый коллапс», или катастрофа конца позднего бронзового века, представляют собой темы, широко обсуждавшиеся учеными на протяжении минувшего столетия; эти две темы в ходе указанных дискуссий гораздо чаще представляли взаимосвязанными, нежели наоборот. Особенно показательны дебаты 1980-х и 1990-х годов, когда Нэнси Сандарс опубликовала переработанное издание своей книги с незатейливым названием «Народы моря» (1985), а Роберт Дрюс выпустил в 1993 году работу «Конец бронзового века». Также состоялись минимум две научные конференции (или семинара) соответствующей тематики — в 1992 и 1997 годах — и увидело свет множество «сопутствующих» книг и диссертаций^[426]. Однако, как уже отмечалось в начале данного исследования, огромное количество новых сведений стало доступным в последние несколько десятилетий, и это нужно учитывать для наилучшего понимания как «народов моря», так и совокупности сил, взаимодействие которых подвело черту под эпохой великолепных цивилизаций, описанной выше^[427].

Прежде всего мы должны признать, о чем часто говорилось на предыдущих страницах, что далеко не всегда ясно, кто (или что) виновен в разрушении поселений позднего бронзового века, царств и

империй в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье. Разрушение дворца Нестора в Пилосе (около 1180 года до нашей эры) — прекрасный тому пример, что недавно подчеркнул один ученый: «Некоторые полагают, что исполнителями этого злодеяния были завоеватели из-за пределов царства; другие считают, что жители Пилоса попросту восстали против своего царя. Точные причины, словом, остаются неустановленными»^[428].

Во-вторых, нужно принять как данность отсутствие в настоящее время согласия среди ученых относительно причины (или группы причин) коллапса этого блестящего интернационального сообщества чуть более трех тысяч лет назад; наука, позволю себе напомнить, приписывала эту катастрофу «нападению внешних врагов, социальному восстанию, стихийным бедствиям, системному коллапсу, а также изменениям в военном деле»^[429]. Посему стоит потратить толику времени и проанализировать, как поступали ученые на протяжении последних приблизительно восьмидесяти лет, возможные причины случившегося. Но при этом мы должны объективно оценивать имеющиеся доказательства, которые поддерживают или опровергают каждую из гипотетических возможностей.

Землетрясения

Например, гипотеза о том, что некое землетрясение (или череда землетрясений) могло привести к «цепи разрушений», затронувшей некоторые поселения позднего бронзового века, обсуждается еще со времен Клода Шеффера, первого руководителя раскопок в Угарите. Шеффер думал, что именно землетрясение нанесло последний удар по городу, поскольку нашел наглядные доказательства того, что Угариту доводилось выдерживать землетрясения в далеком прошлом. Фотоснимки с раскопок Шеффера демонстрируют длинные каменные стены, смещенные с оси, а это одна из основных примет пережитого землетрясения^[430].

Впрочем, современная наука датирует землетрясение в Угарите 1250 годом до нашей эры (или чуть позднее). Кроме того, поскольку налицо все признаки восстановления города в промежутке между условной датой землетрясения и окончательной гибелью Угарита, нынешние ученые в целом считают, что землетрясение лишь повредило город, но не уничтожило его полностью^[431].

Не секрет, что нередко довольно сложно отличить поселение, разрушенное землетрясением, от поселения, уничтоженного людьми в ходе боевых действий. Тем не менее имеется ряд «маркеров», характерных именно для разрушительных землетрясений и хорошо знакомых археологам, которые ведут раскопки. К числу таких «маркеров» относятся: обрушившиеся, подновленные или укрепленные стены; раздавленные скелеты и тела, найденные под завалами; поваленные колонны, лежащие параллельно друг другу; вывернутые из кладки замковые камни арок и дверных проемов; стены, наклоненные под немыслимым углом или смещенные со своей первоначальной оси^[432]. В отличие от этого, если город был разрушен в ходе войны, археологи ожидают найти всевозможное оружие под грудками археологического мусора в слове разрушения. В поселении Афеке в Израиле, например, которое погибло в конце тринадцатого столетия до нашей эры, археологи обнаружили наконечники стрел, застрявшие в стенах зданий, как и в Трое VII А^[433].

Благодаря недавним данным археосейсмологов ныне не подлежит сомнению, что Греция, а также большая часть Эгейского бассейна и Восточного Средиземноморья подверглись воздействию вереницы землетрясений; первое случилось приблизительно в 1225 году до нашей эры, и катаклизмы продолжались пятьдесят лет, примерно до 1175 года до нашей эры. Землетрясение в Угарите, выявленное и описанное Шеффером, было не единичным явлением, но одним из множества землетрясений, сотрясавших регион в те годы. Эта серия древних землетрясений сегодня обычно именуется «штормовым землетрясением», при котором сейсмические волны продолжают «разбегаться», провоцируя череду новых землетрясений на протяжении нескольких лет и даже десятилетий, пока наконец сейсмическая активность вдоль линии разлома не уляжется^[434].

В Эгейском бассейне землетрясения, вероятно, поразили в интересующий нас период времени Микены, Тиринф, Ми-дею, Фивы, Пилос, Кинос, Левканди, Менелайон, Кастанас в Фессалии, Кораку, Профитис Элиас и Гла. В Восточном Средиземноморье следы землетрясений соответствующей датировки наблюдаются на развалинах многочисленных поселений, включая Трою, Караоглан и Хаттусу в Анатолии; Угарит, Мегиддо, Ашдод и Акко в Леванте и Энкоми на Кипре^[435].

Люди и сегодня погибают, когда рушатся здания, и оказываются погребенными под обломками, если вдруг землетрясение поражает населенную область; на местах древних поселений найдены по меньшей мере девятнадцать тел погибших в результате той череды землетрясений в разрушенных городах позднего бронзового века. В Микенах, к примеру, скелеты трех взрослых и ребенка были обнаружены в подвале дома, в двухстах метрах к северу от цитадели; людей придавило и расплющило камнями, упавшими от землетрясения. Кроме того, в доме на западном склоне хребта к северу от сокровищницы Атрея^[436] был найден скелет женщины среднего возраста: ей проломило череп камнем, тело покоилось в дверном проеме между основным помещением и передней. В Тиринфе нашли скелеты женщины и ребенка, погребенные под обвалившимися стенами здания X внутри акрополя; два других человеческих скелета обнаружили у крепостных стен — эти люди явно стали жертвами обрушения каменных фортификаций. В соседней Мидее тоже нашли

скелеты, в том числе скелет молодой женщины в комнате возле восточных ворот: ее череп и позвоночник раздроблены упавшими камнями^[437].

При всем том мы вынуждены признать, что, пускай эти землетрясения, несомненно, нанесли серьезный урон, крайне маловероятно, что их одних было достаточно для полного краха международного сообщества той эпохи (не забудем, что некоторые города были сразу повторно заселены и по крайней мере частично перестроены). Так было в Микенах и Тиринфе, например, пусть эти города уже не вернулись к тому блеску, который был им свойственен до природного катаклизма^[438]. Посему следует поискать иную причину, иное, возможно, дополняющее данное, объяснение коллапса в конце позднего бронзового века в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье.

Изменение климата, засуха и голод

Другая гипотеза, популярная среди ученых, особенно среди тех, кто не только стремится объяснить коллапс позднего бронзового века, но и пытается найти потенциальную причину миграций «народов моря», — это изменение климата, в частности засуха, которая привела к голоду. Хотя теории, формулируемые археологами, зачастую отражают, так сказать, эпоху, десятилетие или даже год, в который они были выдвинуты, данная гипотеза о возможном воздействии климатических перемен на общество в конце второго тысячелетия до нашей эры на несколько десятилетий опередила возникновение нынешней озабоченности текущим изменением климата.

Например, засуха долго оставалась излюбленным объяснением предыдущего поколения ученых, которые описывали переселение «народов моря» из Западного Средиземноморья на земли на востоке. Эти ученые предполагали, что засуха в Северной Европе заставила местное население мигрировать в направлении Средиземноморского региона, где новоприбывшие вытеснили коренных жителей Сицилии, Сардинии и Италии, а также, возможно, обитателей побережья Эгейского моря. Если это произошло на самом деле, случившееся могло спровоцировать цепную реакцию, которая завершилась переселением народов по всему Восточному Средиземноморью. Примером засухи, вынуждавшей человечество к крупномасштабным миграциям, может служить ситуация в США 1930-х годов: печально известный «Пыльный котел» обернулся массовой миграцией жителей Оклахомы и Техаса в Калифорнию.

Подобные миграции нередко характеризуются в литературе как «двухтактные»: имеется в виду, что неблагоприятные условия в домашнем регионе побуждают мигрантов к переселению, а позитивные условия в «области назначения» манят и притягивают их в этот район. Сюда же, как указал британский археолог Гай Миддлтон, можно добавить категории «пребывания» и «возможности», то есть факторы, стимулирующие желание все-таки остаться дома, и те, которые характеризуют способность к миграции, в том числе умение ходить под парусом, знание дорог и троп и т. д. ^[439].

Пожалуй, наиболее известный аргумент в пользу засухи как важнейшей причины коллапса позднего бронзового века в Эгейском бассейне был выдвинут и обоснован пятьдесят лет назад, в середине 1960-х годов, Рисом Карпентером, профессором археологии из колледжа Брин-Мор. Карпентер опубликовал маленькую, но чрезвычайно высоко оцененную книгу, в которой утверждал, что микенская цивилизация пала жертвой длительной засухи, которая обрушилась на Средиземноморье и Эгейский бассейн. Свое заявление он подкрепил цифрами, которые показывали радикальное сокращение численности населения материковой Греции после окончания бронзового века^[440].

Однако последующие археологические изыскания и раскопки установили, что сокращение численности населения было вовсе не столь драматическим, как представлялось Карпентеру. Налицо, скорее, перемещение населения в другие области Греции на протяжении железного века, каковое, возможно, мало связано (или вообще никак не связано) с предполагаемой засухой. В итоге изобретательная теория Карпентера сегодня отброшена — хотя, быть может, о ней стоит вспомнить в свете новых данных (см. ниже)^[441].

Оставим пока засуху и обратимся к голоду. Здесь следует отметить, что ученые уже давно ссылались на письменные тексты, которые прямо повествовали о голоде и о потребности в зерне у хеттов и в других областях Восточного Средиземноморья в конце бронзового века^[442]. Еще совершенно справедливо отмечалось, что голод в данном регионе отнюдь не уникален и не является особенностью последних лет позднего бронзового века.

Например, несколькими десятилетиями ранее, в середине тринадцатого столетия до нашей эры, царица хеттов писала египетскому фараону Рамсесу II: «У меня нет зерна в моих землях». Вскоре после того, вероятно вдогонку письму, хетты отправили торговое посольство в Египет, чтобы закупить ячмень и пшеницу для пересылки в Анатолию^[443]. Надпись египетского фараона Мернептах, где утверждается, что он «велел зерно погрузить на корабли, дабы сохранить в живых землю Хатти», служит дополнительным свидетельством голода в Хеттском царстве ближе к концу тринадцатого столетия до нашей эры^[444]. Послания, которые отсылались в указанный период из хеттской столицы, говорят нам о

кризисе, затянувшемся на десятилетия; автор одного письма риторически вопрошает: «Или неведомо тебе, что голод царил в моих землях?»^[445]

Некоторые письма, найденные в Угарите, отражают стремление немедленно отгрузить большое количество зерна хеттам. Один послание, отправленное хеттским царем правителю Угарита, обсуждает груз из двух тысяч мер ячменя (или просто зерна). Хеттский царь заканчивает свое послание резким заявлением: «Это вопрос жизни и смерти!»^[446] Еще одно письмо тоже посвящено поставкам зерна, но в нем также содержится просьба направить побольше кораблей. Все это побудило археологов из первых экспедиций предположить, что перед нами — реакция на вторжение «народов моря» (данную гипотезу пока невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть)^[447]. Даже последний правитель Угарита, Аммурапи, получил несколько писем от хеттского царя Суппилулиумаса II в начале двенадцатого столетия до нашей эры, в том числе письмо с порицанием за задержку в отгрузке зерна, столь необходимого хеттам; письмо приблизительно датируется годами перед окончательным разрушением^[448].

Итамар Зингер из Тель-Авивского университета убежден, что масштабы голода в последние годы тринадцатого и первые десятилетия двенадцатого столетия до нашей эры было поистине беспрецедентными и что этот голод затронул куда более обширную территорию, чем Анатолия. По его оценкам, данные, как текстовые, так и археологические, указывают на то, что «климатические катаклизмы охватили все Восточное Средиземноморье к концу второго тысячелетия до нашей эры»^[449]. Зингер может быть прав: одно из писем, найденных в «доме Уртену» в Угарите (северная Сирия) сообщает о голоде, что свирепствовал в городе Эмар во внутренней Сирии, когда тот был разрушен в 1185 году до нашей эры. Соответствующие строки этого послания, по-видимому, отправленного кем-то из «коммерческих представителей» Уртену в Эмаре, гласят: «Голод торжествует в твоём [то есть в нашем] доме; мы все умрем от голода. Если ты не поспешишь сюда, мы умрем голодными. Ты не встретишь никого живого из своей земли»^[450].

Даже сам Угарит, похоже, отчасти подвергся схожему испытанию; письмо Мернептаха, найденное в «доме Уртену», особо упоминает

«отправку зерна из Египта, чтобы облегчить голод в Угарите»^[451], а один угаритский правитель, адресуясь к неустановленному, но, вероятно, венценосному корреспонденту, писал: «(Здесь) у меня голод (сделался) преобилен»^[452]. Имеется также послание правителя Тира, города на побережье современного Ливана, к царю Угарита. Тирский правитель информирует своего «коллегу», что его корабль, который возвращался из Египта с грузом зерна, был застигнут штормом: «Твой корабль, который ты посылаешь в Египет, погиб [потерпел крушение] в сильной буре поблизости от Тира. Ему повезло спастись, и корабельный мастер [капитан] извлек все зерно из сосудов. Но я забрал все их зерно, всех людей и все их имущество у корабельного мастера [капитана] и вернул (все это) им. (Теперь) твой корабль стоит в Акко, где его чинят». По-видимому, корабль либо искал убежища в тирской гавани, либо был спасен тирскими мореходами. Так или иначе, экипаж и зерно в безопасности ожидали распоряжений угаритского царя^[453]. Сам корабль, как кажется, пришвартовали в порту города Акко, где сегодня можно посидеть в приятном ресторанчике на набережной и вообразить себе суматоху, имевшую место более трех тысяч лет назад.

Но какой фактор (или комбинация факторов) вызвал голод в Восточном Средиземноморье в интересующие нас десятилетия, выяснить пока не удалось. Среди возможных причин война и нашествие насекомых; с другой стороны, изменение климата, сопровождаемое засухой, с большей вероятностью способно превратить некогда плодородную землю в безводную полупустыню. Впрочем, до недавнего времени угаритские и другие восточносредиземноморские тексты, содержащие сообщения о голоде, предоставляли лишь намеки на доказательства изменения климата или на засуху, притом косвенные. В результате вопрос тщетно дебатировался учеными многие десятилетия^[454].

Недавно эта тема получила новый стимул благодаря исследованиям международной группы ученых, включающей Давида Каньевски и Элизу Ван Кампо из Тулузского университета во Франции и Харви Вайсса из Йельского университета; эта Группа заявила, что, возможно, нашла прямое научное доказательство изменения климата и засухи в Средиземноморье в конце тринадцатого и в начале двенадцатого столетий до нашей эры. Исследование, исходным тезисом которого была гипотеза, что ранний бронзовый век в

Месопотамии (конец третьего тысячелетия до нашей эры) завершился вследствие изменения климата, расширили с тем, чтобы обосновать, что нечто похожее произошло и в конце позднего бронзового века^[455].

Используя данные с раскопок Телль-Твейни (древней Гибалы) на севере Сирии, группа установила вероятную «нестабильность климата и факт сильной засухи» в регионе в конце второго тысячелетия до нашей эры^[456]. В частности, ученые изучали пыльцу из аллювиальных отложений и сделали вывод, что «засушливые условия сложились в средиземноморском поясе Сирии в конце тринадцатого — начале двенадцатого столетий и сохранились вплоть до девятого столетия до нашей эры»^[457].

Группа Каньевски также опубликовала дополнительные доказательства вероятной засухи на Кипре — результаты анализа пыльцы из системы лагун, известной как «соленое озеро Ларнаки», на месте древнего поселения Ала-Султан-Текке^[458]. Эти данные свидетельствуют о том, что «существенные экологические изменения» произошли в указанной области в конце позднего бронзового века и в начале железного века, то есть в промежутке с 1200 по 850 год до нашей эры. В ту пору территория вокруг Ала-Султан-Текке, одного из основных кипрских портов позднего бронзового века, «превратилась в полупустынный ландшафт, а уровень осадков и грунтовых вод, вероятно, перестал удовлетворять потребность поддержания устойчивого развития сельского хозяйства»^[459].

Если Каньевски и его коллеги правы, им на самом деле удалось найти прямые доказательства засухи, которая, как предполагали ученые предыдущего поколения, отчасти виновата в коллапсе цивилизации конца позднего бронзового века. Каньевски сделал вывод, что данные из прибрежной Сирии и с побережья Кипра убедительно доказывают: «Кризис позднего бронзового века совпал с началом приблизительно 300-летней засухи, имевшей место 3200 лет назад. Этот климатический сдвиг привел к падению урожайности и голоду, что ускорило или спровоцировало социально-экономический кризис и способствовало региональным миграциям в конце периода в Восточном Средиземноморье и на юго-западе Азии»^[460].

Работая независимо от этой группы, Брэндон Дрейк из университета Нью-Мексико собрал дополнительные данные, подкрепляющие выводы Каньевски и его коллег. В статье в «Джорнэл

оф археолоджикал сайенсиз» Дрейк перечисляет три новых источника доказательств в пользу гипотезы о том, что ранний железный век был засушливее века бронзового.

Во-первых, изучение минеральных отложений (спелеотем^[461]) в пещере Сорек на севере Израиля свидетельствует о малом количестве годовых осадков в период перехода от бронзового века к железному. Во-вторых, анализ стабильных изотопов углерода в кернх из озера Вулкария в западной Греции показывает, что растения того периода адаптировались к засушливой среде. В-третьих, керны осадочных пород из Средиземноморья указывают на падение температуры на поверхности моря, а это, в свою очередь, означает уменьшение количества осадков на суше (из-за сокращения разницы температур между сушей и морем)^[462]. Дрейк отмечает, что, разумеется, «сложно точно установить точку во времени, когда климат сделался более засушливым», но изменение климата, скорее всего, произошло до 1250–1197 годов до нашей эры^[463] (то есть как раз в рамках интересующего нас периода).

Дрейк также пишет, что имело место не только резкое повышение температуры в Северном полушарии непосредственно перед падением микенских дворцовых центров, вполне способное вызвать засуху, но и случилось не менее резкое снижение температуры во время оставления этих центров; то есть сначала стало жарче, а затем вдруг холоднее, в результате чего «сложились более прохладные, но засушливые условия, типичные для греческих темных веков». По мнению Дрейка, эти климатические изменения, в том числе понижение температуры у поверхности Средиземного моря перед 1190 годом до нашей эры, обернувшиеся уменьшением количества осадков (или снега), могли оказать радикальное влияние на дворцовые центры, особенно на те, которые зависели от сельскохозяйственной производительности, как в микенской Греции^[464].

Израиль Финкельштейн и Дафна Лангут из Тель-Авивского университета в сотрудничестве с Томасом Литтом из Боннского университета в Германии дополнили эту картину свежими данными. Они сообщили, что частицы ископаемой пыли из двадцатиметровой шахты, пробуренной в отложениях на дне Галилейского озера, также указывают на сильную засуху, начавшуюся примерно в 1250 году до нашей эры, в южной части Леванта. Вторую шахту пробурили на

западном побережье Мертвого моря и получили аналогичные результаты; при этом данные показывают, что засуха в этом регионе могла закончиться уже к 1100 году до нашей эры, что позволило региону возродиться — пусть, возможно, с новыми народами в качестве населения^[465].

Эти находки, безусловно, интригуют, но мы должны признать, что засухи часто случались в данной области на протяжении всей истории и далеко не всегда они приводили к краху цивилизаций. Опять-таки представляется, что сами по себе изменения климата, засухи и голод, даже если они «усугубляли социальную напряженность и в итоге усиливали конкуренцию за ограниченные ресурсы», не могли привести к коллапсу общества позднего бронзового века — наверняка сказались некие «прочие факторы», на что не преминул обратить внимание Дрейк^[466].

Внутренние восстания

Некоторые ученые предполагали, что городские бунты могли иметь определенное отношение к упадку конца позднего бронзового века. Такие бунты могли быть вызваны голодом, будь то по причине засухи или по иному поводу, землетрясениями или иными стихийными бедствиями или даже сокращением масштабов международного торгового оборота, поскольку все эти факторы оказывали значительное влияние на экономику интересующих нас областей и могли побудить недовольных крестьян и низшие слои общества восстать против правящего класса, как в 1917 году произошло в царской России^[467].

Подобный сценарий может быть использован для объяснения разрушений, например, в ханаанском Асоре, где нет никаких свидетельств землетрясения и где отсутствуют «улики», говорящие о войне и нападении извне. Хотя Ядин и Бен-Тор, два ведущих археолога и руководителя раскопок в Асоре, высказывались за уничтожение поселения в ходе боевых действий (вероятно, израильянами), другой содиректор текущих раскопок, Шарон Цукерман из Еврейского университета в Иерусалиме, недавно заявила, что разрушение Асора (слой 1 А, датируемый промежутком с 1230 года по первые десятилетия двенадцатого столетия до нашей эры) явилось результатом восстания жителей города, а не вторжения внешнего врага. По ее словам, «нет никаких археологических свидетельств войны, наподобие человеческих жертв или оружия, сколько ни ищи... Представление об окончательной гибели города в позднем бронзовом веке как следствии неожиданного нападения некоего могучего врага не совпадает с археологическими свидетельствами»^[468]. Цукерман считает, что «нарастание внутренней напряженности и постепенный упадок города завершились нападением горожан на основные политические и религиозные твердыни городской элиты, и это весьма правдоподобное альтернативное объяснение разрушения и оставления Асора»^[469].

Не подлежат сомнению следы разрушений в различных микенских дворцовых центрах и в городах Ханаана, однако, откровенно говоря, невозможно определить, оставлены ли эти

разрушения восставшими крестьянами. Поэтому гипотеза остается правдоподобной, но недоказуемой. Вдобавок многие цивилизации успешно переживали внутренние восстания и даже процветали при новых режимах. А потому сама по себе теория внутренних восстаний вряд ли способна объяснить крах цивилизаций позднего бронзового века в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье.

(Возможные) интервенты и коллапс международной торговли

Среди событий, которые могли бы привести к внутреннему восстанию, мы в состоянии разглядеть призрак внешнего вторжения, которое прервало международное торговое сообщение и подорвало хрупкую экономику региона, чрезмерно зависимую от поставок иноземного сырья. Предложенное Кэрол Белл сравнение стратегического значения олова в бронзовом веке и сырой нефти в современном мире может служить подходящей иллюстрацией этой гипотетической ситуации^[470].

Впрочем, даже если внутренних бунтов не происходило, прекращение торговых контактов само по себе могло иметь серьезные последствия и немедленно сказаться на микенских городах-государствах, таких как Пилос, Тиринф и Микены, которые вынужденно импортировали медь и олово, необходимые для производства бронзы, а также, кажется, значительные объемы дополнительного сырья, в том числе золото, слоновую кость, стекло, древесину, черное дерево и терпентинную смолу, применяемую для изготовления «духов». Стихийные бедствия наподобие землетрясений могли привести к временным перебоям в торговле, потенциально чреватые повышением цен и, если воспользоваться современным термином, инфляцией, а прекращение торговли на постоянной основе почти наверняка являлось результатом действий внешних захватчиков, вторгавшихся в те или иные области. Но кем были эти захватчики? Или мы наконец-то встретились с «народами моря»?

Вместо «народов моря» древние греки — начиная с историков вроде Геродота и Фукидида (пятое столетие до нашей эры) и заканчивая поздним путешественником Павсанием — винили во всем этническую группу, известную как дорийцы, которые вторглись в Элладу с севера в конце бронзового века и спровоцировали тем самым начало века железного^[471].

Эта гипотеза широко обсуждалась археологами и историками, изучавшими эпоху бронзы в Эгейском бассейне; в качестве доказательств привлекался и новый тип керамики, так называемая

«ручная лощеная керамика», или «варварская керамика». Но в последние десятилетия стало очевидным, что никакого вторжения с севера в указанное время не случилось и нет причин принимать гипотезу «дорийского нашествия» в качестве обоснования гибели микенской цивилизации. Несмотря на более позднюю традицию классической Эллады ясно, что дорийцы никоим образом не причастны к коллапсу общества в конце позднего бронзового века: они пришли в Грецию намного позже этих драматических событий^[472].

Кроме того, недавние исследования показали, что даже в период упадка микенского мира и в первые годы железного века материковая Греция по-прежнему сохраняла торговые связи с Восточным Средиземноморьем. Другое дело, что эти связи, похоже, больше не находились под контролем элиты, обитавшей во дворцах бронзового века^[473].

В северной Сирии при этом мы располагаем многочисленными документами, подтверждающими тот факт, что морские «захватчики» нападали на Угарит в указанный период. Хотя в наличии мало доказательств происхождения этих мародеров, мы не можем отвергать вероятность того, что они принадлежали к «народам моря». Помимо того ученые недавно установили, что многие города-государства Восточного Средиземноморья (и Угарит в частности) серьезно пострадали в результате прекращения международных торговых контактов, уязвимых для нападений морских разбойников.

Итамар Зингер, например, предположил, что падение Угарита могло произойти вследствие «внезапного распада традиционных структур международной торговли, которые были жизненно важны для бурно развивавшейся экономики Угарита в бронзовом веке». Кристофер Монро из Корнелльского университета привлекает к анализу более широкий контекст, указывая, что наиболее богатые города-государства Восточного Средиземноморья в наибольшей степени пострадали от событий двенадцатого столетия до нашей эры, поскольку они являлись не только самыми привлекательными объектами для нападения, но и сильнее прочих зависели от международной торговой сети. Монро предполагает, что эта зависимость (возможно, сверхзависимость) от капиталистической предприимчивости и в особенности от междугородней торговли могла

способствовать экономической нестабильности, очевидной для конца позднего бронзового века^[474].

Тем не менее мы не должны упускать из вида то обстоятельство, что Угарит выступал соблазнительной целью как для внешних захватчиков, так и для «доморощенных» пиратов, равно как и для других социальных групп. В этой связи стоит снова вспомнить письмо из «Южного архива», найденного в V дворе угаритского дворца (но не в печи), где упоминаются семь вражеских кораблей, которые наносили урон угаритским владениям. Не важно, имели эти корабли отношение к окончательному разрушению Угарита или нет, само наличие вражеских кораблей могло нарушить международную торговлю, от которой зависело процветание Угарита.

Когда подобные драматические ситуации возникают сегодня, кажется, что буквально у каждого есть что посоветовать. Схожая картина наблюдалась и в древности, в позднем бронзовом веке. Письмо, найденное в Угарите, возможно, от хеттского наместника в Каркемише, советует царю Угарита, как поступать с такими враждебными кораблями. Оно начинается со слов: «Ты писал мне, что вражеские корабли видны в море». Далее идет совет: «Сохрани спокойствие. В самом деле, где твои войска, где твои колесницы? Разве они не рядом с тобой?.. Окружи свои города стенами. Выведи на стены своих воинов и прикати колесницы. Будь бдителен в ожидании врага и копи силы!»^[475]

В другом письме, найденном в «доме Рапану» и отправленном человеком по имени Эшувара, верховным наместником Кипра, явно подразумевается та же ситуация. Здесь наместник предупреждает, что не несет ответственности за любой ущерб, причиненный Угариту или его владениям упомянутыми кораблями, тем более что это, по его словам, собственные корабли Угарита, а люди, творящие злодеяния, угаритские подданные; он советует Угариту готовиться к тому, чтобы защищать себя: «Что же до тех врагов, о которых ты писал. (Это) люди из твоей земли и это твои собственные корабли, (что) виновны! И (это) люди из твоей страны (совершили) эти злодеяния... Я пишу, чтобы уведомить тебя и защитить. Будь настороже!» Затем наместник прибавляет, что вражеских кораблей двадцать, но они ушли в неизвестном направлении^[476].

Наконец послание из «архива Уртену», от чиновника из города Каркемиш, находившегося на севере внутренней Сирии, сообщает, что царь Каркемиша движется через владения хеттов к Угариту с подкреплением и что люди, поименованные в письме, включая самого Уртену и городских старейшин, должны постараться удержать город, пока подмога не прибудет^[477]. Маловероятно, что помощь подоспела вовремя. В любом случае было уже слишком поздно, как следует из частного письма, которое считается одним из последних сообщений, полученных из Угарита; в нем описана угрожающая ситуация: «Когда твой посланник прибыл, войско рассеялось и город был разграблен. Нашу пищу в молотильнях сожгли дотла, наши виноградники вырубили. Город пал. Помни о нас! Помни о нас!»^[478]

Как отмечалось выше, археологи, работающие в Угарите, утверждают, что город был сожжен, что слой разрушения достигает высоты двух метров в некоторых местах и что многочисленные наконечники стрел разбросаны среди руин^[479]. Экспедициям удалось найти ряд кладов, закопанных под землей; в некоторых были драгоценности из золота и бронзы, в том числе статуэтки, оружие и инструменты, причем на отдельных предметах имелись надписи. Все клады производят впечатление зарытых непосредственно перед разрушением города; их владельцы больше не возвращались за своим имуществом^[480]. Впрочем, даже обширное, почти полное уничтожение города не объясняет, почему выжившие не заселили вновь обжитые места — если, конечно, хоть кто-то уцелел.

Не полное истребление, а прекращение торговых связей и крах международной торговой системы в целом — вот, пожалуй, наиболее логичное и внятное объяснение того факта, почему Угарит не восстановили и не заселили вновь после разрушения. По словам одного ученого, «то обстоятельство, что Угарит не сумел восстать из пепла, в отличие от других левантийских городов позднего бронзового века, которые постигла та же участь, должно объясняться более вескими причинами, нежели разрушения, причиненные городу»^[481].

Правда, этому доводу есть контраргумент. Международные контакты Угарита, по-видимому, поддерживались вплоть до внезапной гибели города: у нас имеется письмо правителя Бейрута к угаритскому чиновнику («префекту»), которое поступило уже после того, как царь Угарита бежал из города^[482]. Иными словами, Угарит был разрушен

завоевателями и не восстанавливался вопреки тому, что международные торговые связи, по крайней мере частично, если не полностью, сохранялись до самой гибели поселения.

Из многочисленных документов в «архивах» Рапану и Уртену совершенно очевидно, насколько тесными и крепкими были международные связи, которые, по всей видимости, пронизывали Восточное Средиземноморье даже в конце позднего бронзового века. Кроме того, из нескольких текстов «архива Уртену» следует, что эти международные связи сохранялись фактически до последнего часа Угарита. Отсюда вполне логично заключить, что гибель пришла внезапно, не была следствием постепенного упадка из-за оскудения торговых путей, засухи или голода и что Угарит был преднамеренно уничтожен захватчиками; тут не имеет значения, те же ли самые захватчики или кто-то другой заодно прервал международное торговое сообщение.

Децентрализация и частная купеческая инициатива

Нам следует рассмотреть еще один фактор, на который ученые обратили внимание сравнительно недавно и который вполне может служить, так сказать, «предвестием» нынешних представлений о роли децентрализации в современном мире.

В статье, опубликованной в 1998 году, Сьюзен Шерратт — ныне сотрудница Шеффилдского университета — пришла к выводу о том, что вторжение «народов моря» было последним этапом в процессе замены старых централизованных политико-экономических систем, существовавших в бронзовом веке, новой децентрализованной экономической системой железного века, то есть в процессе перехода от царства и империй, которые контролировали международную торговлю, к менее «глобализованным» городам-государствам и индивидуальным предпринимателям, что занимались бизнесом ради себя самих. Шерратт предложила воспринимать «народы моря» как «целесообразный структурный феномен, продукт естественной эволюции и расширения международной торговли в третьем и в начале второго тысячелетия до нашей эры; эта торговля уже содержала в себе прообраз краха дворцовой командной экономики, пусть даже именно дворцы были ее инициаторами»^[483].

По мнению Шерратт, хотя международное торговое сообщение действительно прекратилось и по крайней мере некоторые «народы моря», возможно, были мигрантами-захватчиками, однако на самом деле не имеет значения, откуда пришли «народы моря» и что совершили — или даже каково их происхождение. Гораздо важнее социально-политические и экономические перемены, которые они олицетворяют, переход от преимущественно дворцовой экономики к той, в которой частные торговцы и малые государства обрели значительно большую экономическую свободу^[484].

Нельзя отказать гипотезе Шерратт в элегантном обосновании, но справедливости ради укажем, что другие ученые ранее тоже высказывали подобные предположения. Например, Клаус Килиан, руководитель раскопок в Тиринфе, как-то заметил: «После падения

микенских дворцов, когда в Греции утвердилась «частная» экономика, контакты с зарубежными странами продолжались. Крепко организованной дворцовой системе пришли на смену малые локальные политики, конечно, менее могучие в своей экономической экспансии»^[485].

Мишаль Арци из университета Хайфы даже придумала обозначение для тех частных предпринимателей, которых восхваляет Шерратт: она окрестила их «морскими кочевниками». С ее точки зрения, эти «кочевники» вели активную посредническую деятельность и сосредоточили в своих руках морскую торговлю в четырнадцатом и тринадцатом столетиях до нашей эры^[486].

Впрочем, исследования последнего времени ставят под сомнение «переходное мировоззрение», которое отстаивает Шерратт. Кэрл Белл, например, позволяет себе не согласиться: «Кажется упрощением... воспринимать различия между поздним бронзовым веком и железным веком как смену дворцового обмена на предпринимательскую торговлю. Глобальная смена одной парадигмы другой не является удачным объяснением этого перехода и сопутствующей реструктуризации»^[487].

Хотя не подлежит сомнению тот факт, что «приватизация» торговли началась именно в рамках дворцового торгового обмена, не совсем понятно, почему именно данная «приватизация» в конечном счете должна была подорвать основы экономики, из которой она выросла^[488]. В Угарите, к примеру, не найдено никаких доказательств того — пусть город очевидно был сожжен и разрушен, — что разрушение и пожар были вызваны децентрализацией торговли и что частные предприниматели неким образом ослабили государство и его контроль за международной торговлей^[489].

На самом деле, если объединить текстовые свидетельства и тот факт, что Угарит был явно уничтожен пожаром и что в археологическом мусоре обильно встречается оружие, мы можем вновь с уверенностью заявить, что пусть, возможно, некие «семена децентрализации» в Угарите и присутствовали, но почти наверняка окончательное разрушение города было спровоцировано боевыми действиями и винить в том следует внешних захватчиков; это, разумеется, несколько не укладывается в сценарий, который отстаивает сама Шерратт и ее единомышленники. Принадлежали ли

данные захватчики к «народам моря», сказать сложно, хотя вызывает любопытство то обстоятельство, что один из угаритских текстов упоминает шикилу (или шакелеша), племена, известные по надписям Мернептах и Рамсеса III, где сообщается о «народях моря».

В любом случае, даже если децентрализация и частная инициатива имели место, кажется маловероятным, что именно они спровоцировали коллапс общества позднего бронзового века — по крайней мере сами по себе. Вместо того чтобы соглашаться с гипотезой, что частные торговцы подорвали экономику бронзового века, возможно, нам стоит прислушаться к альтернативному мнению: что эти торговцы попросту «возникли из праха» распада, как предположил Джеймс Мали из университета Пенсильвании двадцать лет назад. Мали характеризует двенадцатое столетие до нашей эры не как мир, где доминировали «морские разбойники, пираты и алчные наемники», а скорее как мир «предприимчивых купцов и торговцев, использующих новые экономические возможности, новые рынки и новые источники сырья»^[490]. Из хаоса рождаются шансы — по крайней мере для немногих счастливицев, и так было всегда.

«Народы моря»: куда они подевались?

Наконец мы подошли к рассмотрению самих «народов моря», которые по-прежнему остаются загадкой для ученых и исследователей. Считать их морскими разбойниками или вынужденными мигрантами — не принципиально: археологические и текстовые свидетельства указывают, что «народы моря», несмотря свое прозвище, скорее всего, передвигались как по морю, так и по суше, то есть любыми возможными способами.

Те, кто двигался по морю, вероятно, держались береговой линии и, быть может, каждый вечер искали безопасную гавань для ночлега. Тем не менее остается открытым вопрос, принадлежали ли «народам моря» вражеские корабли, упоминаемые в угаритских текстах, или это были корабли самих подданных Угаритского царства, как утверждается в послании Эшувары, верховного наместника Аласии^[491]. В этом контексте нужно принять во внимание письмо, о котором говорилось выше, из «дома Уртену» в Угарите, то самое, где сообщалось о «шикилу» (то есть, скорее всего, о племенах шакелеша из египетских надписей). Данное письмо было отправлено хеттским царем, должно быть, Суппилиумасом II, наместнику Угарита, и в нем молодой правитель Угарита характеризуется как человек, который «ничего не ведает». Итамар Зингер наряду с другими учеными считает, что здесь подразумевается Аммурапи, как раз вступивший на угаритский престол. В своем послании хеттский царь сообщает, что желает допросить человека по имени Ибнадушу, захваченного шикилу, что «живут на кораблях», дабы узнать побольше об этих шикилу/шакелеша^[492]. Нам неизвестно, осуществил ли царь свое желание и что вообще удалось выяснить у этого Ибнадушу.

Принято считать, что данный документ содержит единственное конкретное упоминание о «народях моря» помимо египетских надписей, хотя также предполагается, что могут существовать и другие документы. «Враг из земли Аласия», напавший на последнего царя хеттов Суппилиумаса II на суше после трех морских сражений против аласийского (то есть кипрского) флота, вполне мог быть кем-то из «народов моря». Вспомним и надпись, найденную в Хаттусе в 1988

году, где, похоже, подразумевается, что Суппилулиумас II сражался против «народов моря», которые высадились на южном побережье Анатолии и наступали на север^[493]. Большинство документов и надписей, за исключением египетских, содержат исключительно общие обозначения («вражеские корабли») и не называют «народы моря» по имени.

Те «народы моря», которые двигались по суше, возможно, также придерживались преимущественно береговой линии, вдоль которой разрушение прибрежных городов открывало для них целые новые области; во многом схожим образом для Александра Великого битвы на реке Граник, при Иссе и Гавгамелах открыли конкретную область древнего Ближнего Востока почти тысячу лет спустя. Ассаф Ясур-Ландау из университета Хайфы предположил, что некоторые «народы моря» могли начать свою миграцию из Греции и, форсировав Дарданеллы, двинуться в западную Турцию/Анатолию. Другие племена — возможно, большинство из них, говорит ученый, — тронулись в путь именно в этот момент и, быть может, примкнули к тем, кто прибывал из Эгейского бассейна; их «маршрут» пролегал вдоль южного побережья Турции — в Киликию на восточной оконечности, а затем в южную часть Леванта по побережью. Если «народы моря» и вправду следовали этому «маршруту», им пришлось миновать город Троя, царства Арцава и Тархунтасса в Анатолии и города Таре и Угарит в юго-восточной Анатолии и северной Сирии соответственно.

Везде в этих точках обнаруживаются признаки разрушения и/или последующего запустения, датируемые приблизительно тем периодом, когда мигрировали «народы моря», но неясно, причастны ли последние на самом деле к гибели царств и городов^[494].

Археологические свидетельства подталкивают нынешних историков к выводу о том, что большинство поселений в Анатолии были полностью или частично покинуты в это время, а вовсе не преданы огню «народами моря». Можно предположить, что, если международная торговля, транспортное сообщение и коммуникации прекратились вследствие войн, голода или иных причин, города, зависмые от торговых путей, могли захиреть и погибнуть, а их население либо постепенно переселялось в другие места, либо бежало в спешке (темпы запустения определялись скоростью коммерческого и

культурного упадка). Один ученый недавно заметил, что «разумно допустить воздействие «народов моря» на Киликию и сирийское побережье, однако до сих пор не обнаружено исторических и археологических доказательств какого бы то ни было воздействия «народов моря» на хеттские территории... поэтому истинные причины упадка Хеттского государства видятся скорее внутренними, а не внешними»^[495].

Ярким примером бездоказательного обвинения выступает случай «Телль-Твейни», поселения позднего бронзового века; это был портовый город Гибала во владениях Угарита. Радиоуглеродный анализ побудил археологов и других исследователей заявить, что найдены подтверждения уничтожения Гибалы «народами моря», датируемые конкретно 1192–1190 годами до нашей эры^[496]. Исследователи объявили публично: «Народы моря» были морскими разбойниками различного происхождения. Они предприняли совместное — морское и сухопутное — вторжение, которое дестабилизировало и без того ослабленные империи и царства Ближнего Востока, и попытались подчинить себе территорию Египта. «Народы моря» олицетворяют собой финальный этап долгой и сложной спирали упадка в древнем Средиземноморье»^[497].

Хотя никто не сомневается в том, что город Гибала был разрушен примерно в указанное время, установленное археологами при помощи радиоуглеродного анализа, отождествление «народов моря» с «агентами разрушения» носит сугубо спекулятивный характер (хотя, конечно, такая возможность отнюдь не исключается). Археологи не смогли представить никаких прямых доказательств губительной роли «народов моря»; они просто указывают, что материальная культура, фиксируемая в поселении после разрушения, содержит «архитектуру, похожую по стилю на эгейскую, микенские сосуды местного производства (тип IIIС), лощеную керамику ручной работы и глиняные гирьки Эгейского образца»^[498]. Как утверждается, «эти образчики, также обнаруживаемые в филистимских поселениях, являются культурными маркерами иноземных переселенцев, наиболее вероятно, «народов моря»^[499]. Быть может, Телль-Твейни и в самом деле наиболее показательный пример поселения, уничтоженного и затем заселенного «народами моря», однако нельзя говорить об этом с абсолютной уверенностью. Кроме того, как отмечает Анни Кобе

применительно к Рас-ибн-Хани (см. выше), далеко не обязательно народы, поселившиеся в конкретном месте после его разрушения, несут ответственность за гибель этого поселения.

Далее мы можем предположить, что — по крайней мере в некоторых случаях — группы племен, относившихся к «народам моря», возможно, могли заполнять вакуум, образовавшийся в результате разрушения и/или покидания городов, по любым причинам, и оседали в этих местах, завершая миграцию; в итоге они оставляли после себя свои артефакты, что, вполне вероятно, имело место в Телль-Твейни. В данных обстоятельствах эти представители «народов моря», должно быть, заселяли прежде всего, хотя и не исключительно, прибрежные города, в том числе Тарсин и Мерсин на юго-восточном побережье Анатолии. То же может быть верным для региона на границе между юго-западной Турцией и северной Сирией, в окрестностях Телль-Тайинат, которые, как свидетельствуют недавние находки, были известны как «Палистин-ская земля» в железном веке^[500].

Конечно, существует традиция, в первую очередь литературная, согласно которой отдельные «народы моря» заселили Тель-Дор, на севере современного Израиля. Например, египетское повествование «Странствия Унуамона», датируемое первой половиной одиннадцатого столетия до нашей эры, называет Тель-Дор городом зерийцев, или зикилов (шакелеша). Другой египетский текст, «Ономастикой Аменемопа», который датируется приблизительно 1100 годом до нашей эры, перечисляет шарданов, зерийцев и пелесетов, а также упоминает поселения Ашкелон, Ашдод и Газа (три из пяти поселений, которые входили в состав филистимского Пятиградия). Поселения на Кармельском побережье и в долине Акко, а также, возможно, Тель-Дан тоже выдвигались на роль освоенных «народами моря», например, шарданами и данунами. При раскопках многих из этих поселений, в том числе характеризуемых археологами как «филистимские», например, в Ашдоде, Ашкелоне, Газе, Аккароне и в других, была найдена керамика Эгейского образца и иные «культурные маркеры»^[501]. Вполне может быть, что это единственные физические остатки присутствия в истории неуловимых «народов моря», однако археологические находки во многих поселениях, включая те, что расположены севернее, указывают, скорее, на связи с Кипром, а не с

Эгейским бассейном. Так или иначе, здесь налицо свидетельства жизни народов неханаанского происхождения в двенадцатом столетии до нашей эры^[502].

Любопытно, что, как кажется, нет ни подобных остатков, ни каких-либо следов разрушений в области, известной как Финикия (в настоящее время территория Ливана). Несмотря на многочисленные научные дискуссии, до сих пор не установлено, с чем это связано; быть может, это обманчивое впечатление, порожденное относительным дефицитом раскопок в регионе по сравнению с другими прибрежными районами Ближнего Востока^[503].

Среди многих сценариев, предложенных для объяснения последних дней позднего бронзового века в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье, наиболее вероятным представляется гипотеза, выдвинутая Израилем Финкельштейном из Тель-Авивского университета десять лет назад. Финкельштейн полагает, что миграция «народов моря» не была одномоментной, но представляла собой длительный процесс в несколько этапов, причем первый этап начался в ранние годы правления Рамсеса III, около 1177 года до нашей эры, и последний завершился в правление Рамсеса VI, около 1130 года до нашей эры. Финкельштейн пишет:

«Несмотря на то что египетские тексты будто бы говорят о единичном событии, миграция народов моря длилась по меньшей мере полвека и состояла из нескольких фаз... Возможно, первыми двинулись в путь группы, которые сеяли разрушение вдоль побережья Леванта, включая северную Филистию, в начале двенадцатого столетия до нашей эры и были разгромлены Рамсесом III на восьмом году его правления. Впоследствии некоторые из них поселились в египетских гарнизонах в дельте. Более поздние группы «народов моря», во второй половине двенадцатого столетия до нашей эры, сумели покончить с египетским господством в южной части Ханаана. После уничтожения египетских твердынь... они поселились в Филистии и основали свои главные центры в Ашдоде, Ашкелоне, Тель-Микне и в других местах. Эти народы — библейские

филистимляне — легко отождествляются по характерным эгейским образцам их материальной культуры»^[504].

Большинство ученых согласны с Финкельштейном в том, что археологические данные, как представляется, указывают на необходимость присмотреться в первую очередь к Эгейскому бассейну (быть может, с промежуточными «фильтрами» Анатолии и Кипра) как на место исхода некоторых или большинства племен «народов моря»^[505], а не к Сицилии, Сардинии и западной части Средиземноморья. Однако Ясур-Ландау полагает, что если «народы моря» и были микенцами, то не принадлежали к числу тех, кто бежал с развалин дворцов в Микенах и в других поселениях. Он отмечает, что нет никаких доказательств применения линейного письма Б или иных форм богатой «дворцовой» культуры тринадцатого столетия до нашей эры на материковой Греции в этих анатолийских и ханаанских поселениях. Скорее материальная культура переселенцев указывает на то, что они являлись выходцами из «довольно скромной культуры, которая возникла немедленно после [гибели дворцов]» в начале двенадцатого столетия до нашей эры. Ясур-Ландау также отмечает, что некоторые из этих людей могли даже быть земледельцами, а не воинами и стремились изменить свою жизнь к лучшему посредством переселения в новую область. Так или иначе, все они были «населением, собранием семейств, искавших новый дом»^[506]. По мнению ученого, эти мигранты не являлись причиной коллапса цивилизации позднего бронзового века на Ближнем Востоке; наоборот, они были «искателями возможностей», которые воспользовались крахом общества, чтобы обрести новый дом^[507].

Ясур-Ландау также ставит под сомнение традиционное представление о насильственном захвате филистимлянами Ханаана. Он пишет: «Обстоятельства заселения не соответствуют вооруженному вторжению. Недавние находки в Ашкелоне показывают, что мигранты [на самом деле] заселяли покинутые городища, строились поверх полуразрушенных строений египетского гарнизона... Нет никаких однозначных признаков насильственного разрушения Ашдода... Следы разрушений, якобы выявленные археологами, вполне могут оказаться не более чем следами приготовления пищи... В Аккароне мелкое ханаанское поселение...

действительно было уничтожено огнем, но... позднее там возникла другая ханаанская деревня... еще до прибытия мигрантов»^[508].

Вместо привычного представления о вражеском завоевании Ясур-Ландау рисует картину межкультурных браков и межкультурных семей, сохранявших равно ханаанские и эгейские обычаи и устои, преимущественно в домашнем быту. По его формулировке, «материальные свидетельства раннего железного века в Филистии указывают на тесные, в основном сугубо мирные взаимодействия между мигрантами и местными жителями... Поэтому я рискну предположить, что отсутствие насилия в глобальных масштабах при основании городов филистимлян... и сосуществование эгейских и местных культурных традиций свидетельствуют о совместных усилиях эгейских мигрантов и коренного населения, а не о колониальном завоевании»^[509].

Другие ученые соглашаются, указывая на то, что филистимляне в крайнем случае разрушали только элитные районы ряда поселений — дворцы и их окрестности, например, — и образцы культуры, ныне отождествляемые с филистимлянами, имеют «смешанное происхождение и содержат следы культур Эгейского бассейна, Кипра, Анатолии, Юго-Восточной Европы и других регионов»^[510]. Вовсе не создается впечатление, что совершенно чуждая культура попросту вытеснила предыдущую ханаанскую материальную культуру раз и навсегда (применительно к керамике, строительной практике и так далее); скорее то, что сегодня принято считать культурой филистимлян, есть результат гибридизации и смешения различных культур и содержит элементы как местной, ханаанской культуры, так и культуры переселенцев^[511].

Иными словами, не приходится сомневаться в том, что новые народы появились и осели в Ханаане в этот период, однако реконструируемый призрак злодейских «народов моря» (филистимлян) уступил место несколько более мирной картине прибытия смешанной группы мигрантов, искавших лучшей доли на новых землях. Они не были воинственными захватчиками, истреблявшими все и вся на своем пути; нет, они, скорее всего, были беженцами, которые отнюдь не всегда непременно нападали и покоряли местное население, но зачастую просто спокойно селились по соседству. Так или иначе, эти

переселенцы вряд ли сами по себе покончили с цивилизацией в Эгейском бассейне и в Восточном Средиземноморье [\[512\]](#).

Доводы в пользу системного коллапса

В 1985 году, когда Нэнси Сандарс опубликовала переработанное издание своей классической работы о «народах моря», она писала: «В землях, окружающих Средиземное море, всегда происходили землетрясения, всегда случались голод, засухи и наводнения, а темные века неизменно повторялись». Кроме того, прибавила она, «катастрофы нередки в истории человечества, но они, как правило, не вызывали грандиозных потерь и последствий. За этими событиями нередко следовал новый расцвет, приводивший к гораздо большему процветанию»^[513]. Так чем же отличается интересующий нас период, конец позднего бронзового века? Почему его цивилизация не восстановилась и не продолжилась?

По мнению Сандарс, «предлагалось множество объяснений, но лишь немногие из них выдержали испытание временем. Беспрецедентная череда землетрясений, охвативших обширные пространства, неурожай сельскохозяйственных культур и голод, обильное вторжение из придунайских степей, наводнение пустынь — все, возможно, сыграло определенную роль; но этого было мало»^[514]. Она права. Теперь мы должны обратиться к идее системного коллапса, или системного сбоя, вызвавшего одновременно эффект домино и эффект умноженного воздействия; от него не смогла оправиться даже такая глобализированная интернациональная и процветающая цивилизация, какая существовала на Ближнем Востоке в позднем бронзовом веке.

Колин Ренфрю из Кембриджского университета, один из наиболее уважаемых ученых, когда-либо изучавших Эгейский бассейн доисторического периода, выдвинул гипотезу системного коллапса еще в 1979 году. Тогда он сформулировал свою гипотезу в терминах теории катастроф, согласно которой «отказ незначительного элемента вызывает цепную реакцию, которая приобретает все больший размах и наконец вынуждает обрушиться структуру в целом»^[515]. Потенциально полезная метафора, сразу приходящая на ум, — так называемый эффект бабочки, когда единичный взмах крыльев насекомого может в конечном счете привести к торнадо или урагану

несколько недель спустя на другой стороне мира^[516]. Мы могли бы, например, вспомнить о нападении ассирийского царя Тукульти-Нинурты I на прежде грозное войско хеттов. Поражение, нанесенное хеттам ассирийцами в конце тринадцатого столетия до нашей эры, в правление Тудхалияса IV, могло позднее подтолкнуть каскейцев к осаде и уничтожению столицы Хеттского царства Хаттусы.

Ренфрю выделил общие признаки системного коллапса и перечислил их в следующем порядке: (1) коллапс централизованного управления; (2) исчезновение традиционного элитного класса; (3) коллапс централизованной экономики; (4) смена места жительства и сокращение численности населения. В целом системный коллапс во всех своих аспектах может длиться век, писал он и отмечал, что невозможно определить единственную очевидную причину такого коллапса. Кроме того, последствием подобной катастрофы является переход на более низкий уровень социально-политической интеграции и возникновение «романтических» представлений о темных веках применительно к предыдущему периоду. Это не просто соответствует ситуации в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье около 1200 года до нашей эры, но, как отмечал Ренфрю, вполне соотносится с коллапсом цивилизации майя, Древнего царства в Египте и цивилизации долины Инда в различные периоды времени^[517]. Как уже упоминалось, тема «обвалов» на протяжении человеческой истории и возможных циклов расцвета и падения империй была впоследствии подхвачена другими учеными, наиболее известным из которых сегодня является Джаред Даймонд^[518].

Неудивительно, что далеко не все исследователи принимают гипотезу системного коллапса в конце позднего бронзового века. Роберт Дрюс из университета Вандербильта, например, отвергает ее на том основании, что, с его точки зрения, данная гипотеза не объясняет, почему дворцы и города были разрушены и сожжены^[519].

Однако, как мы уже видели, вскоре после 1200 года до нашей эры цивилизации бронзового века погибли — в Эгейском бассейне, Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, — продемонстрировав все классические признаки системного коллапса, перечисленные Ренфрю, от исчезновения традиционных элит и коллапса управления до краха централизованной экономики, массовой смены местожительства, сокращения численности населения и

перехода на более низкий уровень социально-политической интеграции, не говоря уже о таких событиях, как Троянская война, эпическую поэму о которой Гомер сложил в восьмом столетии до нашей эры^[520]. Вторжение «народов моря» в 1207 и 1177 годах до нашей эры; череда землетрясений, которые потрясли Грецию и Восточное Средиземноморье в пятидесятилетием промежутке с 1225 по 1175 год до нашей эры; засухи и изменения климата, которые опустошали эти области в интересующий нас период, — все это было следствием и результатом «идеального шторма», который погубил великие культуры и народы бронзового века, от микенцев, минойцев и хеттов до ассирийцев, касситов, киприотов, митаннийцев, хананеев и даже египтян^[521].

На мой взгляд (и на взгляд Сандарс), ни один из указанных факторов по отдельности не являлся достаточно «катастрофическим» сам по себе, чтобы обречь на смерть хотя бы одну из этих культур, не говоря уже об их совокупности. Зато комбинация данных факторов вполне способна была породить сценарий, в котором последствия каждого фактора усиливаются благодаря явлению, известному как эффект умноженного воздействия^[522]. Отказ какой-либо части системы мог также привести к эффекту домино, который спровоцировал повсеместные катаклизмы. Результирующий системный коллапс легко мог обернуться «цепным распадом» древних обществ отчасти из-за фрагментированности мировой экономики и уничтожения взаимных связей, от которых зависели все цивилизации.

В 1987 году Марио Ливерани из Римского университета назвал вероятной причиной катастрофы чрезмерную концентрацию власти и полномочий во дворцах: когда эти дворцы пали, случившееся приобрело масштабы стихийного бедствия. По мнению Ливерани, «сосредоточение во дворце всех функций организации, трансформации, обмена и т. д. — концентрация, которая, как кажется, достигла своего максимума в позднем бронзовом веке, — оказало в итоге глобальное влияние, превратив физическую гибель дворца в катастрофу для всего царства»^[523]. Иными словами, если прибегнуть к современной терминологии, правителям бронзового века в Эгейском бассейне и на Ближнем Востоке следовало диверсифицировать свои «пакеты акций», но они этого не сделали.

Два десятилетия спустя Кристофер Монро процитировал выводы Ливерани и предположил, что экономика позднего бронзового века утратила стабильность вследствие возрастающей зависимости от бронзы и других «престижных» товаров.

В частности, «капиталистическое предпринимательство» (к которому Монро относил торговлю на дальних расстояниях и которое доминировало в дворцовой системе позднего бронзового века) преобразовало традиционные для бронзового века формы обмена, производства и потребления до такой степени, что, когда внешние вторжения и природные катастрофы объединились в эффекте умноженного воздействия, система не смогла с ними справиться^[524].

Рассуждая о ситуации в конце позднего бронзового века в своей работе «Весы судьбы», Монро описывает взаимодействие различных сил в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье как «деятельность междоусобиц», что согласуется с картиной, нарисованной на страницах этой книги. Он указывает, как и я, на то, что данный период являлся «исключительным по количеству договоров, законов, дипломатических контактов и обменов, которые породили первую крупную международную эру в мировой истории»^[525].

Однако, и это самое интересное, Монро далее отмечает, что подобные сети способны предотвращать (отодвигать) неизбежный крах, который ожидает любое человеческое общество. По его словам, «восстания подавляются, сырье находится, новые рынки открываются, цены контролируются, собственность купцов конфискуется, эмбарго вводятся — и начинаются войны»^[526]. Монро также замечает, впрочем, что «обычно правители ведущей державы или держав стремятся бороться с симптомами, а не с причинами нестабильности», и делает вывод: «насильственное разрушение дворцовой цивилизации позднего бронзового века, если опираться на текстуальные и археологические сведения, было, подобно многим другим крахам, естественным результатом дурного прогнозирования»^[527].

В целом я согласен с точкой зрения Монро, но в последнем выводе мы с ним расходимся: не думаю, что коллапс следует приписывать исключительно «дурному прогнозированию» с учетом множества потенциальных факторов, описанных выше; вряд ли древние вожди могли их надлежащим образом оценить. Внезапный

системный коллапс, вполне возможно, был вызван изменением климата, как предположили недавно Брэндон Дрейк и группа ученых во главе с Давидом Каньевски^[528]. Либо сказались землетрясения и вторжения. Но слова Монро могут послужить своего рода предостережением нам сегодняшним, ведь его описание позднего бронзового века, особенно с точки зрения экономики и взаимодействий, полностью применимо к нынешнему глобализированному обществу, которое также испытывает воздействие изменений климата.

Обзор теории комплексности

Как уже отмечалось в начале этой главы, так называемый «бронзовый коллапс», или катастрофа конца позднего бронзового века, широко обсуждалась и обсуждается в ученом мире. Роберт Дрюс попытался подойти к проблеме комплексно, посвятил каждую главу своей книги 1993 года обсуждению различных потенциальных причин. Не исключено, что некоторым факторам он придал чрезмерное значение, а другие недооценил; например, он попросту отмахнулся от гипотезы системного коллапса, зато упорно отстаивал собственную теорию гибели цивилизации в результате развития военного дела (с этой теорией согласны, мягко говоря, далеко не все исследователи)^[529].

Сегодня, через двадцать лет после выхода работы Дрюса и после бескончаемых дискуссий и потока академических публикаций по данной теме, по-прежнему нет и намека на консенсус относительно того, какова была причина разрушения поселений на территории основных держав цивилизации позднего бронзового века. Проблему можно сжато резюмировать следующим образом.

Основные соображения

1. Налицо ряд отдельных культур, процветавших в пятнадцатом-тринадцатом столетиях до нашей эры в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье: микенцы, минойцы, хетты, египтяне, вавилоняне, ассирийцы, хананеи и киприоты — все они были независимыми, но последовательно взаимодействовали друг с другом, особенно в рамках международных торговых путей.

2. Очевидно, что многие города были разрушены и культуры позднего бронзового века, какими их знали люди Эгейского бассейна, Восточного Средиземноморья, Египта и Ближнего Востока, погибли около 1177 года до нашей эры или вскоре после того.

3. Не предложено (и не найдено) ни одного неоспоримого доказательства, позволяющего установить виновников и причину этой катастрофы, в результате которой цивилизация пала в конце позднего бронзового века.

Обсуждение возможностей

Существует множество причин, которые могли привести или способствовали катастрофе конца позднего бронзового века, но ни одна из них, как представляется, не могла вызвать этот крах сама по себе.

А. Очевидно, что в этот период происходили землетрясения, но, как правило, города и поселения отстраивались заново.

Б. Есть задокументированные свидетельства голода, а также археологические доказательства засухи и изменения климата в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье, но опять-таки общество обычно справлялось с подобными бедствиями.

В. Имеются косвенные свидетельства внутренних восстаний в Греции и в других местах, в том числе в Леванте, но прямые подтверждения этому не найдены. Как правило, общество сравнительно быстро оправлялось от таких бунтов. Кроме того, сложно представить (несмотря на современный опыт Ближнего Востока), чтобы восстания произошли на столь обширной территории и занимали столь длительный период времени.

Г. Есть археологические доказательства иноземного вторжения — во всяком случае, прибытия переселенцев из Эгейского бассейна, западной Анатолии, с Кипра (или отовсюду разом) в Леванте, от Угарита на севере до Лахиша на юге. Некоторые местные города были разрушены, а затем заброшены; другие оказались оккупированными, а третьи и вовсе не пострадали.

Д. Ясно, что международное торговое сообщение ослабело (если не полностью прекратилось) в указанный период, но в какой степени это могло бы повлиять на различные культуры, не совсем понятно — даже при условии того, что некоторые из них целиком зависели от иноземных товаров, как было в Микенах.

Верно, что порой общество не в состоянии справиться с вторжением или землетрясением, не способно пережить засуху или восстание, однако на данный момент, за неимением лучшего объяснения, все выглядит так, будто логичнее всего предположить, что в нашем случае сказались все эти факторы одновременно, итогом чего

и стал крах доминирующих царств и обществ позднего бронзового века. На основании доказательств, имеющихся сегодня, мы вправе рассуждать о системном коллапсе, спровоцированном серией событий, объединенных друг с другом благодаря эффекту умноженного воздействия — когда один фактор влияет на все остальные, тем самым усугубляя следствия каждого. Возможно, люди позднего бронзового века могли бы пережить одну катастрофу, наподобие землетрясения или засухи, но не сумели справиться с совокупностью бед — землетрясений, засухи и иноземного вторжения (ведь одна беда приходила на смену другой очень быстро). А далее сработал эффект домино, из-за которого гибель одной культуры обернулась падением прочих. Учитывая глобализованный характер тогдашнего мира, крах даже одного общества для международного торгового сообщения и экономики уже был достаточно разрушительным для того, чтобы вызвать гибель других. Если так все и было, остается лишь оплакать их участь.

Тем не менее, вопреки моим рассуждениям выше, системный коллапс может оказаться и чрезмерно упрощенным объяснением как глобальная причина завершения позднего бронзового века в Эгейском бассейне, Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке^[530]. Вполне возможно, что понадобится привлечь так называемую комплексную науку, корректнее, теорию комплексности, дабы составить наивозможно ясное представление о крахе этой цивилизации.

Теория комплексности есть изучение комплексной системы (или набора систем) с целью объяснения «феноменов, возникающих из совокупности взаимодействия объектов». Эту теорию применяют в попытках объяснить — и порой успешно разрешить — столь разнообразные проблемы, как дорожные заторы, скачки фондового рынка, лечение болезней вроде рака, изменения климата и даже войны, о чем недавно писал Нил Джонсон из Оксфордского университета^[531]. За последние несколько десятилетий эта теория, детище математики и компьютерных наук, проторила путь в международные отношения, бизнес и другие сферы, однако к ней почти не обращались в сфере археологии. Любопытно, что Кэрол Белл кратко затронула (возможно, пророчески) эту тему в своей работе 2006 года, посвященной эволюции и изменениям торгового сообщения в Леванте с конца

позднего бронзового века до железного века. По мнению Белл, данная теория выглядит перспективным подходом, который может быть полезен как объяснительная модель причин упадка ближневосточной цивилизации^[532].

Как пишет Джонсон, для того чтобы какая-либо проблема могла сделаться потенциальным кандидатом для применения комплексности, она должна подразумевать наличие системы, «содержащей совокупность многих взаимодействующих объектов, или агентов»^[533]. В нашем случае «агентами» выступают отдельные культуры, существовавшие в регионе в позднем бронзовом веке: микенцы, минойцы, хетты, египтяне, хананеи, киприоты и так далее. Согласно теории комплексности, поведение этих объектов подвержено воздействию воспоминаний и «обратной связи» на основании событий, случившихся в прошлом. Они способны адаптировать свои стратегии частично на основании знаний о предыдущей истории. Автомобилисты, например, в целом обычно знакомы с параметрами дорожного движения в местах проживания и потому могут на основе этого опыта составить наиболее быстрый маршрут движения до работы или домой. Если возникает затор или «пробка», они сворачивают на альтернативный маршрут, чтобы избежать затруднений^[534]. Аналогичным образом в конце позднего бронзового века купцы-мореходы из Угарита или других поселений, возможно, принимали соответствующие меры, чтобы избежать встреч с вражескими кораблями и попадания в области, где действовали такие корабли и вообще бесчинствовали мародеры; в том числе это касалось побережья земли Лукка (то есть поздней Ликии в юго-западной Анатолии).

Джонсон также указывает, что система обычно «жива», подразумевая, что она развивается нетривиальным, зачастую весьма сложным образом, а также «открыта», то есть доступна для внешнего влияния со стороны окружения. По словам Джонсона, это означает, что нынешние фондовые рынки, о которых аналитики в профессиональных беседах говорят так, будто это живые, дышащие организмы, могут реагировать и откликаться на внешние поводы (новости о доходах конкретной компании или о событиях на другой стороне земного шара). Точно так же Шерратт — в своем сравнении, опубликованном десять лет назад и процитированном выше, —

описывает сходства между миром позднего бронзового века и нашими собственными «все более и более однородными, но неконтролируемыми мировыми экономикой и культурой, где... политическая неопределенность на одной стороне мира может радикально повлиять на экономику регионов, отделенных тысячами миль»^[535]. Подобные влияния (или факторы стресса) в «системе» Эгейского бассейна и Восточного Средиземноморья конца позднего бронзового века видятся вполне вероятными, возможными и мыслимыми — землетрясения, голод, засуха, изменения климата, внутренние восстания, внешние вторжения и разрыв торговых связей, как излагалось ранее.

Наиболее важное условие, как представляется, заключается в словах Джонсона о том, что система демонстрирует явления, каковые «как правило, вызывают удивление и могут доходить до крайности». Он уточняет, что это «в основном означает следующее: случиться может все, что угодно, и если подождать достаточно долго, случится обязательно». В его примере все фондовые рынки рано или поздно приходят к краху, а все дорожные системы рано или поздно закупориваются «пробками». Данные события обычно возникают непредвиденно, и нет возможности предсказывать их заранее, даже если хорошо известно, что они могут произойти и непременно произойдут^[536].

В нашем случае, поскольку в мировой истории нет и никогда не было цивилизации, избежавшей упадка, и поскольку причины этого упадка зачастую одни и те же (как показали Джаред Даймонд и множество других исследователей), итоговый коллапс цивилизации позднего бронзового века был предсказуемым, но вряд ли мы смогли бы спрогнозировать, когда он случится, или определить, что все культуры погибнут одновременно, даже обладая полным «операционным» знанием о каждой культуре. Как пишет Джонсон, «детальное знакомство со спецификациями автомобильного двигателя, с цветом и форм-фактором машины, бесполезны для попыток предсказать, где и когда возникнет очередной затор в системе дорожного движения. Точно так же знакомство с посетителями в переполненном баре мало чем может помочь в прогнозировании крупномасштабной потасовки»^[537].

Итак, какую пользу может принести применение теории комплексности для выяснения причин краха цивилизации в конце позднего бронзового века, если она не в состоянии предсказать, когда именно этот крах произойдет и почему? Кэрол Белл отмечала, что торговые сети Эгейского бассейна и Восточного Средиземноморья являются примерами комплексных систем, и цитировала работу Кена Дарка из университета Рединга, который писал, что «по мере дальнейшего усложнения таких систем и по мере усиления взаимозависимости их конституирующих элементов поддержание общей стабильности системы становится все более затруднительным»^[538]. Возникает явление, известное как «гиперкогерентность», добавляет Дарк, когда «каждый элемент системы становится настолько зависимым от остальных, что изменение в любой части ведет к нестабильности системы в целом»^[539]. Если цивилизация позднего бронзового века и вправду была глобализированной, а ее культуры зависели друг от друга в поставках товаров и услуг, пусть даже до определенной степени, то перемены в любом из государств, будь то Микены или Хеттское царство, сулили потенциальную дестабилизацию мира в целом.

Кроме того, необходимо отметить, что царства, империи и общества позднего бронзового века в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье можно и нужно рассматривать как отдельные социально-политические системы. Как пишет Дарк, подобные «комплексные социально-политические системы демонстрируют внутреннюю динамику, которая побуждает их наращивать сложность... А чем сложнее система, тем вероятнее, что она рухнет»^[540].

В конце бронзового века в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье имелись отдельные социально-политические системы, отдельные культуры, которые постоянно усложнялись и тем самым, по-видимому, становились все «более склонными» к коллапсу. В то же время там существовали комплексные системы (торговые сети), которые были взаимозависимы и подвержены влияниям, то есть «открыты для нестабильности» при изменениях любого конституирующего элемента. Один неисправный или запоздавший с приходом корабль мог разрушить вроде бы отлаженную систему, как

один выпавший винт способен привести в негодность двигатель современного автомобиля.

Поэтому, вместо того чтобы рисовать апокалиптическую картину гибели цивилизации — хотя, возможно, некоторые города и царства, как в Угарите, и вправду ожидала гибель в огне, — нам следует представлять себе завершение позднего бронзового века как хаотический и постепенный упадок областей и поселений, которые когда-то занимали ведущие позиции и под держивали контакты друг с другом, но затем уменьшились и обособились, как Микены, вследствие внутренних и/или внешних изменений, которые затронули один или несколько ключевых элементов сложной системы. Понятно, что подобная ситуация могла привести к разрушению системы как таковой. Можно вообразить себе современную энергосистему, которая пострадала от бури или землетрясения: компания электроснабжения по-прежнему способна производить энергию, но не может доставлять ее индивидуальным потребителям; мы наблюдаем такое ежегодно в Соединенных Штатах Америки, причем причина может быть какой угодно, от торнадо в штате Оклахома до метелей в штате Массачусетс.

Если нарушение носит постоянный характер, что логично в случае крупной катастрофы, наподобие ядерного взрыва, постепенно остановится и само производство электроэнергии. Данный пример вполне годится и для позднего бронзового века, пусть уровни технологического развития несопоставимы.

Кроме того, как отмечала Белл, вследствие такой нестабильности коллапс комплексной системы «вызывает распад на более мелкие сущности», и именно это было свойственно железному веку, который наступил за крахом цивилизации бронзового века^[541]. Если коротко, кажется, что применение теории комплексности позволило нам свести воедино теорию катастроф и гипотезу системного коллапса и дать, как представляется, наиболее обоснованное на сегодняшний день объяснение катастрофы позднего бронзового века в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье после 1200 года до нашей эры. Важно не то, кто виноват и какое именно событие спровоцировало крах, — тут неисчислимо множество ответов, — а то, почему это, собственно, случилось и каким образом. Можно ли было избежать катастрофы — вопрос отдельный.

Тем не менее, предлагая теорию комплексности для анализа причин коллапса общества в позднем бронзовом веке, не следует забывать, что мы просто, быть может, прилагаем научный (или даже псевдонаучный) термин к ситуации, для которой у нас недостаточно достоверных сведений для надежных выводов. Насколько эта теория на самом деле расширяет наше понимание эпохи? Может, это лишь глубокомысленная маскировка того очевидного факта, что сложные вещи могут ломаться как угодно?

Не приходится сомневаться в том, что коллапс цивилизации в позднем бронзовом веке был комплексным по своему генезису. Мы знаем, что множество возможных переменных сыграло определенную роль и способствовало этому коллапсу, но не уверены, что нам в точности известны все эти переменные; и мы, безусловно, не знаем, какие из них были критически важными, а какие имели локальное значение, но были маловажными для системы в целом. Продолжая уже использованную аналогию с современной дорожной «пробкой»: мы знаем большинство переменных для заторов движения, знаем кое-что о количестве автомобилей и о состоянии дорог, по которым автомобили движутся (широкие они или узкие), а также способны предсказывать, в немалой степени, влияние внешних переменных, например метели или урагана. Но в позднем бронзовом веке — подозреваю, однако не уверен до конца — существовало на сотни переменных больше, чем в современной системе дорожного движения.

Утверждение о том, что цивилизации бронзового века наращивали свою сложность и потому становились все более уязвимыми для коллапса, не выглядит по большому счету осмысленным, особенно если принять во внимание «сложности» той поры и сравнить их с опытом западноевропейской цивилизации за последние триста лет. Посему теория комплексности, вполне возможно, является полезным подходом к объяснению коллапса позднего бронзового века при условии, что мы располагаем обилием информации обо всех культурах этой цивилизации; сегодня же от нее пользы немного, это разве что любопытный способ заново сформулировать наше понимание того, что в конце позднего бронзового века имелась уйма факторов, которые могли дестабилизировать и в конечном счете погубили международную систему, исправно функционировавшую на различных уровнях на протяжении ряда предыдущих столетий.

Тем не менее в научных публикациях по-прежнему предлагается линейная последовательность событий для коллапса позднего бронзового века, хотя попросту некорректно заявлять, что засуха вызвала голод, который побудил «народы моря» покинуть обжитые места и учинить хаос, каковой обернулся «бронзовым коллапсом»^[542]. Линейности не было и в помине; все было куда сложнее. Вероятно, у событий не имелось некой единой движущей силы или триггера; сказался целый ряд факторов стресса, каждый из которых заставлял людей реагировать различными способами в попытках приспособиться к ситуационным изменениям. Теория комплексности, особенно с точки зрения визуализации нелинейной последовательности и воздействия ряда факторов стресса, а не единого триггера, поэтому кажется предпочтительной — и для объяснения коллапса конца позднего бронзового века, и для задания рамок на перспективу для продолжения изучения этой катастрофы.

Эпилог

Последствия

Мы видели, что на протяжении более трехсот лет в позднем бронзовом веке — приблизительно с правления царицы Хатшепсут, начавшегося около 1500 года до нашей эры, и до того момента, когда все рухнуло после 1200 года до нашей эры, — Средиземноморский регион объединял комплексный интернациональный мир, в котором минойцы, микенцы, хетты, ассирийцы, вавилоняне, митаннийцы, хананеи, киприоты и египтяне взаимодействовали, создавая космополитическую глобализированную цивилизацию, подобной которой практически не наблюдалось до сегодняшнего дня. Вполне возможно, что именно этот интернационализм способствовал апокалиптической катастрофе, которая завершила бронзовый век. Как представляется, культуры Ближнего Востока, Египта и Греции были настолько переплетены и взаимозависимы к 1177 году до нашей эры, что падение одной из них в конечном счете погубило остальные, и прежде процветавшие культуры одна за другой пали под натиском то ли человека, то ли природы, то ли обоих, как говорится, в «смертельной дозе».

Тем не менее, даже с учетом всего, сказанного выше, мы должны признать нашу неспособность точно установить истинную причину (или совокупность причин) гибели цивилизации и перехода от конца позднего бронзового века к веку железному в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье — или даже окончательно определить происхождение и мотивацию «народов моря». Однако, если свести воедино все те цепочки доказательств, которые были представлены на страницах данной книги, все-таки появляется кое-что относительно определенное, от чего можно отталкиваться в дальнейшем.

Например, есть достаточно веские доказательства того, что разрозненные международные контакты и, возможно, торговля продолжались вплоть до внезапного окончания эпохи, а, быть может, и впоследствии (если недавние исследования могут служить ориентиром)^[543]. Это следует, к примеру, из последних писем в угаритских «архивах», документирующих контакты с Кипром, Египтом, хеттами и Эгейским бассейном, а также из даров,

отправленных египетским фараоном Мернептахом царю Угарита всего за несколько десятилетий, в лучшем случае до уничтожения города. Не найдено никаких «зримых» доказательств сокращения объемов торговли — разве что признаки кратковременных колебаний в частоте контактов — в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье до начала «годины бед».

Но затем мир, каким тогдашние люди его знали на протяжении трех столетий, внезапно рухнул и, по сути, сгинул. Как мы уже видели, окончание позднего бронзового века в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье, то есть в регионе, который простирается от Италии и Греции до Египта и Месопотамии, не было одномоментным, растянулось на нескольких десятилетиях (быть может, даже на целую сотню лет), и его нельзя привязать к какому-то конкретному году. Впрочем, восьмой год правления египетского фараона Рамсеса III — 1177 год до нашей эры, если следовать хронологии, в настоящее время принимаемой большинством современных египтологов, — все равно стоит особняком и является, так сказать, олицетворением «бронзового коллапса». Именно в том году, по египетским текстам, «народы моря» прибыли в регион и принялись сеять повсюду хаос во второй раз. В тот год состоялись крупные сухопутные и морские сражения в дельте Нила; в тот год Египет боролся за выживание; в тот год, к которому некоторые прежде гордые и могучие культуры бронзового века уже прекратили свое существование.

На самом деле можно было бы сказать, что год 1177-й до нашей эры знаменует окончание позднего бронзового века, как год 476-й знаменует финал истории Древнего Рима и Западной Римской империи^[544]. Фактически это даты, которыми оперируют современные ученые для обозначения конца значимой исторической эпохи. Вторжения в Италию случались и ранее, Рим грабили неоднократно в пятом столетии нашей эры, включая Алариха с его вестготами (410) и Гейзериха с его вандалами (455). Выявлено также множество других причин падения Рима помимо нападений извне, и ясно, что история Вечного города весьма сложная и запутанная, что подтвердит любой исследователь этой культуры. Тем не менее из соображений удобства в академической историографии считается приемлемым связать переворот Одоакра и остготов в 476 году с завершением «дней славы» Рима.

Окончание позднего бронзового века и переход к веку железному — похожий случай, поскольку сам коллапс и переход были растянуты во времени и продолжались приблизительно с 1225 по 1175 год до нашей эры, а в некоторых местах — вплоть до 1130 года до нашей эры. При этом дата второго вторжения «народов моря», кульминацией которого стало их катастрофическое поражение от египтян и Рамсеса III на восьмом году его царствования, в 1177 году до нашей эры, признается, как сказано выше, «конвенциональным ориентиром» и позволяет «внедрить» условно-точную цифру в довольно смутное описание ключевого момента эпохи. Мы можем с уверенностью утверждать, что крепкие культуры, ранее процветавшие в Эгейском бассейне и на древнем Ближнем Востоке в 1225 году до нашей эры, начали исчезать к 1177 году до нашей эры и почти полностью исчезли к 1130 году до нашей эры. «Мощные царства» бронзового века мало-помалу сменились мелкими городами-государствами, основной государственной единицей раннего железного века. В итоге картина Средиземноморского и Ближневосточного регионов на 1200 год до нашей эры сильно отличается от картины 1100 года до нашей эры — и уже совсем иная в 1000 году до нашей эры.

У нас есть надежные доказательства того, что потребовались десятилетия и даже столетия (в некоторых районах), чтобы люди воссоздали уничтоженные коллапсом общества и восстановили тот образ жизни, который позволил рассеять тьму, куда вверг цивилизацию «бронзовый коллапс». Джек Дэвис из университета Цинциннати отмечает, например, что «разрушение дворца Нестора около 1180 года до нашей эры было настолько глобальным, что ни дворец, ни само поселение впоследствии до конца не восстановили... Район микенского города Пилос оставался в целом практически незаселенным почти тысячу лет»^[545]. Йозеф Маран из Гейдельбергского университета добавляет, что, хотя мы не знаем, насколько единомоментным было окончательное разрушение в Греции, ясно, что по завершении «годины бедствий» не осталось «и следа дворцов, письменность была забыта, равно как и всякие административные структуры, а представление о верховном правителе, ванаксе, напрочь исчезло из политической теории Древней Греции»^[546]. Что касается грамотности и письменности, то же самое можно сказать об Угарите и других поселениях Восточного

Средиземноморья, процветавших в позднем бронзовом веке: с их гибелью завершилась и эпоха клинописи в Леванте, этот алфавит вытеснили иные, возможно, более простые или удобные, системы письма^[547].

Помимо археологических артефактов имеются расшифрованные тексты, содержащие достоверные сведения о взаимосвязанности и глобализации региона в тот период и особенно важные для понимания отношений между персонами, называемыми в посланиях по именам. Особую ценность представляют: архив писем в Амарне (Египте), где присутствует корреспонденция времен фараонов Аменхотепа III и Эхнатона, середина четырнадцатого столетия до нашей эры; архивы Угарита (северная Сирия), датируемые концом тринадцатого и началом двенадцатого столетий до нашей эры; архивы Хаттусы (Анатолия), датируемые промежутком с четырнадцатого по двенадцатое столетие до нашей эры. Письма из этих архивов однозначно доказывают тот факт, что многочисленные «сети контактов» существовали в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье в позднем бронзовом веке, в том числе сети дипломатические, коммерческие, транспортные и прочие, и все они были необходимы для надлежащего функционирования глобализированной экономики того времени. Разрыв этих связей (или даже частичный их демонтаж) имел катастрофические последствия точно так же, как это было бы и сегодня.

Однако, как и в случае с падением Западной Римской империи, гибель империй позднего бронзового века в Восточном Средиземноморье не стала следствием конкретного вторжения или иного события; ее спровоцировали многочисленные вторжения и разнообразные прочие причины. Многие из тех захватчиков, которые причастны к вторжению 1177 года до нашей эры, принимали участие в набегах времен правления фараона Мернептаха тридцатью годами ранее. Землетрясения, засухи и иные стихийные бедствия опустошали Эгейский бассейн и Восточное Средиземноморье на протяжении многих десятилетий. Посему попросту невозможно представить себе некий единичный инцидент, который вызвал крах цивилизации бронзового века; скорее, этот крах явился следствием комплексного ряда событий, эхо которых прогремело по взаимозависимым царствам

и империям Эгейского бассейна и Восточного Средиземноморья и в конечном счете привело к системному коллапсу.

Сокращение численности населения и разрушение дворцов и прочих зданий усугублялось, как кажется, разрывом отношений — или по крайней мере значительным ослаблением контактов между государствами региона. Даже если не все поселения погибли и были заброшены одновременно, к середине двенадцатого столетия до нашей эры они утратили прежнюю взаимосвязь и «глобализованность», столь характерную прежде всего для четырнадцатого и тринадцатого столетий до нашей эры. Марк Ван де Миероп из Колумбийского университета пишет, что элиты лишились международного и дипломатического контекста, когда перестали поступать иноземные товары и идеи^[548]. Теперь пришлось начинать все заново.

Когда новый мир возник на обломках бронзового века, действительно настал новый век, суливший в том числе новые возможности для развития, особенно вследствие исчезновения хеттов и упадка египтян, которые, твердо правя собственными землями, контролировали вдобавок значительный кусок территории Сирии и Ханаана на протяжении большей части позднего бронзового века^[549]. Хотя в этих областях, безусловно, имелаась некая преемственность, в первую очередь у ассирийцев в Месопотамии, в целом пришла пора новых держав и новых культур — включая сюда и «наследников» хеттов в юго-восточной Анатолии, на севере Сирии и далее на восток; на прежних землях Ханаана селились финикийцы, филистимляне и израильтяне, а эллины последовательно строили геометрическую^[550], архаическую и затем классическую Грецию. Из пепла старого мира возродились алфавит и другие изобретения, не говоря уже о резком увеличении использования железа, из-за чего новая эпоха и была названа железным веком. Перед нами цикл, который мир наблюдает снова и снова, цикл, который многие считают неумолимым процессом: за взлетом и падением империй следует появление новых империй, которые в итоге сами гибнут и уступают место еще более новым империям, в повторяющейся каденции рождения, роста и развития, упадка и разрушения — и возрождения в новой форме.

Одним из наиболее интересных и плодотворных полей современного изучения Древнего мира является исследование последствий цивилизационного коллапса, «мир за пределами

коллапса», но это тема для другой книги^[551]. Примером такого исследования может служить работа Уильяма Девера, почетного профессора университета штата Аризона и сотрудника кафедры ближневосточной археологии в колледже Лайкаминг; он пишет об интересующем нас периоде в регионе Ханаана: «Пожалуй, самый важный вывод, который можно сделать о «темных веках»... состоит в том, что ничего подобного попросту не было. Постепенно освещаемый благодаря археологическим находкам и исследованиям, [этот период] видится, скорее, катализатором новой эпохи — эпохи, которая складывалась на обломках ханаанской цивилизации и которая оставила современному западному миру богатейшее культурное наследие, каковым мы до сих пор пользуемся, особенно через финикийцев и израильтян»^[552].

А Кристофер Монро справедливо заметил, что «все цивилизации рано или поздно переживают радикальное переосмысление материальных и идеологических реалий, находящее выражение в уничтожении и воссоздании»^[553]. Мы наблюдаем его правоту в постоянном возвышении и падении империй с течением времени, будь то Аккад, Ассирия, Вавилония, Хеттское царство, Персия, Македония, Рим, монголы, турки-османы или кто-либо еще. Не стоит считать нынешний мир неуязвимым, ибо на самом деле мы гораздо более восприимчивы к логике исторического процесса, чем нам могло бы понравиться. Крах 2008 года на Уолл-стрит в Соединенных Штатах, разумеется, выглядит бледной тенью по сравнению гибелью цивилизации позднего бронзового века в Средиземноморском регионе, однако ведь звучали голоса тех, кто предупреждал, что нечто подобное может случиться, если не «приструнить» банковские институты с их глобальными притязаниями. Например, «Вашингтон пост» цитирует Роберта Б. Зеллика, тогдашнего президента Всемирного банка, который заявил, что «глобальная финансовая система, возможно, достигла «критической точки»; последнюю он определил как «момент, когда кризис стремительно перерастает в полномасштабный обвал и правительству становится чрезвычайно трудно с ним справиться»^[554]. В комплексной системе наподобие нашего нынешнего мира этого может оказаться вполне достаточно, чтобы система дестабилизировалась — и приблизилась к общему коллапсу.

Что, если?

Поздний бронзовый век по праву признается одним из «золотых веков» в истории человечества; это период, в который успешно развивалась мировая «предглобальная» экономика. Посему стоит задаться вопросом: могла бы история мира пойти по-иному, если бы цивилизация в Эгейском бассейне и Восточном Средиземноморье не погибла? Что, если череды землетрясений в Греции и Восточном Средиземноморье не произошло? Что, если не было засухи, голода, мигрантов или завоевателей? Все равно бы поздний бронзовый век завершился рано или поздно, согласно «природному закону», по которому, кажется, живут и умирают цивилизации? Случились бы или нет последующие события или все было бы иначе? Продолжился бы прогресс? Состоялись бы открытия в сфере технологий, политики и культуры столетиями раньше, чем произошло на самом деле?

Конечно, это риторические вопросы, причем такие, на которые невозможно дать ответ, поскольку цивилизация бронзового века уже погибла и новая эпоха началась, что называется, с чистого листа в том регионе, от Греции до Леванта. В результате появились новые народы и/или новые общности в городах-государствах — израильтяне, арамейцы и финикийцы в Восточном Средиземноморье, позже афиняне и спартанцы в Греции. Именно они изобрели в конечном счете новые концепции и сформировали культурный канон: это и алфавит, и монотеистическая религия, и та же демократия. Порой необходим крупный лесной пожар, чтобы восстановить экосистему старого леса и позволить ей заново зажить полной жизнью.

Действующие лица

(в алфавитном порядке)

Хронология египетских царствований следует наиболее общей датировке, о которой см., например, работы Китчена (1982) и Клейтона (1994). Нижеследующий список включает в себя не все имена, упоминаемые в тексте, но только имена значимых правителей и представителей их окружения.

Ададнирари I: царь Ассирии; правил в 1307–1275 годах до нашей эры. Завоевал царство Митанни.

Аменхотеп III: фараон Восемнадцатой династии; правил в 1391–1353 годах до нашей эры. Обширная переписка Аменхотепа с другими правителями хранится в «архиве Амарны»; установил торговые связи с Месопотамией и Эгейским бассейном.

Аммистамру I: царь Угарита; правил ок. 1360 года до нашей эры. Переписывался с египетскими фараонами.

Аммистамру II: царь Угарита; правил в 1260–1235 годах до нашей эры. В его правление Синану отправил свой корабль из Угарита на Крит.

Аммурапи: последний царь Угарита; правил ок. 1215–1190/85 годов до нашей эры.

Анхесенамон: египетская царица Восемнадцатой династии; ок. 1330 года до нашей эры. Дочь Эхнатона и жена Тутанхамона.

Апопи: царь из гиксосов; правил в Египте ок. 1574 года до нашей эры (Пятнадцатая династия). Поссорился с египетским фараоном Секененра, который правил другой частью страны.

Ашшурубалит I: царь Ассирии; правил в 1363–1328 годах до нашей эры. Переписывался с фараонами Амарны, был крупным игроком в мире реальной политики.

Бурна-Буриаш II: касситский царь Вавилонии; правил в 1359–1333 годах до нашей эры. Переписывался с фараонами Амарны.

Зимри-Лим: царь Мари (местность в современной Сирии); правил в 1776–1758 годах до нашей эры. Современник вавилонянина

Хаммурапи и автор нескольких «посланий из Мари», которые дают представление о жизни в Месопотамии в восемнадцатом столетии до нашей эры.

Идадда: царь Катны; предположительно, потерпел поражение от Хануттиса, главнокомандующего армией хеттов при Суппилулиумасе I, ок. 1340 года до нашей эры.

Кадашман-Энлиль I: касситский царь Вавилонии; правил ок. 1374–1360 годов до нашей эры. Переписывался с фараонами Амарны, выдал дочь за египетского фараона Аменхотепа III.

Камос: фараон; последний царь Семнадцатой династии; правил в 1573–1570 годах до нашей эры. Вместе со своим братом Яхмосом изгнал гиксосов из Египта.

Каштилиашу IV: касситский царь Вавилонии; правил ок. 1232–1225 годов до нашей эры. Был побежден Тукульти-Нинуртой I Ассирийским.

Куккули: царь Ассува в северо-западной Анатолии; правил ок. 1430 года до нашей эры. Начал восстание против хеттов.

Куригальзу I: касситский царь Вавилонии; правил ок. 1400–1375 годов до нашей эры. Переписывался с фараонами Амарны, выдал дочь за египетского фараона Аменхотепа III.

Куригальзу II: касситский царь Вавилонии; правил ок. 1332–1308 годов до нашей эры. Марионетка, посажен на трон Ашшурубалитом I Ассирийским.

Кушмешуша: царь Кипра; правил в начале двенадцатого столетия до нашей эры; письмо этого царя найдено в «доме Уртену» в Угарите.

Манефон: египетский жрец, жил и писал в эллинистический период, в третьем веке до нашей эры.

Мернептах: фараон Девятнадцатой династии; правил в 1212–1202 годах до нашей эры. Известен своей стелой, где упоминается Израиль, и сражением с первой волной «народов моря».

Муватталис II: царь хеттов; правил в 1295–1272 годах до нашей эры. Сражался против египетского фараона Рамсеса II в битве при Кадеше.

Мурсилис I: царь хеттов; правил в 1620–1590 годах до нашей эры. Разрушил Вавилон в 1595 году до нашей эры, покончив с династией Хаммурапи.

Мурсилис II: царь хеттов; правил в 1321–1295 годах до нашей эры. Сын Суппилиумаса I, автор «Молитвы во время чумы» и других исторически значимых сочинений.

Нефертити: египетская царица Восемнадцатой династии; правила ок. 1350 года до нашей эры. Жена Эхнатона, фараона-еретика; возможно, его «серый кардинал».

Никмадду I: царь Угарита; правил ок. 1350–1315 годов до нашей эры. Переписывался с египетскими фараонами Амарнского периода.

Никмадцу III: предпоследний царь Угарита; правил ок. 1225–1215 годов до нашей эры.

Никмепа: царь Угарита; правил ок. 1313–1260 годов до нашей эры. Сын Никмадду II и отец Аммистамру II.

Рамсес II: фараон Девятнадцатой династии; правил в 1279–1212 годах до нашей эры. Противник хеттского царя Муваталлиса II в битве при Кадеше, позднее подписал мирный договор с Хаттусилисом III.

Рамсес III: фараон Двдцатой династии; правил в 1184–1153 годах до нашей эры. Сражался со второй волной «народов моря»; убит в результате гаремного заговора.

Сауссадаттар: царь Митанни; правил ок. 1430 года до нашей эры. Расширил границы царства, напал на ассирийцев и, возможно, воевал с хеттами.

Секененра: фараон Семнадцатой династии; правил ок. 1574 года до нашей эры. Вероятно, погиб в бою — череп мумии проломлен.

Синарану: торговец из Угарита; ок. 1260 года до нашей эры. Отправил корабль (корабли) на минойской Крит; получил освобождение от налогов.

Суппилиумас I: царь хеттов; правил ок. 1350–1322 годов до нашей эры. Завоеватель, покорил большую часть Анатолии и северной Сирии. Переписывался с египетской царицей, которая просила себе в мужа одного из его сыновей.

Суппилиумас II: последний царь хеттов; правил ок. 1207 года до нашей эры и далее. Провел несколько морских сражений и вторгся на Кипр.

Тархундараду: царь Арцавы в юго-западной Анатолии; правил ок. 1360 года до нашей эры. Переписывался с фараонами Амарны, выдал дочь за египетского фараона Аменхотепа III.

Таусерт: египетская царица, последняя правительница Девятнадцатой династии; вдова фараона Сети II; считается, что она правила в 1187–1185 годах до нашей эры.

Тия (Тейе): египетская царица Восемнадцатой династии; правила ок. 1375 года до нашей эры. Жена Аменхотепа III и мать Эхнатона.

Тудхалияс I/II: царь хеттов; правил ок. 1430 года до нашей эры. Подавил восстание Ассува, оставил микенский меч в Хаттусе.

Тудхалияс IV: царь хеттов; правил в 1237–1209 годах до нашей эры. Построил святилище в Язылыкае, недалеко от Хаттусе.

Тукульти-Нинурта I: царь Ассирии; правил в 1243–1207 годах до нашей эры.

Тутанхамон: фараон Восемнадцатой династии; правил в 1336–1327 годах до нашей эры. «Царь-мальчик», умер молодым, его гробница изобилует поистине сказочным богатством.

Тутмос I: фараон Восемнадцатой династии; правил в 1524–1518 годах до нашей эры. Отец Хатшепсут и Тутмоса II.

Тутмос II: фараон Восемнадцатой династии; правил в 1518–1504 годах до нашей эры. Сводный брат и муж Хатшепсут, отец Тутмоса III.

Тутмос III: фараон Восемнадцатой династии; правил в 1479–1450 годах до нашей эры. Один из наиболее могущественных египетских фараонов; сражался в битве при Мегиддо в первый год своего правления.

Тушратта: царь Митанни; правил ок. 1360 года до нашей эры. Сын Шут-тарны II; переписывался с фараонами Амарны, выдал дочь за египетского фараона Аменхотепа III.

Хаммурапи: царь Вавилона; правил в 1792–1750 годах до нашей эры. Известен составлением законодательства.

Хаттусилис I: царь хеттов; правил в 1650–1620 годах до нашей эры. Вероятно, перенес столицу в Хаттусу.

Хаттусилис III: царь хеттов; правил в 1267–1237 годах до нашей эры. Подписал мирный договор с египетским фараоном Рамсесом II.

Хатшепсут: египетская царица/фараон Восемнадцатой династии; правила в 1504–1480 годах до нашей эры. Заняла престол в качестве регента своего пасынка Тутмоса III; правила как фараон примерно двадцать лет.

Хиан: гиксос, фараон Пятнадцатой династии; правил ок. 1600 года до нашей эры. Один из самых известных царей гиксосов; артефакты с

его именем найдены в Анатолии, Месопотамии и в Эгейском бассейне.

Цаннанцас: хеттский царевич, сын Суппилиумаса I; жил ок. 1324 года до нашей эры; его собирались женить на овдовевшей египетской царице, был убит по пути в Египет.

Шаттиваса: царь Митанни; правил ок. 1340 года до нашей эры. Сын Тушратты.

Шаушгамува: царь Амурру на северном побережье Сирии; правил ок. 1225 года до нашей эры. Подписал в конце тринадцатого столетия до нашей эры договор с хеттами, где упоминается Аххиява.

Шутрук-Наххунте I: царь Элама на юго-западе Ирана; правил в 1190–1155 годах до нашей эры. Родич касситской династии правителей Вавилона, напал на город и сверг его царя в 1158 году до нашей эры.

Шуттарна II: царь Митанни; правил ок. 1380 года до нашей эры. Переписывался с фараонами Амарна, выдал дочь за египетского фараона Аменхотепа III.

Эйе: фараон Восемнадцатой династии; правил в 1325–1321 годах до нашей эры. Военачальник, который стал фараоном, женившись на Анхесенамон после смерти Тутанхамона.

Эхнатон: еретик, фараон Восемнадцатой династии; правил в 1353–1334 годах до нашей эры. Запретил поклонение всем божествам, кроме Атона; возможно, был монотеистом. Муж Нефертити и отец Тутанхамона.

Яхмес: египетская царица Восемнадцатой династии; ок. 1520 года до нашей эры. Жена Тутмоса I и мать Хатшепсут.

Яхмос I: фараон и основатель Восемнадцатой династии; правил в 1570–1546 годах до нашей эры. Вместе со своим братом Камосом изгнал иноземцев-гиксосов из Египта.

Библиография

Abt, J. 2011. *American Egyptologist: The Life of James Henry Breasted and the Creation of His Oriental Institute*. Chicago: University of Chicago Press.

Adams, M. J., and M. E. Cohen. 2013. Appendix: the «Sea Peoples» in Primary Sources. In *The Philistines and Other «Sea Peoples» in Text and Archaeology*, ed. A.E. Killebrew and G. Lehmann, 645–64. Atlanta: Society of Biblical Literature.

Ahrens, A., H. Dohmann-Pfalzner, and P. Pfalzner. 2012. New Light on the Amarna Period from the Northern Levant. A Clay Sealing with the rone Name of Amenhotep IV/Akhenaten from the Royal Palace at Tall Misrife/Qatna. *Zeitschri filr Orient- Arch'aologie* 5: 232–48.

Allen, J. P. 2005. After Hatshepsut: the Military Campaigns of Tutmose III. In *Hatshepsut: From Queen to Pharaoh*, ed. C. Roehrig, 261–62. New Haven: Yale University Press.

Allen, S. H. 1999. *Finding the Walls of Troy: Frank Calvert and Heinrich Schliemann at Hisarlik*. Berkeley: University of California Press.

Andronikos, M. 1954. E «dorike Eisvole» kai ta archaiologika Euremata. *Hellenika* 13: 221–40. (in Greek)

Anthony, D. W. 1990. Migration in Archaeology: e Baby and the Bathwater. *American Anthropologist* 92: 895–914.

Anthony, D. W. 1997. Prehistoric Migrations as a Social Process. In *Migrations and Invasions in Archaeological Explanation*, ed. J. Chapman and H. Hamerow, 21–32. Oxford: Tempus Reparatum.

Artzy, M. 1998. Routes, Trade, Boats and «Nomads of the Sea». In *Mediterranean Peoples in Transition: irteenth to Early Tenth Centuries BCE*, ed. S. Gitin, A. Mazar, and E. Stern, 439–48. Jerusalem: Israel Exploration Society.

Artzy, M. 2013. On the Other «Sea Peoples». In *The Philistines and Other «Sea Peoples» in Text and Archaeology*, ed. A.E. Killebrew and G. Lehmann, 329–44. Atlanta: Society of Biblical Literature.

Aruz, J., ed. 2008. *Beyond Babylon: Art, Trade, and Diplomacy in the Second Millennium B. C. Catalogue of an Exhibition at the Metropolitan Museum of Art*, New York. New York: Metropolitan Museum of Art.

Ashkenazi, E. 2012. A 3,400-Year-Old Mystery: Who Burned the Palace of Canaanite Hatzor? Archaeologists Take on the Bible during Tel Hatzor Excavations, When Disagreements Arise over the Destroyer of the City. *Haaretz*, July 23, 2012.

Astour, M. C. 1964. Greek Names in the Semitic World and Semitic Names in the Greek World. *Journal of Near Eastern Studies* 23: 193–201.

Astour, M. C. 1965. New Evidence on the Last Days of Ugarit. *American Journal of Archaeology* 69: 253–58.

Astour, M. C. 1967. *HellenoSemitica*. 2nd Edition. Leiden: E.J. Brill.

Astrom, P. 1998. Continuity or Discontinuity: Indigenous and Foreign Elements in Cyprus around 1200 BCE. In *Mediterranean Peoples in Transition: irteenth to Early Tenth Centuries BCE*, ed. S. Gitin, A. Mazar, and E. Stern, 80–86. Jerusalem: Israel Exploration Society.

Bachhuber, C. 2006. Aegean Interest on the Uluburun Ship. *American Journal of Archaeology* 110: 345–63.

Bachhuber, C., and R.G. Roberts. 2009. *Forces of Transformation: The End of the Bronze Age in the Mediterranean*. Oxford: Oxbow Books.

Badre, L. 2003. Handmade Burnished Ware and Contemporary Imported Pottery from Tell Kazel. In *Sea Routes...: Interconnections in the Mediterranean 16th–6th c. BC*. Proceedings of the International Symposium Held at Rethymnon, Crete in September 29th-October 2nd 2002, ed. N. Chr. Stampolidis and V. Karageorghis, 83–99. Athens: University of Crete and the A.G. Leventis Foundation.

Badre, L. 2006. Tell Kazel-Simyra: A Contribution to a Relative Chronological History in the Eastern Mediterranean during the Late Bronze Age. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 343: 63–95.

Badre, L. 2011. Cultural Interconnections in the Eastern Mediterranean: Evidence from Tell Kazel in the Late Bronze Age. In *Intercultural Contacts in the Ancient Mediterranean*. Proceedings of the International Conference at the Netherlands-Flemish Institute in Cairo, 25th to 29th October 2008, ed. K. Duistermaat and I. Regulski, 205–23. Leuven: Uitgeveru Peeters.

Badre, L., M. — C. Boileau, R. Jung, and H. Mommsen. 2005. The Provenance of Aegean — and Surian-type Pottery Found at Tell Kazel (Syria). *Egypt and the Levant* 15: 15–47.

Bakry, H. 1973. The Discovery of a Temple of Mernptah at On. *Aegyptus* 53: 3–21.

Barako, T. J. 2000. The Philistine Settlement as Mercantile Phenomenon? *American Journal of Archaeology* 104/3: 513–30.

Barako, T. J. 2001. *The Seaborne Migration of the Philistines*. Ph.D. Dissertation, Harvard University.

Barako, T. J. 2003a. One If by Sea... Two If by Land: How Did the Philistines Get to Canaan? One: by Sea — A Hundred Penteconters Could Have Carried 5,000 People Per Trip. *Biblical Archaeology Review* 29/2:26–33, 64–66.

Barako, T. J. 2003b. The Changing Perception of the Sea Peoples Phenomenon: Migration, Invasion or Cultural Dilution? In *Sea Routes...: Interconnections in the Mediterranean 16th–6th c. BC*. Proceedings of the International Symposium Held at Rethymnon, Crete in September 29th–October 2nd 2002, ed. N. Chr. Stampolidis and V. Karageorghis, 163–69. Athens: University of Crete and the A.G. Leventis Foundation.

Barako, T. J. 2013. Philistines and Egyptians in Southern Coastal Canaan during the Early Iron Age. In *The Philistines and Other Sea Peoples» in Text and Archaeology*, ed. A.E. Killebrew and G. Lehmann, 37–51. Atlanta: Society of Biblical Literature.

Barkay, G., and Ussishkin D. 2004. Area S: the Late Bronze Age Strata. In *The Renewed Archaeological Excavations at Lachish (1973–1994)*, ed. Ussishkin D., 316–407. Tel Aviv: Tel Aviv University.

Bass, G. F. 1967. Cape Gelidonya. *Transactions of the American Philosophical Society*, vol. 57, pt. 8. Philadelphia: American Philosophical Society.

Bass, G. F. 1973. Cape Gelidonya and Bronze Age Maritime Trade. In *Orient and Occident*, ed. H.A. Hoffner, Jr., 29–38. Neukirchener-Vluyn: Neukirchener Verlag.

Bass, G. F. 1986. A Bronze Age Shipwreck at Ulu Burun (Kas): 1984 Campaign. *American Journal of Archaeology* 90/3: 269–96.

Bass, G. F. 1987. Oldest Known Shipwreck Reveals Splendors of the Bronze Age. *National Geographic* 172/6: 693–733.

Bass, G. F. 1988. Return to Cape Gelidonya. *INA Newsletter* 15/2: 3–5.

Bass, G. F. 1997. Prolegomena to a Study of Maritime Traffic in Raw Materials to the Aegean during the Fourteenth and irteenth Centuries B.C. In *Techne: Craftsmen, Craftswomen and Craftsmanship in the Aegean Bronze Age*. Proceedings of the 6th International Aegean Conference,

Philadelphia, Temple University, 18–21 April 1996, ed. R. Laffineur and P. P. Betancourt, 153–70. Liege: Universite de Liege.

Bass, G. F. 1998. Sailing between the Aegean and the Orient in the Second Millennium BC. In *The Aegean and the Orient in the Second Millennium*. Proceedings of the 50th Anniversary Symposium, Cincinnati, 18–20 April 1997, ed. E.H. Cline and D.H. Cline, 183–91. Liege: Universite de Liege.

Bass, G. K 2013. Cape Gelidonya Redux. In *Cultures in Contact: From Mesopotamia to the Mediterranean in the Second Millennium B.C.*, ed. J. Aruz, S.B. Gra, and Y. Rakic, 62–71. New York: Metropolitan Museum of Art.

Bauer, A. A. 1998. Cities of the Sea: Maritime Trade and the Origin of Philistine Settlement in the Early Iron Age Southern Levant. *Oxford Journal of Archaeology* 17/2: 149–68.

Baumbach, L. 1983. An Examination of the Evidence for a State of Emergency at Pylos c. 1200 BC from the Linear B Tablets. In *Res Mycenaeae*, ed. A. Heubeck and G. Neumann, 28–40. Gottingen: Vandenhoeck and Ruprecht.

Beckman, G. 1996a. Akkadian Documents from Ugarit. In *Sources for the History of Cyprus*, vol. 2, Near Eastern and Aegean Texts from the 17th to the First Millennia BC, ed. A.B. Knapp, 26–28. Altamont, NY: Greece and Cyprus Research Center.

Beckman, G. 1996b. Hittite Documents from Hattusa. In *Sources for the History of Cyprus*, vol. 2, Near Eastern and Aegean Texts from the 17th to the First Millennia BC, ed. A.B. Knapp, 31–35. Altamont, NY: Greece and Cyprus Research Center.

Beckman, G., T. Bryce, and E.H. Cline. 2011. *The Ahhiyawa Texts*. Atlanta: Society of Biblical Literature. Reissued in hardcopy, Leiden: Brill, 2012.

Bell, C. 2006. The Evolution of Long Distance Trading Relationships across the LBA/Iron Age Transition on the Northern Levantine Coast: Crisis, Continuity and Change. BAR International Series 1574. Oxford: Archaeopress.

Bell, C. 2009. Continuity and Change: the Divergent Destinies of Late Bronze Age Ports in Syria and Lebanon across the LBA/Iron Age Transition. In *Forces of Transformation: The End of the Bronze Age in the*

Mediterranean, ed. C. Bachhuber and R.G. Roberts, 30–38. Oxford: Oxbow Books.

Bell, C. 2012. The Merchants of Ugarit: Oligarchs of the Late Bronze Age Trade in Metals? In *Eastern Mediterranean Metallurgy and Metalwork in the Second Millennium BC: A Conference in Honour of James D. Muhly*; Nicosia, 10th–11th October 2009, ed. V. Kassianidou and G. Papasawas, 180–87. Oxford: Oxbow Books.

Ben Dor Evian, S. 2011. Shishak's Karnak Relief — More an Just Name-Rings. In *Egypt, Canaan and Israel: History, Imperialism, Ideology and Literature: Proceedings of a Conference at the University of Haifa*, 3–7 May 2009, ed. S. Bar, D. Kahn, and J.J. Shirley, 11–22. Leiden: Brill.

Ben-Shlomo, D., Shai I., Zukerman A., and Maeir A.M. 2008. Cooking Identities: Aegean-Style Cooking Jugs and Cultural Interaction in Iron Age Philistia and Neighboring Regions. *American Journal of Archaeology* 112/2: 225–46.

Ben-Tor, A. 1998. The Fall of Canaanite Hazor— the «Who» and «When» Questions. In *Mediterranean Peoples in Transition: irteenth to Early Tenth Centuries BCE*, ed. S. Gitin, A. Mazar, and E. Stern, 456–68. Jerusalem: Israel Exploration Society.

Ben-Tor, A. 2006. The Sad Fate of Statues and the Mutilated Statues of Hazor. In *Confronting the Past: Archaeological and Historical Essays on Ancient Israel in Honor of William G. Dever*, ed. S. Gitin, J.E. Wright, and J.P. Dessel, 3–16. Winona Lake, IN: Eisenbrauns.

Ben-Tor, A. 2013. Who Destroyed Canaanite Hazor? *Biblical Archaeology Review* 39/4: 26–36, 58–60.

Ben-Tor, A., and M.T. Rubiato. 1999. Excavating Hazor, Part Two: Did the Israelites Destroy the Canaanite City? *Biblical Archaeology Review* 25/3: 22–39.

Ben-Tor, A., and S. Zuckerman. 2008. Hazor at the End of the Late Bronze Age: Back to Basics. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 350: 1–6.

Bernhardt, C. E., Horton B.P., andj. — D. Stanley. 2012. Nile Delta Vegetation Response to Holocene Climate Variability. *Geology* 40/7: 615–18.

Bietak, M. 1992. Minoan Wall-Paintings Unearthed at Ancient Avaris. *Egyptian Archaeology* 2: 26–28.

Bietak, M. 1996. Avaris: the Capital of the Hyksos. Recent Excavations at Tell el-Dab(a. London: British Museum Press.

Bietak, M. 2005. Egypt and the Aegean: Cultural Convergence in a utmoside Palace at Avaris. In Hatshepsut: From Queen to Pharaoh, ed. C. Roehrig, 75–81. New Haven: Yale University Press.

Bietak, M., Marinatos N., and Palyvou C. 2007. Taureador Scenes in Tell El-Dab a (Avaris) and Knossos. Vienna: Austrian Academy of Sciences.

Blegen, C. W. 1955. The Palace of Nestor Excavations of 1954. American Journal of Archaeology 59/1: 31–37.

Blegen, C. W., Boulter C. G., Caskey J. L., and Rawson M. 1958. Troy IV: Settlements VIIa, VIIb and VIII. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Blegen, C. W., and K. Kourouniotis. 1939. Excavations at Pylos, 1939. American Journal of Archaeology 43/4: 557–76.

Blegen, C. W., and M. Lang. 1960. e Palace of Nestor Excavations of 1959. American Journal of Archaeology 64/2: 153–64.

Blegen, C. W., and M. Rawson. 1966. e Palace of Nestor at Pylos in Western Messenia. Vol. 1, The Buildings and eir Contents. Pt. 1, Text. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Bordreuil, P., ed. 1991. Une bibliotheque au sud de la ville: Les textes de la 34e campagne (1973). Ras Shamra-Ougarit VII. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations.

Bordreuil, P., and Malbran-Labat E 1995. Les archives de la maison d'Ourtenou. Comptesrendus des seances de TAcademie des Inscriptions et Belles-Lettres 139/2: 443–51.

Bordreuil, R. D. Pardee, and R. Hawley. 2012. Une bibliotheque au sud de la ville***. Textes 1994–2002 en cuneiforme alphabetique de la maison d'Ourtenou Ras Shamra-Ougarit XVIII. RSO 18. Lyon: Maison de POrient et de la Mediterranee-Jean Pouilloux.

Bounni, A., A. and Lagarce J., and Saliby N. 1976. Rapport preliminaire sur la premiere campagne de fouilles (1975) a Ibn Hani (Syrie). Syria 55: 233–79.

Bounni, A., A. and Lagarce J., and Saliby N. 1978. Rapport preliminaire sur la deuxieme campagne de fouilles (1976) a Ibn Hani (Syrie). Syria 56: 218–91.

Bouzek, J. 2011. Bird-Shaped Prows of Boats, Sea Peoples and the Pelasgians. In *Exotica in the Prehistoric Mediterranean*, ed. A. Vianello, 188–93. Oxford: Oxbow Books.

Braudel, F. 2001. *The Mediterranean in the Ancient World*. London: Allen Lane, Penguin Books.

Breasted, J. H. 1906. *Ancient Records of Egypt*. Urbana: University of Illinois Press. Reprinted 2001.

Breasted, J. H. 1930. Foreword. In *Medinet Habu*, vol. 1, *Earlier Historical Records of Ramses III*, ed. the Epigraphic Survey, ix–xi. Chicago: University of Chicago Press.

Bretschneider J., and Van Lerberghe K., eds. 2008. *In Search of Gibala: An Archaeological and Historical Study Based on Eight Seasons of Excavations at Tell Tweini (Syria) in the A and C Fields (1999–2007)*. *Aula Orientalis-Supplementa* 24. Barcelona: Sabadell.

Bretschneider J., and Van Lerberghe K. 2011. eJebleh Plain through History: Tell Tweini and Its Intercultural Contacts in the Bronze and Early Iron Age. In *Intercultural Contacts in the Ancient Mediterranean. Proceedings of the International Conference at the Netherlands-Flemish Institute in Cairo, 25th to 29th October 2008*, ed. K. Duistermaat and I. Regulski, 183–203. Leuven: Uitgeveru Peeters.

Bretschneider J., A. — Van Vyve S., and Jans G. 2011. Tell Tweini: A MultiPeriod Harbour Town at the Syrian Coast. In *Egypt and the Near East — the Crossroads: Proceedings of an International Conference on the Relations of Egypt and the Near East in the Bronze Age*, Prague, September 1–3, 2010, ed. J. Mynarova, 73–87. Prague: Charles University in Prague.

Bryce, T. R. 1985. A Reinterpretation of the Milawata Letter in the Light of the New Join Piece. *Anatolian Studies* 35: 13–23.

Bryce, T. R. 1989a. The Nature of Mycenaean Involvement in Western Anatolia. *Historia* 38: 1–21.

Bryce, T. R. 1989b. Ahhiyawans and Mycenaeans — An Anatolian Viewpoint. *Oxford Journal of Archaeology* 8: 297–310.

Bryce, T. R. 2002. *Life and Society in the Hittite World*. Oxford: Oxford University Press.

Bryce, T. R. 2005. *The Kingdom of the Hittites*. New Edition. Oxford: Oxford University Press.

Bryce, T. R. 2009. *The Routledge Handbook of the Peoples and Places of Ancient Western Asia: From the Early Bronze Age to the Fall of the*

Persian Empire. London: Routledge.

Bryce, T. R. 2010. The Hittite Deal with the Hiyawa-Men. In *Pax Hethitica: Studies on the Hittites and their Neighbours in Honor of Itamar Singer*, ed. Y. Cohen, A. Gilan, and J.L. Miller, 47–53. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Bryce, T. R. 2012. *The World of the Neo-Hittite Kingdoms*. Oxford: Oxford University Press.

Bunimovitz, S. 1998. Sea Peoples in Cyprus and Israel: A Comparative Study of Immigration Processes. In *Mediterranean Peoples in Transition: thirteenth to Early Tenth Centuries BCE*, ed. S. Gitin, A. Mazar, and E. Stern, 103–13. Jerusalem: Israel Exploration Society.

Butzer, K. W. 2012. Collapse, Environment, and Society. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 109/10: 3632–39.

Butzer, K. W., and G.H. End eld. 2012. Critical Perspectives on Historical Collapse. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 109/10: 3628–31.

Callot, O. 1994. Ras Shamra-Ougarit X: La tranchee «Ville sud». *Etudes d'architecture domestique*. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations.

Callot, O., and M. Yon. 1995. Urbanisme et architecture. In *Le Pays d'Ougarit autour de 1200 av. J. — C.: Histoire et archeologie. Actes du Colloque International; Paris, 28 juin–1er juillet 1993*, ed. M. Yon, M. Sznycer, and P. Bordreuil, 155–68. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations.

Carmi, I., and D. Ussishkin. 2004. 14C Dates. In *The Renewed Archaeological Excavations at Lachish (1973–1994)*, ed. D. Ussishkin, 2508–13. Tel Aviv: Tel Aviv University.

Carpenter, R. 1968. *Discontinuity in Greek Civilization*. New York: W. W. Norton & Co.

Carruba, O. 1977. Beitrage zur mittelhethitischen Geschichtc, I: Die Tuthalijas und die Arnuwandas. *Studi micenei ed egeo-anatolici* 18: 137–74.

Castleden, R. 1993. *Minoan Life in Bronze Age Crete*. London: Routledge.

Caubet, A. 1992. Reoccupation of the Syrian Coast after the Destruction of the «Crisis Years.» In *The Crisis Years: the 12th Century B.C.*,

ed. W.A. Ward and M.S. Joukowsky, 123–30. Dubuque, IA: Kendall/Hunt Publishing Co.

Caubet, A. 2000. Ras Shamra-Ugarit before the Sea Peoples. In *The Sea Peoples and their World: A Reassessment*, ed. E.D. Oren, 35–49. Philadelphia: University of Pennsylvania.

Caubet, A., and V. Matoian. 1995. Ougarit et l'figee. In *Le Pays d'Ougarit autour de 1200 av.J. — C.: Histoire et archeologie. Actes du Colloque International; Paris, 28juin- 1erjuillet 1993*, ed. M. Yon, M. Sznycer, and P. Bordreuil, 99–112. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations.

Cho, D., and B. Appelbaum. 2008. Unfolding Worldwide Turmoil Could Reverse Years of Prosperity. *Washington Post*, October 7, 2008, A1.

Cifola, B. 1991. The Terminology of Ramses III's Historical Records with a Formal Analysis of the War Scenes. *Orientalia* 60: 9–57.

Cifola, B. 1994. The Role of the Sea Peoples at the End of the Late Bronze Age: A Reassessment of Textual and Archaeological Evidence. *Oriens Antiqui Miscellanea* 1: 1–57.

Clayton, P. A. 1994. *Chronicle of the Pharaohs: e Reign-by-Reign Record of the Rulers and Dynasties of Ancient Egypt*. London: Thames and Hudson.

Cline, E. H. 1987. Amenhotep III and the Aegean: A Reassessment of Egypto-Aegean Relations in the 14th Century BC. *Orientalia* 56/1: 1–36.

Cline, E. H. 1990. An Unpublished Amenhotep III Faience Plaque from Mycenae. *Journal of the American Oriental Society* 110/2: 200–212.

Cline, E. H. 1991a. Hittite Objects in the Bronze Age Aegean. *Anatolian Studies* 41: 133–43.

Cline, E. H. 1991b. A Possible Hittite Embargo against the Mycenaeans. *Historia* 40/1: 1–9.

Cline, E. H. 1994. *Sailing the Wine-Dark Sea: International Trade and the Late Bronze Age Aegean*. Oxford: Tempus Reparatum. Republished 2009.

Cline, E. H. 1995a. «My Brother, My Son»: Rulership and Trade between the LB A Aegean, Egypt and the Near East. In *The Role of the Ruler in the Prehistoric Aegean*, ed. P. Rehak, 143–50. *Aegaeum* 11. Liege: Universite de Liege.

Cline, E. H. 1995b. Tinker, Tailor, Soldier, Sailor: Minoans and Mycenaeans Abroad. In *Politeia: Society and State in the Aegean Bronze*

Age, ed. W. — D. Niemeier and R. Laffineur, 265–87. *Aegaeum* 12. Liege: Universite de Liege.

Cline, E. H. 1996. Assuwa and the Achaeans: the ‘Mycenaean’ Sword at Hattusas and Its Possible Implications. *Annual of the British School at Athens* 91: 137–51.

Cline, E. H. 1997a. Achilles in Anatolia: Myth, History, and the Assuwa Rebellion. In *Crossing Boundaries and Linking Horizons: Studies in Honor of Michael Astour on His 80th Birthday*, ed. G.D. Young, M.W. Chavalas, and R.E. Averbeck, 189–210. Bethesda, MD: CDL Press.

Cline, E. H. 1997b. Review of Drews R., *The End of the Bronze Age* (Princeton 1993). *Journal of Near Eastern Studies* 56/2: 127–29.

Cline, E. H. 1998. Amenhotep III, the Aegean and Anatolia. In *Amenhotep III: Perspectives on His Reign*, ed. D. O’Connor and E.H. Cline, 236–50. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Cline, E. H. 1999a. The Nature of the Economic Relations of Crete with Egypt and the Near East during the Bronze Age. In *From Minoan Farmers to Roman Traders: Sidelights on the Economy of Ancient Crete*, ed. A. Chaniotis. 115–43. Munich: G.B. Steiner.

Cline, E. H. 1999b. Coals to Newcastle, Wallbrackets to Tiryns: Irrationality, Gi Exchange, and Distance Value. In *Meletemata: Studies in Aegean Archaeology Presented to Malcolm H. Wiener As He Enters His 65th Year*, ed. P.P. Betancourt, V. Karageorghis, R. Laffineur, and Niemeier W. — D., 119–23. *Aegaeum* 20. Liege: Universite de Liege.

Cline, E. H. 2000. The Battles of Armageddon: Megiddo and the Jezreel Valley from the Bronze Age to the Nuclear Age. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Cline, E. H. 2005. Cyprus and Alashiya: One and the Same! *Archaeology Odyssey* 8/5: 41–44.

Cline, E. H. 2006. A Widow’s Plea and a Murder Mystery. *Dig* magazine, January 2006, 28–30.

Cline, E. H. 2007a. Rethinking Mycenaean International Trade. In *Rethinking Mycenaean Palaces*, ed. W. Parkinson and M. Galaty, 190–200. 2nd Edition. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology.

Cline, E. H. 2007b. *From Eden to Exile: Unraveling Mysteries of the Bible*. Washington, DC: National Geographic Books.

Cline, E. H. 2009a. *Biblical Archaeology: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press.

Cline, E. H. 2009b. The Sea Peoples' Possible Role in the Israelite Conquest of Canaan. In *Down: Festschrift for Spyros E. Iakovidis*, ed. D. Danielidou, 191–98. Athens: Athens Academy.

Cline, E. H. 2010. Bronze Age Interactions between the Aegean and the Eastern Mediterranean Revisited: Mainstream, Margin, or Periphery? In *Archaic State Interaction: the Eastern Mediterranean in the Bronze Age*, ed. Parkinson W. and Galaty M., 161–80. Santa Fe, NM: School for Advanced Research.

Cline, E. H., ed. 2010. *The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean*. New York: Oxford University Press.

Cline, E. H. 2011. Whole Lotta Shakin' Going On: the Possible Destruction by Earthquake of Megiddo Stratum VIA. In *The Fire Signals of Lachish: Studies in the Archaeology and History of Israel in the Late Bronze Age, Iron Age, and Persian Period in Honor of David Ussishkin*, ed. I. Finkelstein and N. Na'aman, 55–70. Tel Aviv: Tel Aviv University.

Cline, E. H. 2013. *The Trojan War: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.

Cline, E. H., and Cline M.J. 1991. Of Shoes and Ships and Sealing Wax: International Trade and the Late Bronze Age Aegean. *Expedition* 33/3: 46–54.

Cline, E. H., and Harris-Cline D., eds. 1998. *The Aegean and the Orient in the Second Millennium. Proceedings of the 50th Anniversary Symposium, Cincinnati, 18–20 April 1997*. *Aegaeum* 18. Liege: Universite de Liege.

Cline, E. H., and O'Connor D. 2003. The Mystery of the 'Sea Peoples'. In *Mysterious Lands*, ed. D. O'Connor and S. Quirke, 107–38. London: UCL Press.

Cline, E. H., and O'Connor D., eds. 2006. *Tutmoses III: A New Biography*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Cline, E. H., and O'Connor D., eds. 2012. *Ramesses III: the Life and Times of Egypt's Last Hero*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Cline, E. H., and Stannish S.M. 2011. Sailing the Great Green Sea: Amenhotep III's «Aegean List» from Kom el-Hetan, Once More. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections* 3/2: 6–16.

Cline, E. H., and Yasur-Landau A. 2007. Musings from a Distant Shore: the Nature and Destination of the Uluburun Ship and Its Cargo. *Tel Aviv* 34/2: 125–41.

Cline, E. H., and Yasur-Landau A. 2013. Aegeans in Israel: Minoan Frescoes at Tel Kabri. *Biblical Archaeology Review* 39/4 (July/August 2013) 37–44, 64, 66.

Cline, E. H., Yasur-Landau A., and Goshen N. 2011. New Fragments of Aegean-Style Painted Plaster from Tel Kabri, Israel. *American Journal of Archaeology* 115/2: 245–61.

Cohen, C., Maran J., and Vetters M., 2010. An Ivory Rod with a Cuneiform Inscription, Most Probably Ugaritic, from a Final Palatial Workshop in the Lower Citadel of Tiryns. *Archikologischer Anzeiger* 2010/2:1–22.

Cohen, R., and Westbrook R., eds. 2000. *Amarna Diplomacy: the Beginnings of International Relations*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Cohen, Y., and Singer I. 2006. A Late Synchronism between Ugarit and Emar. In *Essays on Ancient Israel in Its Near Eastern Context: A Tribute to Nadav Na'aman*: 123–39, ed. Amit Y., Ben zvi E., Finkelstein I., and Lipschits O. Winona Lake, IN: Eisenbrauns.

Collins, B. J. 2007. *The Hittites and their World*. Atlanta: Society of Biblical Literature.

Courbin, P. 1990. Bassit Poidaeion in the Early Iron Age. In *Greek Colonists and Native Populations. First Australian Congress of Classical Archaeology in Honour of A.D. Trendall*, ed. J. — P. Descoeudres, 504–9. Oxford: Clarendon Press.

Curtis, A. H. W. 1999. Ras Shamra, Minet el-Beida and Ras Ibn Hani: Material Sources. In *Handbook of Ugaritic Studies*, ed. W.G.E. Watson and N. Wyatt, 5–27. Leiden: Brill.

Dailey, S. 1984. *Mari and Karana: Two Old Babylonian Cities*. London: Longman.

Dark, K. R. 1998. *Waves of Time: Long Term Change and International Relations*. New York: Continuum.

Darnell, J. C., and C. Manassa. 2007. *Tutankhamun's Armies: Battle and Conquest during Ancient Egypt's Late Eighteenth Dynasty*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

Davies, N. de G. 1943. *The Tombs of Rekh-mi-Re' at el-Amarna (= PMMA, 11)*. New York: Metropolitan Museum of Art.

Davis, J. L., ed. 1998. *Sandy Pylos. An Archaeological History from Nestor to Navarino*. Austin: University of Texas Press.

Davis, J. L. 2010. Pylos. In *The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean*, ed. Cline E.H., 680–89. New York: Oxford University Press.

Deger-Jalkotzy, S. 2008. Decline, Destruction, Aftermath. In *The Cambridge Companion to the Aegean Bronze Age*, ed. C.W. Shelmerdine, 387–415. Cambridge: Cambridge University Press.

Demand, N. H. 2011. *The Mediterranean Context of Early Greek History*. Oxford: Wiley-Blackwell.

Dever, W. G. 1992. The Late Bronze-Early Iron I Horizon in Syria-Palestine: Egyptians, Canaanites, 'Sea Peoples,' and Proto-Israelites. In *The Crisis Years: the 12th Century B. C.*, ed. W. A. Ward and M. S. Joukowsky, 99–110. Dubuque, IA: Kendall/Hunt Publishing Co.

Diamond, J. 2005. *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. New York: Viking.

Dickinson, O. 2006. *The Aegean from Bronze Age to Iron Age. Continuity and Change between the Twelfth and Eighth Centuries BC*. New York: Routledge.

Dickinson, O. 2010. The Collapse at the End of the Bronze Age. In *The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean*, ed. E.H. Cline, 483–90. New York: Oxford University Press.

Dietrich, M., and Loretz O. 1999. Ugarit, Home of the Oldest Alphabets. In *Handbook of Ugaritic Studies*, ed. W.G.E. Watson and N. Wyatt, 81–90. Leiden: Brill.

Dietrich, M., and Loretz O. 2002. Der Untergang von Ugarit am 21. Januar 1192 v. Chr.? Der astronomisch-hepatoskopische Bericht KTU 1.78 (RS 12.061). *Ugarit-Forschungen* 34: 53–74.

Dorman, P. F. 2005a. Hatshepsut: Princess to Queen to Co-Ruler. In *Hatshepsut: From Queen to Pharaoh*, ed. C. Roehrig, 87–89. New Haven: Yale University Press.

Dorman, P. F. 2005b. The Career of Senenmut. In *Hatshepsut: From Queen to Pharaoh*, ed. C. Roehrig, 107–9. New Haven: Yale University Press.

Dothan, M. 1971. Ashdod II–III. The Second and Third Season of Excavations 1963–1965 and Sounding in 1967. Text and Plates. 'Atiqot 9–10. Jerusalem: Israel Antiquities Authority.

Dothan, M. 1993. Ashdod. In *The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land*, ed. E. Stern, 93–102. Jerusalem: Carta.

Dothan, M., and Y. Porath. 1993. Ashdod V. Excavations of Area G. The Fourth-Sixth Season of Excavations 1968–1970. Atiqot 23. Jerusalem: Israel Antiquities Authority.

Dothan, T. 1982. The Philistines and their Material Culture. New Haven: Yale University Press.

Dothan, T. 1983. Some Aspects of the Appearance of the Sea Peoples and Philistines in Canaan. In *Griechenlandy die Agjkis und die Levante w'ahrend der «Dark Ages»*, ed. Deger-Jalkotzy S., 99–117. Vienna: Osterreichische Akademie der Wissenschaft.

Dothan, T. 1990. Ekron of the Philistines, Part 1: Where They Came From, How They Settled Down and the Place They Worshipped In. *Biblical Archaeology Review* 18/1: 28–38.

Dothan, T. 1998. Initial Philistine Settlement: From Migration to Coexistence. In *Mediterranean Peoples in Transition: thirteenth to Early Tenth Centuries BCE*, ed. Gitin S., Mazar A., and Stern E., 148–61. Jerusalem: Israel Exploration Society.

Dothan, T. 2000. Reflections on the Initial Phase of Philistine Settlement. In *The Sea Peoples and their World: A Reassessment*, ed. E.D. Oren, 146–58. Philadelphia: University of Pennsylvania.

Dothan, T., and Dothan M. 1992. *People of the Sea: the Search for the Philistines*. New York: Macmillan Publishing Company.

Drake, B. L. 2012. The Influence of Climatic Change on the Late Bronze Age Collapse and the Greek Dark Ages. *Journal of Archaeological Science* 39: 1862–70.

Drews, R. 1992. Herodotus 1.94, the Drought ca. 1200 B.C., and the Origin of the Etruscans. *Historia* 41: 14–39.

Drews, R. 1993. *The End of the Bronze Age: Changes in Warfare and the Catastrophe ca. 1200 B.C.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Drews, R. 2000. Medinet Habu: Oxcarts, Ships, and Migration theories. *Journal of Near Eastern Studies* 59: 161–90.

Durard, J. — M. 1983. *Textes administratifs des salles 134 et 160 du Palais de Mari*. ARMT XX. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner.

Edel, E. 1961. Ein kairener fragment mit einem Bericht tiber den libyerkrieg Merneptahs, *Zeitschri fiir Agyptische Sprache und Altertumskunde* 86: 101–3.

Edel, E. 1966. *Die Ortsnamenlisten ausdem TotentempelAmenophisIII*. Bonn: Peter Hanstein Verlag.

Edel, E., and Gorg M. 2005. Die Ortsnamenlisten im nordlichen Smolenhof des Totentem — pels Amenophis' III. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Edgerton, W. E, and J. A. Wilson. 1936. Historical Records of Ramses III: the Texts in Medinet Habu. Vols. 1 and 2. Chicago: University of Chicago Press.

Emanuel, J. P. 2013. «SRDN ivom the Sea»: the Arrival, Integration, and Acculturation of a «Sea People.» *Journal of Ancient Egyptian Interconnections* 5/1, 14–27.

Enverova, D. A. 2012. The Transition from Bronze Age to Iron Age in the Aegean: An Heterarchical Approach. M.A. thesis, Bilkent University.

Ertekin, A., and Ediz I. 1993. The Unique Sword from Bogazkoy/Hattusa. In *Aspects of Art and Iconography: Anatolia and Its Neighbors. Studies in Honor of Nonet Ozguc*, ed. M. J. Mellink, E. Porada, and T. Ozguc, 719–25. Ankara: Tiirk Tarih Kurumu Basimevi.

Evans, A. J. 1921–35. *The Palace of Minos at Knossos*. Vols. 1–4. London: Macmillan and Co.

Fagles, R. 1990. *Homer: the Iliad*. New York: Penguin.

Faust, A., and Lev-Tov J. 2011. The Constitution of Philistine Identity: Ethnic Dynamics in Twelfth to Tenth Century Philistia. *Oxford Journal of Archaeology* 30: 13–31.

Feldman, M. 2002. Luxurious Forms: Redefining a Mediterranean «International Style,» 1400–1200 B.C.E. *Art Bulletin* 84/1: 6–29.

Feldman, M. 2006. *Diplomacy by Design: Luxury Arts and an «International Style» in the Ancient Near East, 1400–1200 BCE*. Chicago: University of Chicago Press.

Feldman, M. 2009. Hoarded Treasures: e Megiddo Ivories and the End of the Bronze Age. *Levant* 41/2: 175–94.

Finkelstein, I. 1996. The Stratigraphy and Chronology of Megiddo and Beth-Shean in the 12th–11th Centuries BCE. *Tel Aviv* 23: 170–84.

Finkelstein, I. 1998. Philistine Chronology: High, Middle or Low? In *Mediterranean Peoples in Transition: Thirteenth to Early Tenth Centuries BCE*, ed. S. Gitin, A. Mazar, and E. Stern, 140–47. Jerusalem: Israel Exploration Society.

Finkelstein, I. 2000. The Philistine Settlements: When, Where and How Many? In *The Sea Peoples and their World: A Reassessment*, ed. E.D. Oren, 159–80. Philadelphia: University of Pennsylvania.

Finkelstein, I. 2002. El-Ah.wat: A Fortified Sea People City? *Israel Exploration Journal* 52/2: 187–99.

Finkelstein, I. 2007. Is the Philistine Paradigm Still Viable? In *The Synchronisation of Civilisations in the Eastern Mediterranean in the Second Millennium B. C. III*, Proceedings of the SCIEM2000–2nd EuroConference, Vienna, 28th of May–1st of June 2003, ed. M. Bietak and E. Czerny, 517–23. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Fitton, J. L. 2002. *Minoans*. London: British Museum Press.

Frank, A. G. 1993. Bronze Age World System and Its Cycles. *Current Anthropology* 34: 383–429.

Frank, A. G., and B.K. Gillis. 1993. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* London: Routledge.

Frank, A. G., and Thompson W.R. 2005. Afro-Eurasian Bronze Age Economic Expansion and Contraction Revisited. *Journal of World History* 16: 115–72.

Franken, H. J. 1961. The Excavations at Deir Alla, Jordan. *Vetus Testamentum* 11:361–72.

French, E. 2009. The Significance of Changes in Spatial Usage at Mycenae. In *Forces of Transformation: The End of the Bronze Age in the Mediterranean*, ed. C. Bachhuber and R.G. Roberts, 108–10. Oxford: Oxbow Books.

French, E. 2010. Mycenae. In *The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean*, ed. E.H. Cline, 671–79. New York: Oxford University Press.

Friedman, K. E. 2008. Structure, Dynamics, and the Final Collapse of Bronze Age Civilizations in the Second Millennium. In *Historical Transformations: the Anthropology of Global Systems*, ed. K. E. Friedman and J. Friedman, 163–202. Lanham, MD: Altamira Press.

Galil, G., A. Gilboa, Maeir A. M., and Kahn D., eds. 2012. *The Ancient Near East in the 12th–10th Centuries BCE: Culture and History*. Proceedings of the International Conference Held at the University of Haifa, 2–5 May, 2010. AOAT 392. Münster: Ugarit-Verlag.

Genz, H. 2013. «No Land Could Stand before their Arms, from Hatti... On...»? New Light on the End of the Hittite Empire and the Early Iron Age in Central Anatolia. In *The Philistines and Other Sea Peoples» in Text and Archaeology*, ed. Killebrew A. E. and Lehmann G., 469–77. Atlanta: Society of Biblical Literature.

Gilboa, A. 1998. Iron I — HA Pottery Evolution at Dor — Regional Contexts and the Cypriot Connection. In *Mediterranean Peoples in Transition: Thirteenth to Early Tenth Centuries BCE*, ed. S. Gitin, A. Mazar, and E. Stern, 413–25. Jerusalem: Israel Exploration Society.

Gilboa, A. 2005. Sea Peoples and Phoenicians along the Southern Phoenician Coast — A Reconciliation: An Interpretation of Sikila (SKL) Material Culture. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 337: 47–78.

Gilboa, A. 2006–7. Fragmenting the Sea Peoples, with an Emphasis on Cyprus, Syria and Egypt: A Tel Dor Perspective. *Scripta Mediterranea* 27–28: 209–44.

Gillis, C. 1995. Trade in the Late Bronze Age. In *Trade and Production in Premonetary Greece: Aspects of Trade*, ed. C. Gillis, C. Risberg, and B. Sjöberg, 61–86. Jonsered: Paul Astrom Forlag.

Gilmour, G., and Kitchen K.A. 2012. Pharaoh Sety II and Egyptian Political Relations with Canaan at the End of the Late Bronze Age. *Israel Exploration Journal* 62/1: 1–21.

Gitin, S. 2005. Excavating Ekron. Major Philistine City Survived by Absorbing Other Cultures. *Biblical Archaeology Review* 31/6: 40–56, 66–67.

Giveon, R., Sweeney D., and Lalkin N. 2004. The Inscription of Ramesses III. In *The Renewed Archaeological Excavations at Lachish (1973–1994)*, ed. D. Ussishkin, 1626–28. Tel Aviv: Tel Aviv University.

Grundon, I. 2007. *The Rash Adventurer: A Life of John Pendlebury*. London: Libri Publications.

Giiterbock, H. G. 1992. Survival of the Hittite Dynasty. In *e Crisis Years: the 12th Century B.C.*, ed. W.A. Ward and M.S. Joukowsky, 53–55. Dubuque, IA: Kendall/ Hunt Publishing Co.

Habachi, L. 1972. The Second Stele of Kamose. *Gluckstadt: J. J. Augustin*.

Halpern, B. 2006–7. The Sea-Peoples and Identity. *Scripta Mediterranea* 27–28: 15–32.

Hankey, V. 1981. The Aegean Interest in El Атагъ. *Journal of Mediterranean Anthropology and Archaeology* 1: 38–49.

Harrison, T. P. 2009. Neo-Hittites in the «Land of Palistin». *Renewed Investigations at Tell Ta'yamat on the Plain of Antioch. Near Eastern Archaeology* 72/4: 174–89.

Harrison, T. P. 2010. The Late Bronze/Early Iron Age Transition in the North Orontes Valley. In *Societies in Transition: Evolutionary Processes in the Northern Levant between Late Bronze Age II and Early Iron Age*. Papers Presented on the Occasion of the 20th Anniversary of the New Excavations in Tell Afis. Bologna, 15th November 2007, ed. F. Venturi, 83–102. Bologna: Clueb.

Hawass, Z. 2005. *Tutankhamun and the Golden Age of the Pharaohs*. Washington, DC: National Geographic Society.

Hawass, Z. 2010. King Tut's Family Secrets. *National Geographic*, September 2010, 34–59.

Hawass, Z., et al. 2010. Ancestry and Pathology in King Tutankhamun's Family. *Journal of the American Medical Association* 303/7 (2010): 638–47.

Hawkins, J. D. 2009. Cilicia, the Amuq and Aleppo: New Light in a Dark Age. *Near Eastern Archaeology* 72/4: 164–73.

Hawkins, J. D. 2011. e Inscriptions of the Aleppo Temple. *Anatolian Studies* 61: 35–54.

Heimpel, W. 2003. *Letters to the King of Mari: A New Translation, with Historical Introduction, Notes, and Commentary*. Winona Lake, IN: Eisenbrauns.

Heltzer, M. 1988. Sinaranu, Son of Siginu, and the Trade Relations between Ugarit and Crete. *Minos* 23: 7–13.

Heltzer, M. 1989. The Trade of Crete and Cyprus with Syria and Mesopotamia and their Eastern Tin-Sources in the XVIII–XVII Centuries B.C. *Minos* 24: 7–28.

Hirschfeld, N. 1990. Incised Marks on LH/LM III Pottery. M.A. thesis, Institute of Nautical Archaeology, Texas A&M University.

Hirschfeld, N. 1992. Cypriot Marks on Mycenaean Pottery. In *Mykenaika: Actes du IXe Colloque international sur les textes myceniens et egeens*, Athenes, 2–6 octobre 1990, ed. J. — P. Olivier, 315–19. Paris: Diffusion de Bocard.

Hirschfeld, N. 1996. Cypriots in the Mycenaean Aegean. In *AM e Memorie del Secondo Congresso Internazionale di Micenologia*, Roma-Napoli, 14–20 Ottobre 1991, ed. E. De Miro, L. Godart, and A. Sacconi, 1:289–97. Rome/Naples: Gruppo Editoriale Internatzionale.

Hirschfeld, N. 1999. *Potmarks of the Late Bronze Age Eastern Mediterranean*. Ph.D. Dissertation, University of Texas at Austin.

Hirschfeld, N. 2010. Cypro-Minoan. In *The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean*, ed. E.H. Cline, 373–84. New York: Oxford University Press.

Hitchcock, L. A. 2005. «Who will personally invite a foreigner, unless he is a craftsman?»: Exploring Interconnections in Aegean and Levantine Architecture. In *Emporia. Aegeans in the Central and Eastern Mediterranean*. Proceedings of the 10th International Aegean Conference. Athens, Italian School of Archaeology, 14–18 April 2004, ed. R. Laffineur and E. Greco, 691–99. *Aegaeum* 25. Liege: Universite de Liege.

Hitchcock, L. A. 2008. «Do you see a man skillful in his work? He will stand before kings»: Interpreting Architectural Influences in the Bronze Age Mediterranean. *Ancient West and East* 7: 17–49.

Hitchcock, L. A. 2011. «Transculturalism» as a Model for Examining Migration to Cyprus and Philistia at the End of the Bronze Age. *Ancient West and East* 10: 267–80.

Hitchcock, L. A. In press. All the Cherethites, and all the Pelethites, and all the Gittites: A Current Assessment of the Evidence for the Minoan Connection with the Philistines. To be published in the Proceedings of the 11th International Congress of Cretan Studies, 21–27 October 2011f Rethymnon, Crete.

Hitchcock, L. A., and Maeir A.M. 2013. Beyond Creolization and Hybridity: Entangled and Transcultural Identities in Philistia. *Archaeological Review from Cambridge* 28/1: 51–74.

Hoffmeier, J. K. 2005. *Ancient Israel in Sinai: The Evidence for the Authenticity of the Wilderness Tradition*. Oxford: Oxford University Press.

Hoffner, H. A., Jr. 1992. The Last Days of Khattusha. In *The Crisis Years: the 12th Century B.C.*, ed. W.A. Ward and M.S. Joukowsky, 46–52. Dubuque, IA: Kendall/Hunt Publishing Co.

Hoffner, H. A., Jr. 2007. Hittite Laws. In *Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor*, ed. M.T. Roth, 213–40. 2nd Edition. Atlanta: Scholars Press.

Hooker, J. T. 1982. The End of Pylos and the Linear B Evidence. *Studi micenei ed egeo — anatolici* 23: 209–17.

Houwink ten Cate, P.H.J. 1970. *The Records of the Early Hittite Empire (c. 1450–1380 B.C.)*. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut in het Nabije Oosten.

Huehnergard, J. 1999. The Akkadian Letters. In *Handbook of Ugaritic Studies*, ed. W.G.E. Watson and N. Wyatt, 375–89. Leiden: Brill.

Iacovou, M. 2008. Cultural and Political Configurations in Iron Age Cyprus: the Sequel to a Protohistoric Episode. *American Journal of Archaeology* 112/4: 625–57.

Iacovou, M. 2013. Aegean-Style Material Culture in Late Cypriot III: Minimal Evidence, Maximal Interpretation. In *The Philistines and Other «Sea Peoples» in Text and Archaeology*, ed. A. E. Killebrew and G. Lehmann, 585–618. Atlanta: Society of Biblical Literature.

Iakovidis, Sp. E. 1986. Destruction Horizons at Late Bronze Age Mycenae. In *Philippa E. Mylonas, v. A*, 233–60. Athens: Library of the Archaeological Society of Athens.

Janeway, B. 2006–7. The Nature and Extent of Aegean Contact at Tell Ta'yinat and Vicinity in the Early Iron Age: Evidence of the Sea Peoples? *Scripta Mediterranea* 27–28: 123–46.

Jennings, J. 2011. *Globalizations and the Ancient World*. Cambridge: Cambridge University Press.

Johnson, N. 2007. *Simply Complexity: A Clear Guide to Complexity theory*. Oxford: One World Publications.

Jung, R. 2009. «Sie vernichteten sie, als ob sie niemals existiert hatten» — Was blieb von den zerstörungen der Seevölker? In *Schlachtfeldarchäologie/Battle field Archaeology*. 1. Mitteldeutscher Archäologentag vom 09. Bis 11. Oktober 2008 in Halle (Saale) (Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle 2), ed. H. Meller, 31–48. Halle (Saale): Landesmuseum für Vorgeschichte.

Jung, R. 2010. End of the Bronze Age. In *The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean*, ed. E.H. Cline, 171–84. New York: Oxford University Press.

Jung, R. 2011. Innovative Cooks and New Dishes: Cypriote Pottery in the 13th and 12th Centuries BC and Its Historical Interpretation. In *On Cooking Pots, Drinking Cups, Loomweights and Ethnicity in Bronze Age Cyprus and Neighbouring Regions*. An International Archaeological Symposium Held in Nicosia, November 6th–7th 2010, ed. V. Karageorghis and O. Kouka, 57–85. Nicosia: A. G. Leventis Foundation.

Jung, R. 2012. Can We Say, What's behind All those Sherds? Ceramic Innovations in the Eastern Mediterranean at the End of the Second Millennium. In *Materiality and Social Practice: Transformative Capacities*

of Intercultural Encounters, ed. J. Maranand P. W. Stockhammer, 104–20. Oxford: Oxbow Books.

Kahn, D. 2011. One Step Forward, Two Steps Backward: the Relations between Amenhotep III, King of Egypt and Tushratta, King of Mitanni. In *Egypt, Canaan and Israel: History, Imperialism, Ideology and Literature: Proceedings of a Conference at the University of Haifa, 3–7 May 2009*, ed. S. Bar, D. Kahn, and J.J. Shirley, 136–54. Leiden: Brill.

Kahn, D. 2012. A Geo-Political and Historical Perspective of Merneptah's Policy in Canaan. In *The Ancient Near East in the 12th–10th Centuries BCE: Culture and History. Proceedings of the International Conference Held at the University of Haifa, 2–5 May, 2010*, ed. G. Galil, A. Gilboa, A. M. Maeir, and D. Kahn, 255–68. AOAT 392. Munster: Ugarit-Verlag.

Kammenhuber, A. 1961. *Hippologia hethitica*. Wiesbaden: O. Harrassowitz.

Kamrin, J. 2013. The Procession of «Asiatics» at Beni Hasan. In *Cultures in Contact: From Mesopotamia to the Mediterranean in the Second Millennium B. C.*, ed. J. Aruz, S.B. Gra, and Y. Rakic, 156–69. New York: Metropolitan Museum of Art.

Kaniewski, D., Paulissen E., Van Campo E., Weiss H., Otto T., Bretschneider J., and Van Lerberghe K. 2010. Late Second-Early First Millennium BC Abrupt Climate Changes in Coastal Syria and their Possible Significance for the History of the Eastern Mediterranean. *Quaternary Research* 74: 207–15.

Kaniewski, D., Van Campo E., Van Lerberghe K., Boiy T., Vansteenhuyse K., Jans G., Nys K., Weiss H., Morhange C., Otto T., and Bretschneider J. 2011. The Sea Peoples, from Cuneiform Tablets to Carbon Dating. *PloS ONE* 6/6: e20232.

Kaniewski, D., Van Campo E., Guiot J., Le Burel S., Otto T., and Baeteman C. 2013. Environmental Roots of the Late Bronze Age Crisis. *PloS ONE* 8/8: e71004.

Kaniewski, D., Van Campo E., and Weiss H. 2012. Drought Is a Recurring Challenge in the Middle East. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 109/10: 3862–67.

Kantor, H. J. 1947. *The Aegean and the Orient in the Second Millennium BC*. AIA Monograph no. 1. Bloomington, IN: Principia Press.

Karageorghis, V. 1982. *Cyprus: From the Stone Age to the Romans*. London: Thames and Hudson.

Karageorghis, V. 1992. The Crisis Years: Cyprus. In *The Crisis Years: the 12th Century B. C.*, ed. Ward W. A. and Joukowsky M. S., 79–86. Dubuque, IA: Kendall/Hunt Publishing Co.

Karageorghis, V. 2011. What Happened in Cyprus c. 1200 BC: Hybridization, Creolization or Immigration? An Introduction. In *On Cooking Pots, Drinking Cups, Loomweights and Ethnicity in Bronze Age Cyprus and Neighbouring Regions. An International Archaeological Symposium Held in Nicosia, November 6th–7th 2010*, ed. V Karageorghis and O. Kouka, 19–28. Nicosia: A. G. Leventis Foundation.

Kelder, J. M. 2010. *The Kingdom of Mycenae: A Great Kingdom in the Late Bronze Age Aegean*. Bethesda, MD: CDL Press.

Kelder, J. M. 2012. Ahhiyawa and the World of the Great Kings: A Reevaluation of Mycenaean Political Structures. *Talanta* 44: 1–12.

Keller, C. A. 2005. The Joint Reign of Hatshepsut and Tutmosis III. In *Hatshepsut: From Queen to Pharaoh*, ed. C. Roehrig, 96–98. New Haven: Yale University Press.

Kempinski, A. 1989. *Megiddo: A City-State and Royal Centre in North Israel*. Munich: Verlag C. H. Beck.

Kilian, K. 1990. Mycenaean Colonization: Norm and Variety. In *Greek Colonists and Native Populations: Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology Held in Honour of Emeritus Professor A. D. Trendall*, ed. J. — P. Descoeudres, 445–67. Oxford: Clarendon Press.

Kilian, K. 1996. Earthquakes and Archaeological Context at 13th Century BC Tiryns. In *Archaeoseismology*, ed. S. Stiros and R.E. Jones, 63–68. Fitch Laboratory Occasional Papers 7. Athens: British School at Athens.

Killebrew, A. E. 1998. Ceramic Typology and Technology of Late Bronze II and Iron I Assemblages from Tel Mique-Ekron: the Transition from Canaanite to Philistine Culture. In *Mediterranean Peoples in Transition: Thirteenth to Early Tenth Centuries BCE*, ed. S. Gitin, A. Mazar, and E. Stern, 379–405. Jerusalem: Israel Exploration Society.

Killebrew, A. E. 2000. Aegean-Style Early Philistine Pottery in Canaan during the Iron I Age: A Stylistic Analysis of Mycenaean IIIc: 1b Pottery and Its Associated Wares. In *The Sea Peoples and their World: A*

Reassessment, ed. E.D. Oren, 233–53. Philadelphia: University of Pennsylvania.

Killebrew, A. E. 2005. *Biblical Peoples and Ethnicity. An Archaeological Study of Egyptians, Canaanites, Philistines, and Early Israel 1300–1100 B.C.E.* Atlanta: Society of Biblical Literature.

Killebrew, A. E. 2006–7. The Philistines in Context: the Transmission and Appropriation of Mycenaean-Style Culture in the East Aegean, Southeastern Coastal Anatolia, and the Levant. *Scripta Mediterranea* 27–28: 245–66.

Killebrew, A. E. 2013. Early Philistine Pottery Technology at Tel Miqne-Ekron: Implications for the Late Bronze-Early Iron Age Transition in the Eastern Mediterranean. In *The Philistines and Other «Sea Peoples» in Text and Archaeology*, ed. A.E. Killebrew and G. Lehmann, 77–129. Atlanta: Society of Biblical Literature.

Killebrew, A. E. and Lehmann G. 2013. Introduction: the World of the Philistines and Other «Sea Peoples». In *The Philistines and Other «Sea Peoples» in Text and Archaeology*, ed. A. E. Killebrew and G. Lehmann, 1–17. Atlanta: Society of Biblical Literature.

Killebrew, A. E. and Lehmann, G., eds. 2013. *The Philistines and Other «Sea Peoples» in Text and Archaeology.* Atlanta: Society of Biblical Literature.

Kitchen, K. A. 1965. Theban Topographical Lists, Old and New. *Orientalia* 34: 5–6.

Kitchen, K. A. 1966. Aegean Place Names in a List of Amenophis III. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 191: 23–24.

Kitchen, K. A. 1982. *Pharaoh Triumphant: the Life and Times of Ramesses II.* Warminster: Aris & Phillips.

Kitchen, K. A. 2012. Ramesses III and the Ramesside Period. In *Ramesses III: the Life and Times of Egypt's Last Hero*, ed. Cline E. H. and O'Connor D., 1–26. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Knapp, A. B. 1991. Spice, Drugs, Grain and Grog: Organic Goods in Bronze Age East Mediterranean Trade. In *Bronze Age Trade in the Aegean*, ed. N.H. Gale, 21–68. Jonsered: Paul Astrom Forlag.

Knapp, A. B. 2012. Matter of Fact: Transcultural Contacts in the Late Bronze Age Eastern Mediterranean. In *Materiality and Social Practice: Transformative Capacities of Intercultural Encounters*, ed. J. Maran and P. W. Stockhammer, 32–50. Oxford: Oxbow Books.

Kochavi, M. 1977. *Aphek-Antipatris: Five Seasons of Excavation at Tel Aphek-Antipatris (1972–1976)*. Tel Aviv: the Israel Exploration Society.

Kostoula, M., and Maran J. 2012. A Group of Animal-Headed Faience Vessels from Tiryns. In *All the Wisdom of the East: Studies in Near Eastern Archaeology and History in Honor of Eliezer D. Oren* ed. Gruber M., Ahituv S., Lehmann G., and Talshir X., 193–234. *Orbis Biblicus et Orientalis* 255. Fribourg: Vandenhoeck & Ruprecht Gottingen.

Kuhrt, A. 1995. *The Ancient Near East c. 3000–330 BC*. Vol. 1. London: Routledge.

Lackenbacher, S. 1995a. La correspondance internationale dans les archives d'Ugarit. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 89: 67–75.

Lackenbacher, S. 1995b. Une correspondance entre l'Administration du Pharaon Merneptah et le Roi d'Ougarit. In *Le Pays d'Ougarit autour de 1200 av.J. — C.: Histoire et archéologie. Actes du Colloque International; Paris, 28 juin–1er juillet 1993*, ed. M. Yon, M. Sznycer, and P. Bordreuil, 77–83. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations.

Lackenbacher, S., and Malbran-Labat F. 2005. Ugarit et les Hittites dans les archives de la «Maison d'Urtenu.» *Studi micenei ed egeo-anatolici* 47: 227–40.

Lagarce, J., and Lagarce E. 1978. Découvertes archéologiques à Ras Ibn Hani près de Ras Shamra: un palais du roi d'Ugarit, des tablettes inscrites en caractères cunéiformes, un petit établissement des peuples de la mer et une ville hellénistique. *Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres* 1978: 45–64.

Langgut, D., Finkelstein I., and Litt T. 2013. *Climate and the Late Bronze Collapse: New Evidence from the Southern Levant*. Tel Aviv 40:149–75.

Latacz, J. 2004. *Troy and Homer: Towards a Solution of an Old Mystery*. Oxford: Oxford University Press.

Leach, J. W., and Leach E., eds. 1983. *The Kula: New Perspectives on Mass Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lebrun, R. 1995. Ougarit et le Hatti à la fin du XIIIe siècle av.J. — C. In *Le Pays d'Ougarit autour de 1200 av. J. — C.: Histoire et archéologie. Actes du Colloque International; Paris, 28 juin–1er juillet 1993*, ed. M. Yon, M. Sznycer, and P. Bordreuil, 85–88. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations.

Lehmann, G. 2013. Aegean-Style Pottery in Syria and Lebanon during Iron Age I. In *The Philistines and Other «Sea Peoples» in Text and Archaeology*, ed. A. E. Killebrew and Lehmann G., 265–328. Atlanta: Society of Biblical Literature.

Lemaire, A. 2012. West Semitic Epigraphy and the History of the Levant during the 12th–10th Centuries BCE. In *The Ancient Near East in the 12th–10th Centuries BCE: Culture and History. Proceedings of the International Conference Held at the University of Haifa, 2–5 May, 2010*, ed. Galil G., Gilboa A., Maeir A.M., and Kahn D., 291–307. AOAT 392. Munster: Ugarit-Verlag.

Liverani, M. 1987. The Collapse of the Near Eastern Regional System at the End of the Bronze Age: e Case of Syria. In *Centre and Periphery in the Ancient World*, ed. M. Rowlands, Larsen M., and Kristiansen K., 66–73. Cambridge: Cambridge University Press.

Liverani, M. 1990. *Prestige and Interest: International Relations in the Near East ca. 1600–1100 B.C.*. Padua: Sargon Press.

Liverani, M. 1995. La Fin d'Ougarit: Quand? Pourquoi? Comment? In *Le Pays d'Ougarit autour de 1200 av. J. — C.: Histoire et archeologie. Actes du Colloque International; Paris, 28 juin–1er juillet 1993*, ed. M. Yon, Sznycer M., and Bordreuil P., 113–17. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations.

Liverani, M. 2001. *International Relations in the Ancient Near East, 1600–1100 BC*. London: Palgrave.

Liverani, M. 2003. The Influence of Political Institutions on Trade in the Ancient Near East (Late Bronze to Early Iron Ages). In *Mercanti e politica nel Mondo Antico*, ed. C. Zaccagnini, 119–37. Rome: L'Erma di Bretschneider.

Liverani, M. 2009. Exploring Collapse. In *Scienze del Vantichita: Storia Archeologia Antropologia* 15: 15–22.

Loader, N. C. 1998. *Building in Cyclopean Masonry: With Special Reference to the Mycenaean Fortifications on Mainland Greece*. Jonsered: Paul Astroms Forlag.

Lolos, Y. G. 2003. Cypro-Mycenaean Relations ca. 1200 BC: Point Iria in the Gulf of Argos and Old Salamis in the Saronic Gulf. In *Sea Routes...: Interconnections in the Mediterranean 16th–6th c. BC. Proceedings of the International Symposium Held at Rethymnon, Crete in September 29th–October 2nd 2002*, ed. N. Chr. Stampolidis and V.

Karageorghis, 101–16. Athens: University of Crete and the A.G. Leventis Foundation.

Lorenz, E. N. 1969. Atmospheric Predictability as Revealed by Naturally Occurring Analogues. *Journal of the Atmospheric Sciences* 26/4: 636–46.

Lorenz, E. N. 1972. Predictability: Does the Flap of a Butterfly's Wings in Brazil Set Off a Tornado in Texas? Paper presented at the annual meeting of the American Association for the Advancement of Science.

Loud, G. 1939. *Megiddo Ivories*. Chicago: University of Chicago Press.

Loud, G. 1948. *Megiddo II: Season of 1935–39*. Chicago: University of Chicago Press.

Maeir, A. M., Hitchcock L. A., and Horwitz L. K. 2013. On the Constitution and Transformation of Philistine Identity. *Oxford Journal of Archaeology* 32/1: 1–38.

Malbran-Labat, F. 1995. La decouverte epigraphique de 1994 a Ougarit (Les textes Akkadiens). *Studi micenei ed egeo-anatolici* 36: 103–11.

Malinowski, B. 1922. *Argonauts of the Western Pacific*. New York: Dutton.

Mallowan, A. C. (Agatha Christie). 1976. *Come, Tell Me How You Live*. New York: HarperCollins.

Manning, S. W. 1999. A Test of Time: the Volcano of Crete and the Chronology and History of the Aegean and East Mediterranean in the Mid-second Millennium BC. Oxford: Oxbow Books.

Manning, S. W. 2010. Eruption of Crete/Santorini. In *The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean*, ed. E.H. Cline, 457–74. New York: Oxford University Press.

Manning S.W., Pulak C., Kromer B., Talamo S., Bronk C. Ramsey, and M. Dee. 2009. Absolute Age of the Uluburun Shipwreck: A Key Late Bronze Age Time-Capsule for the East Mediterranean. In *Tree-Rings, Kings, and Old World Archaeology and Environment*, ed. S. W. Manning and M.J. Bruce, 163–87. Oxford: Oxbow Books.

Maqdissi, al-, M., Badawy M., Bretschneider J., Hameeuw H., Jans G., Vansteenhuyse K., Voet G., and Van Lerberghe K. 2008. The Occupation Levels of Tell Tweini and their Historical Implications. In *Proceedings of the 51st Rencontre Assyriologique Internationale Held at the Oriental*

Institute of the University of Chicago, July 18–22, 2005, ed. Biggs R.D., Myers J., and Roth M.T., 341–50. Chicago: University of Chicago Press.

Maran, J. 2004. The Spreading of Objects and Ideas in the Late Bronze Age Eastern Mediterranean: Two Case Examples from the Argolid of the 13th and 12th Centuries B.C. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 336: 11–30.

Maran, J. 2009. The Crisis Years? Reflections on Signs of Instability in the Last Decades of the Mycenaean Palaces. In *Scienze del Vantichita: Storia Archeologia Antropologia* 15: 241–62.

Maran, J. 2010. Tiryns. In *The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean*, ed. E.H. Cline, 722–34. New York: Oxford University Press.

Marom, N., and Zuckerman S. 2012. The zooarchaeology of Exclusion and Expropriation: Looking Up from the Lower City in Late Bronze Age Hazor. *Journal of Anthropological Archaeology* 31: 573–85.

Master, D. M., Stager L. E., and Yasur-Landau A. 2011. Chronological Observations at the Dawn of the Iron Age in Ashkelon. *Egypt and the Levant* 21: 261–80.

Mauss, M. 1990. *The Gift: the Form and Reason for Exchange in Archaic Societies*. New York: W. W. Norton.

McAnany, P. A., and Yoffee N. 2010. *Questioning Collapse: Human Resilience, Ecological Vulnerability, and the Aftermath of Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.

McCall, H. 2001. *The Life of Max Mallowan: Archaeology and Agatha Christie*. London: British Museum Press.

McClellan, T. L. 1992. Twelfth Century B.C. Syria: Comments on H. Sader's Paper. In *The Crisis Years: the 12th Century B.C.*, ed. W. A. Ward and M. S. Joukowsky, 164–73. Dubuque, IA: Kendall/Hunt Publishing Co.

McGeough, K. M. 2007. *Exchange Relationships at Ugarit*. Leuven: Peeters.

McGeough, K. M. 2011. *Ugaritic Economic Tablets: Text, Translation and Notes*. Edited by Mark S. Smith. Leuven: Peeters.

Merola, M. 2007. Messages from the Dead. *Archaeology* 60/1: 20–27.

Middleton, G. D. 2010. *The Collapse of Palatial Society in LB A Greece and the Postpalatial Period*. BAR International Series 2110. Oxford: Archaeopress.

Middleton, G. D. 2012. Nothing Lasts Forever: Environmental Discourses on the Collapse of Past Societies. *Journal of Archaeological*

Research 20: 257–307.

Millard, A. 1995. The Last Tablets of Ugarit. In *Le Pays d'Ougarit autour de 1200 av. J. — C.: Histoire et archéologie. Actes du Colloque International*; Paris, 28 juin–1er juillet 1993, ed. M. Yon, M. Sznycer, and P. Bordreuil, 119–24. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations.

Millard, A. 2012. Scripts and their Uses in the 12th–10th Centuries BCE. In *The Ancient Near East in the 12th–10th Centuries BCE: Culture and History. Proceedings of the International Conference Held at the University of Haifa, 2–5 May, 2010*, ed. Galil G., Gilboa A., Maeir A. M., and Kahn D., 405–12. AOAT 392. Münster: Ugarit-Verlag.

Miller, J. M., and Hayes J. H. 2006. *A History of Ancient Israel and Judah*. 2nd Edition. Louisville, KY: Westminster John Knox Press.

Momigliano, N. 2009. Duncan Mackenzie: A Cautious Canny Highlander and the Palace of Minos at Knossos. *Bulletin of the Institute of Classical Studies Supplement* no. 72. London: University of London.

Monroe, C. M. 2009. *Scales of Fate: Trade, Tradition, and Transformation in the Eastern Mediterranean ca. 1350–1175 BCE*. Münster: Ugarit-Verlag.

Monroe, C. M. 2010. Sunk Costs at Late Bronze Age Uluburun. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 357: 19–33.

Moran, W. L. 1992. *The Amarna Letters*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Morandi Bonacossi, D. 2013. The Crisis of Qatna at the Beginning of the Late Bronze Age II and the Iron Age II Settlement Revival Towards the Collapse of the Late Bronze Age Palace System in the Northern Levant. In *Across the Border: Late Bronze — Iron Age Relations between Syria and Anatolia. Proceedings of a Symposium Held at the Research Center of Anatolian Studies, Koç University, Istanbul May 31–June 1, 2010*, ed. K. A. Yener, 113–46. Leuven: Peeters.

Mountjoy, P. A. 1997. The Destruction of the Palace at Pylos Reconsidered. *Annual of the British School at Athens* 92: 109–37.

Mountjoy, P. A. 1999a. The Destruction of Troia VIh. *Studia Troica* 9: 253–93.

Mountjoy, P. A. 1999b. Troia VII Reconsidered. *Studia Troica* 9: 295–346.

Mountjoy, P. A. 2005. The End of the Bronze Age at Enkomi, Cyprus: the Problem of Level IIIB. *Annual of the British School at Athens* 100: 125–

Mountjoy, P. A. 2006. Mykenische Keramik in Troia — Ein Überblick. In *Troia: Archäologie eines Siedlungshügels und seiner Landschaft*, ed. M.O. Korfman, 241–52. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern.

Mountjoy, P. A. 2013. The Mycenaean IIC Pottery at Tel Mique-Ekron. In *The Philistines and Other «Sea Peoples» in Text and Archaeology*, ed. Killebrew A.E. and Lehmann G., 53–75. Atlanta: Society of Biblical Literature.

Muhlenbruch, T. 2007. The Post-Palatial Settlement in the Lower Citadel of Tiryns. In *LH IIC Chronology and Synchronisms II: LH IIC Middle*. Proceedings of the International Workshop Held at the Austrian Academy of Sciences at Vienna, October 29th and 30th, 2004, ed. S. Deger-Jalkotzy and Zavadil M., 243–51. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Muhlenbruch, T. 2009. Tiryns— the Settlement and Its History in LH IIC. In *LH IIC Chronology and Synchronisms III: LH IIC Late and the Transition to the Early Iron Age*. Proceedings of the International Workshop Held at the Austrian Academy of Sciences at Vienna, February 23rd and 24th, 2007, ed. Deger-Jalkotzy S. and Bachle E., 313–26. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Muhly, J. D. 1984. The Role of the Sea Peoples in Cyprus during the LC III Period. In *Cyprus at the Close of the Late Bronze Age*, ed. Karageorghis V. and Muhly J.D., 39–56. Nicosia: Leventis.

Muhly, J. D. 1992. The Crisis Years in the Mediterranean World: Transition or Cultural Disintegration? In *The Crisis Years: the 12th Century B. C.*, ed. W.A. Ward and Joukowsky M. S., 10–22. Dubuque, IA: Kendall/Hunt Publishing Co.

Murray, Sarah C. 2013. Trade, Imports and Society in Early Greece. Ph.D. Dissertation, Stanford University.

Mynarova, J. 2007. Language of Amarna — Language of Diplomacy: Perspectives on the Amarna Letters. Prague: Czech Institute of Egyptology.

Neve, P. J. 1989. Bogazkoy-Hattusha. New Results of the Excavations in the Upper City. *Anatolica* 16: 7–19.

Newberry, P. E. 1893. Beni Hasan, vol. 1. Archaeological Survey of Egypt 1. London: Egypt Exploration Fund.

Nibbi, A. 1975. The Sea Peoples and Egypt. Park Ridge, NJ: Noyes Press. Niemeier, W. — D. 1991. Minoan Artisans Travelling Overseas: the

Alalakh Frescoes and the Painted Plaster Floor at Tel Kabri (Western Galilee). In *Alalakh: L'Égée préhistorique et la mer*, ed. R. Laffineur and L. Basch, 189–201. *Aegaeum* 7. Liege: Université de Liege.

Niemeier, W. — D. 1999. Mycenaeans and Hittites in War in Western Asia Minor. In *Polemos: Le contexte guerrier en Égée à l'âge du Bronze*, ed. R. Laffineur, 141–55. Liege: Université de Liege.

Niemeier, W. — D., and Niemeier B. 1998. «Minoan Frescoes in the Eastern Mediterranean». In *The Aegean and the Orient in the Second Millennium*, ed. E.H. Cline and D. Harris-Cline, 69–97. *Aegaeum* 18. Liege: Université de Liege; Austin: University of Texas at Austin.

Nougayrol, J. 1956. *Textes accadiens des archives Sud. Le Palais Royal d'Ugarit* 4. Paris: Librairie C. Klincksieck. Nougayrol, J., E. Laroche, C. Virolleaud, and C.F.A. Schaeffer. 1968. *Ugaritica* 5. *Mission de Ras Shamra* 16. Paris: Geuthner.

Nur, A., and Burgess D. 2008. *Apocalypse: Earthquakes, Archaeology, and the Wrath of God*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Nur, A., and Cline E.H. 2000. Poseidon's Horses: Plate Tectonics and Earthquake Storms in the Late Bronze Age Aegean and Eastern Mediterranean. *Journal of Archaeological Science* 27: 43–63.

Nur, A., and Cline E.H. 2001. What Triggered the Collapse? Earthquake Storms. *Archaeology Odyssey* 4/5: 31–36, 62–63.

Nur, A., and Ron H. 1997. Armageddon's Earthquakes. *International Geology Review* 39: 532–41.

Nyland, A. 2009. *The Kikkuli Method of Horse Training*. 2009 Revised Edition. Sydney: Mafyannu Press.

O'Connor, D., and Cline E.H., eds. 1998. *Amenhotep III: Perspectives on His Reign*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Oldfather, C. H. 1961. *Diodorus Siculus: Library of History*. Loeb Classical Library, vol. 303. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Oren, E. D., ed. 1997. *The Hyksos: New Historical and Archaeological Perspectives*. Philadelphia: University of Pennsylvania.

Oren, E. D., ed. 2000. *The Sea Peoples and their World: A Reassessment*. Philadelphia: University of Pennsylvania.

Palaima, T. G. 1991. Maritime Matters in the Linear B Tablets. In *Alalakh: L'Égée préhistorique et la mer*, ed. R. Laffineur and L. Basch, 273–310. *Aegaeum* 7. Liege: Université de Liege.

Palaima, T. G. 1995. The Last Days of the Pylos Polity. In *Politeia: Society and State in the Aegean Bronze Age*, ed. W. — D. Niemeier and R. Laffineur, 265–87. *Aegaeum* 12. Liege: Universite de Liege.

Panagiotopoulos, D. 2006. Foreigners in Egypt in the Time of Hatshepsut and Tutmose III. In *Tutmose III: A New Biography*, ed. Cline E.H. and O'Connor D., 370–412. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Pardee, D. 2003. Ugaritic Letters. In *The Context of Scripture*, vol. 3, *Archival Documents from the Biblical World*, ed. W.W. Hallo, 87–116. Leiden: E.J. Brill.

Paul, K. A. 2011. Bronze Age Aegean Influence in the Mediterranean: Dissecting Reflections of Globalization in Prehistory. M A thesis, George Washington University.

Payton, R. 1991. The Ulu Burun Writing-Board Set. *Anatolian Studies* 41: 99–106.

Pendlebury, J.D.S. 1930. *Aegyptiaca: A Catalogue of Egyptian Objects in the Aegean Area*. Cambridge: Cambridge University Press.

Pfalzner, P. 2008a. Between the Aegean and Syria: the Wall Paintings from the Royal Palace of Qatna. In *Fundstellen Gesammelte Schri en zur Archaologie und Geschichte Altvorderasiens ad honorem Hartmut Kiihne*, ed. Bonatz D., Czichon R. M., and Kreppner F.J., 95–118. Wiesbaden: Harrassowitz.

Pfalzner, P. 2008b. e Royal Palace at Qatna: Power and Prestige in the Late Bronze Age. In *Beyond Babylon: Art, Trade, and Diplomacy in the Second Millennium B. C. Catalogue of an Exhibition at the Metropolitan Museum of Art, New York*, ed. J. Aruz, 219–21. New York: Metropolitan Museum of Art.

Phelps, W., Lolos Y., and Vichos Y., eds. 1999. *The Point Iria Wreck: Interconnections in the Mediterranean ca. 1200 BC*. Athens: Hellenic Institute of Marine Archaeology.

Phillips, J. 2008. *Aegyptiaca on the Island of Crete in eir Chronological Context: A Critical Review*. Vols.1 and 2. Vienna: Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften/Austrian Academy of Sciences Press.

Phillips, J., and Cline E.H. 2005. Amenhotep III and Mycenae: New Evidence. In *Autochthon: Papers Presented to O.T.PK. Dickinson on the Occasion of His Retirement*, ed. A. Dakouri-Hild and E.S. Sherratt, 317–28. BAR International Series 1432. Oxford: Archaeopress.

Pitard, W. T. 1999. The Written Sources: 2. The Alphabetic Ugaritic Tablets. In *Handbook of Ugaritic Studies*, ed. W.G.E. Watson and N. Wyatt, 46–57. Leiden: Brill.

Podany, A. H. 2010. *Brotherhood of Kings: How International Relations Shaped the Ancient Near East*. New York: Oxford University Press.

Porada, E. 1981. The Cylinder Seals Found at Thebes in Boeotia. *Archiv fur Orientforschung* 28: 1–70, 77.

Porada, E. 1992. Sidelights on Life in the 13th and 12th Centuries B.C. in Assyria. In *The Crisis Years: the 12th Century B.C.*, ed. Ward W.A. and Joukowski M. S., 182–87. Dubuque, IA: Kendall/Hunt Publishing Co.

Potts, D. T. 1999. *The Archaeology of Elam: Formation and Transformation of an Ancient Iranian State*. Cambridge: Cambridge University Press.

Pritchard, J. B., ed. 1969. *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Pulak, C. 1988. The Bronze Age Shipwreck at Ulu Burun, Turkey: 1985 Campaign. *American Journal of Archaeology* 92: 1–37.

Pulak, C. 1998. The Uluburun Shipwreck: An Overview. *International Journal of Nautical Archaeology* 27/3: 188–224.

Pulak, C. 1999. Shipwreck! Recovering 3,000-Year-Old Cargo. *Archaeology Odyssey* 2/4: 18–29, 59.

Pulak, C. 2005. Who Were the Mycenaeans Aboard the Uluburun Ship? In *Emporia. Aegeans in the Central and Eastern Mediterranean*. Proceedings of the 10th International Aegean Conference. Athens, Italian School of Archaeology, 14–18 April 2004, ed. R. Laffineur and E. Greco, 295–310. *Aegaeum* 25. Liege: Universite de Liege.

Raban, A., and Stieglitz R.R. 1991. The Sea Peoples and their Contributions to Civilization. *Biblical Archaeology Review* 17/6: 35–42, 92–93.

Redford, D. B. 1967. *History and Chronology of the Eighteenth Dynasty of Egypt: Seven Studies*. Toronto: University of Toronto Press.

Redford, D. B. 1992. *Egypt, Canaan, and Israel in Ancient Times*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Redford, D. B. 1997. Textual Sources for the Hyksos Period. In *The Hyksos: New Historical and Archaeological Perspectives*, ed. E. Oren, 1–44. Philadelphia: University of Pennsylvania.

Redford, D. B. 2006. The Northern Wars of Tutmosé III. In Tutmosé III: A New Biography, ed. Cline E.H. and O'Connor D., 325–41. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Redford, S. 2002. The Harem Conspiracy: the Murder of Ramesses III. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Reeves, N. 1990. The Complete Tutankhamun. London: Thames and Hudson.

Rehak, P. 1998. Aegean Natives in the Theban Tomb Paintings: the Keftiu Revisited. In The Aegean and the Orient in the Second Millennium, ed. E.H. Cline and Harris D. - Cline, 39–49. Aegaeum 18. Liege: Université de Liege.

Renfrew, C. 1979. Systems Collapse as Social Transformation. In Transformations, Mathematical Approaches to Culture Change, ed. C. Renfrew and K.L. Cooke, 481–506. New York: Academic Press.

Richter, T. 2005. Qatna in the Late Bronze Age: Preliminary Remarks. In Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians, vol. 15, ed. D.L. Owen and G. Wilhelm, 109–26. Bethesda, MD: CDL Press.

Richter, T., and Lange S. 2012. Das Archiv des Idadda: Die Keilschrifttexte aus den deutsch-syrischen Ausgrabungen 2001–2003 im Königspalast von Qatna. Qatna- Studien. Ergebnisse der Ausgrabungen 3. Wiesbaden: Harrassowitz.

Robbins, M. 2003. Collapse of the Bronze Age: the Story of Greece, Troy, Israel, Egypt, and the Peoples of the Sea. San Jose, CA: Authors Choice Press.

Roberts, R. G. 2008. The Sea Peoples and Egypt. Ph.D. Dissertation, University of Oxford.

Roberts, R. G. 2009. Identity, Choice, and the Year 8 Reliefs of Ramesses III at Medinet Habu. In Forces of Transformation: the End of the Bronze Age in the Mediterranean, ed. C. Bachhuber and R. G. Roberts, 60–68. Oxford: Oxbow Books.

Roehrig, C., ed. 2005. Hatshepsut: From Queen to Pharaoh, 75–81. New Haven: Yale University Press.

Rohling, E. J., Hayes A., Mayewski P. A., and Kucera M. 2009. Holocene Climate Variability in the Eastern Mediterranean, and the End of the Bronze Age. In Forces of Transformation: the End of the Bronze Age in the Mediterranean, ed. C. Bachhuber and R.G. Roberts, 2–5. Oxford: Oxbow Books.

Roth, A. M. 2005. Hatshepsut's Mortuary Temple at Deir el-Bahri. In *Hatshepsut: From Queen to Pharaoh*, ed. C. Roehrig, 147–51. New Haven: Yale University Press.

Routledge, B., and McGeough K. 2009. Just What Collapsed? A Network Perspective on 'Palatial' and 'Private' Trade at Ugarit. In *Forces of Transformation: the End of the Bronze Age in the Mediterranean*, ed. C. Bachhuber and R.G. Roberts, 22–29. Oxford: Oxbow Books.

Rubalcaba, J., and Cline E.H. 2011. *Digging for Troy: From Homer to Hisarlik*. Watertown, MA: Charlesbridge.

Rutter, J. B. 1992. Cultural Novelties in the Post-Palatial Aegean: Indices of Vitality or Decline? In *The Crisis Years: the 12th Century B. C.*, ed. W.A. Ward and Joukowsky M. S., 61–78. Dubuque, IA: Kendall/Hunt Publishing Co.

Ryan, D. P. 2010. *Beneath the Sands of Egypt: Adventures of an Unconventional Archaeologist*. New York: HarperCollins Publishers.

Sandars, N. K. 1985. *The Sea Peoples: Warriors of the Ancient Mediterranean*. Revised Edition. London: Thames and Hudson.

Schaeffer, C. F. A. 1948. *Stratigraphie comparee et chronologie de l'Asie occidentale*. London: Oxford University Press.

Schaeffer, C. F. A. 1962. *Ugaritica 4*. Mission de Ras Shamra 15. Paris: Geuthner.

Schaeffer, C. F. A. 1968. Commentaires sur les lettres et documents trouves dans les bibliotheques privees d'Ugarit. In *Ugaritica 5*, 607–768. Paris: Geuthner.

Schliemann, H. 1878. *Mycenae*. Leipzig: F. A. Brockhaus.

Schulman, A. R. 1979. Diplomatic Marriage in the Egyptian New Kingdom. *Journal of Near Eastern Studies* 38: 177–93.

Schulman, A. R. 1988. Hittites, Helmets and Amarna: Akhenaten's First Hittite War. In *The Akhenaten Temple Project*, vol. 2, Rwd-Mnw, Foreigners and Inscriptions, ed. D.B. Redford, 54–79. Toronto: Akhenaten Temple Project.

Schwartz, G. M., and Nichols J. J. 2006. *After Collapse: the Regeneration of Complex Societies*. Tucson: University of Arizona Press.

Seeher, J. 2001. Die zerstörung der Stadt Hattusa. In *Akten IV. Internationalen Kongress für Hethitologie*. Würzburg, 4–8. Oktober 1999, ed. G. Wilhelm, 623–34. Wiesbaden: Harrassowitz.

Sharon, I., and A. Gilboa. 2013. «SKL Town: Dor in the Early Iron Age. In *The Philistines and Other «Sea Peoples» in Text and Archaeology*, ed. A.E. Killebrew and Lehmann G., 393–468. Atlanta: Society of Biblical Literature.

Shelmerdine, C. W. 1998a. Where Do We Go from Here? And How Can the Linear B Tablets Help Us Get there? In *The Aegean and the Orient in the Second Millennium. Proceedings of the 50th Anniversary Symposium, Cincinnati, 18–20 April 1997*, ed. E.H. Cline and D. Harris-Cline, 291–99. *Aegaeum* 18. Liege: Universite de Liege.

Shelmerdine, C. W. 1998b. The Palace and Its Operations. In *Sandy Pylos. An Archaeological History from Nestor to Navarino*, ed. J. L. Davis, 81–96. Austin: University of Texas Press.

Shelmerdine, C. W. 1999. Pylian Polemics: the Latest Evidence on Military Matters. In *Polemos: Le contexte en Egee a l'Age du Bronze. Actes de la 7e*

Rencontre egeenne internationale (Liege 1998), ed. Laffineur R., 403–8. *Aegaeum* 19. Liege: Universite de Liege.

Shelmerdine, C. W. 2001. «Palatial Bronze Age of the Southern and Central Greek Mainland. In *Aegean Prehistory: A Review*, ed. T. Cullen, 329–82. Boston: Archaeological Institute of America.

Shelmerdine, C. W., ed. 2008. *The Cambridge Companion to the Aegean Bronze Age*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sherratt, S. 1998. «Sea Peoples» and the Economic Structure of the Late Second Millennium in the Eastern Mediterranean. In *Mediterranean Peoples in Transition: Thirteenth to Early Tenth Centuries BCE*, ed. S. Gitin, A. Mazar, and Stern E., 292–313. Jerusalem: Israel Exploration Society.

Sherratt, S. 2003. The Mediterranean Economy: «Globalization» at the End of the Second Millennium B.C.E. In *Symbiosis, Symbolism, and the Power of the Past: Canaan, Ancient Israel, and their Neighbors from the Late Bronze Age through Roman Palaestina. Proceedings of the Centennial Symposium W. F. Albright Institute of Archaeological Research and American Schools of Oriental Research, Jerusalem, May 29–31, 2000*, ed. W. G. Dever and S. Gitin, 37–54. Winona Lake, IN: Eisenbrauns.

Sherratt, S. 2013. The Ceramic Phenomenon of the «Sea Peoples»: An Overview. In *The Philistines and Other «Sea Peoples» in Text and*

Archaeology, ed. Killebrew A.E. and Lehmann G., 619–44. Atlanta: Society of Biblical Literature.

Shrimpton, G. 1987. Regional Drought and the Economic Decline of Mycenae. *Echos du monde classique* 31: 133–77.

Silberman, N. A. 1998. The Sea Peoples, the Victorians, and Us: Modern Social Ideology and Changing Archaeological Interpretations of the Late Bronze Age Collapse. In *Mediterranean Peoples in Transition: Thirteenth to Early Tenth Centuries BCE*, ed. S. Gitin, A. Mazar, and E. Stern, 268–75. Jerusalem: Israel Exploration Society.

Singer, I. 1999. A Political History of Ugarit. In *Handbook of Ugaritic Studies*, ed. W.G.E. Watson and N. Wyatt, 603–733. Leiden: Brill.

Singer, I. 2000. New Evidence on the End of the Hittite Empire. In *The Sea Peoples and their World: A Reassessment*, ed. Oren E.D., 21–33. Philadelphia: University of Pennsylvania. Singer, I. 2001. The Fate of Hattusa during the Period of Tarhuntassa's Supremacy. In *Kulturgeschichte: altorientalistische Studien für Volkert Haas zum 65. Geburtstag*, 395–403. Saarbrücken: Saarbrücker Druckerei und Verlag.

Singer, I. 2002. Hittite Prayers. Atlanta: Society of Biblical Literature.

Singer, I. 2006. Ships Bound for Lukka: A New Interpretation of the Companion Letters RS 94.2530 and RS 94.2523. *Altorientalische Forschungen* 33: 242–62.

Singer, I. 2012. The Philistines in the North and the Kingdom of Taita. In *The Ancient Near East in the 12th–10th Centuries BCE: Culture and History. Proceedings of the International Conference Held at the University of Haifa, 2–5 May, 2010*, ed. Galil G., Gilboa A., Maeir A. M., and Kahn D., 451–72. AOAT 392. Münster: Ugarit-Verlag.

Smith, P. 2004. Skeletal Remains from Level VI. In *The Renewed Archaeological Excavations at Lachish (1973–1994)*, ed. D. Ussishkin, 2504–7. Tel Aviv: Tel Aviv University.

Snape, S. R. 2012. The Legacy of Ramesses III and the Libyan Ascendancy. In *Ramesses III: the Life and Times of Egypt's Last Hero*, ed. E.H. Cline and D. O'Connor, 404–41. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Sorensen, A. H. 2009. Approaching Levantine Shores. Aspects of Cretan Contacts with Western Asia during the MM-LM I Periods. In *Proceedings of the Danish Institute at Athens 6*, ed. E. Hallager and S. Riisager, 9–55. Athens: Danish Institute at Athens.

Sourouzian, H. 2004. Beyond Memnon: Buried for More an 3,300 Years, Remnants of Amenhotep III's Extraordinary Mortuary Temple at Kom el-Hettan Rise from beneath the Earth. *ICON magazine*, Summer 2004, 10–17.

Sourouzian, H., Stadelmann R., Hampikian N., Seco Alvarez M., Nouredine I., Elesawy M., Lopez Marcos M. A., and Perzlmeier C. 2006. Three Seasons of Work at the Temple of Amenhotep III at Kom El Hettan. Part III: Works in the Dewatered Area of the Peristyle Court and the Hypostyle Hall. *Annales du Service des antiquites de TEgypte* 80: 401–88.

Stager, L. E. 1995. The Impact of the Sea Peoples in Canaan. In *The Archaeology of Society in the Holy Land*, ed. T. E. Levy, 332–48. London: Leicester University Press.

Steel, L. 2004. *Cyprus before History: Fwm the Earliest Settlers to the End of the Bmnze Age*. London: Gerald Duckworth & Co.

Steel, L. 2013. *Materiality and Consumption in the Bmnze Age Mediterranean*. New York: Routledge.

Stern, E. 1994. *Dorf Ruler of the Seas: Twelve Years of Excavations at the Israelite — Phoenician Harbor Town on the Carmel Coast*. Jerusalem: Israel Exploration Society.

Stern, E. 1998. The Relations between the Sea Peoples and the Phoenicians in the Twelfth and Eleventh Centuries BCE. In *Mediterranean Peoples in Transition: Thirteenth to Early Tenth Centuries BCE*, ed. Gitin S., Mazar A., and Stern E., 345–52. Jerusalem: Israel Exploration Society.

Stern, E. 2000. The Settlement of the Sea Peoples in Northern Israel. In *The Sea Peoples and their World: A Reassessment*, ed. Oren E.D., 197–212. Philadelphia: University of Pennsylvania.

Stern, E. 2012. Archaeological Remains of the Northern Sea People along the Sharon and Carmel Coasts and the Acco and Jezreel Valleys. In *The Ancient Near East in the 12th — 10th Centuries BCE: Culture and History. Proceedings of the International Conference Held at the University of Haifa, 2–5 May, 2010*, ed. Galil G., Gilboa A., Maeir A. M., and Kahn D., 473–507. AOAT 392. Munster: Ugarit-Verlag.

Stiros, S. C., and Jones R.E., eds. 1996. *Archaeoseismology*. Fitch Laboratory Occasional Paper no. 7. Athens: British School at Athens.

Stockhammer, P. W. 2013. From Hybridity to Entanglement, from Essentialism to Practice. *Archaeological Review from Cambridge* 28/1: 11–28.

- Strange, J. 1980. *Caphtor/Keftiu*. Leiden: E. J. Brill.
- Strauss, B. 2006. *The Trojan War: A New History*. New York: Simon & Schuster.
- Strobel, K. 2013. Qadesh, Sea Peoples, and Anatolian-Levantine Interactions. In *Across the Border: Late Bronze-Iron Age Relations between Syria and Anatolia. Proceedings of a Symposium Held at the Research Center of Anatolian Studies, K d University, Istanbul May 31-June 1, 2010*, ed. K.A. Yener, 501–38. Leuven: Peeters.
- Tainter, J. A. 1988. *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Taylour, W. D. 1969. Mycenae, 1968. *Antiquity* 43: 91–97.
- Troy, L. 2006. Religion and Cult during the Time of Tutmose III. In *Tutmose III: A New Biography*, ed. Cline E.H. and O’Connor D., 123–82. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Trumpler, C. 2001. *Agatha Christie and Archaeology*. London: British Museum Press.
- Tsountas, C., and Manat J. 1.1897. *The Mycenaean Age*. London: Macmillan and Co.
- Tyldesley, J. 1998. *Hatchepsut: the Female Pharaoh*. London: Penguin Books.
- Uberoi, J. P. Singh. 1962. *Politics of the Kula Ring*. Manchester: Manchester University Press.
- Unal, A., Ertekin A., and Ediz 1.1991. The Hittite Sword from Bogazkoy — Hattusa, Found 1991, and Its Akkadian Inscription. *Muze* 4: 46–52.
- Ussishkin, D. 1987. Lachish: Key to the Israelite Conquest of Canaan? *Biblical Archaeology Review* 13/1: 18–39.
- Ussishkin, D. 1995. The Destruction of Megiddo at the End of the Late Bronze Age and Its Historical Significance. In *Mediterranean Peoples in Transition: Thirteenth to Early Tenth Centuries BCE*, ed. Gitin S., Mazar A., and Stern E., 197–219. Jerusalem: Israel Exploration Society.
- Ussishkin, D. 2004a. *The Renewed Archaeological Excavations at Lachish (1973–1994)*. Tel Aviv: Tel Aviv University.
- Ussishkin, D. 2004b. A Synopsis of the Stratigraphical, Chronological and Historical Issues. In *The Renewed Archaeological Excavations at Lachish (1973–1994)*, ed. Ussishkin D., 50–119. Tel Aviv: Tel Aviv University.

Ussishkin, D. 2004c. Area P: the Level VI Temple. In *The Renewed Archaeological Excavations at Lachish (1973–1994)*, ed. D. Ussishkin, 215–81. Tel Aviv: Tel Aviv University.

Ussishkin, D. 2004d. A Cache of Bronze Artefacts from Level VI. In *The Renewed Archaeological Excavations at Lachish (1973–1994)*, ed. Ussishkin D., 1584–88. Tel Aviv: Tel Aviv University.

Vagnetti, L. 2000. Western Mediterranean Overview: Peninsular Italy, Sicily and Sardinia at the Time of the Sea Peoples. In *The Sea Peoples and their World: A Reassessment*, ed. E.D. Oren, 305–26. Philadelphia: University of Pennsylvania.

Van De Mieroop, Marc. 2007. *A History of the Ancient Near East ca. 3000–323 BC*. 2nd Edition. Malden, MA: Blackwell Publishing.

Van Soldt, W. 1991. *Studies in the Akkadian of Ugarit: Dating and Grammar*. Neukirchen: Neukirchener Verlag.

Van Soldt, W. 1999. The Written Sources: 1. the Syllabic Akkadian Texts. In *Handbook of Ugaritic Studies*, ed. W.G.E. Watson and N. Wyatt, 28–45. Leiden: Brill.

Vansteenhuyse, K. 2010. The Bronze to Iron Age Transition at Tell Tweini (Syria). In *Societies in Transition: Evolutionary Processes in the Northern Levant between Late Bronze Age II and Early Iron Age*. Papers Presented on the Occasion of the 20th Anniversary of the New Excavations in Tell As-S. Bologna, 15th November 2007, ed. F. Venturi, 39–52. Bologna: Clueb.

Voskos, I., and Knapp A.B. 2008. Cyprus at the End of the Late Bronze Age: Crisis and Colonization, or Continuity and Hybridization? *American Journal of Archaeology* 112: 659–84.

Wachsmann, S. 1987. *Aegeans in the Theban Tombs*. *Orientalia Lovaniensia Analecta* 20. Leuven: Uitgeverij Peeters.

Wachsmann, S. 1998. *Seagoing Ships & Seamanship in the Bronze Age Levant*. College Station: Texas A&M University Press.

Wallace, S. 2010. *Ancient Crete. From Successful Collapse to Democracy's Alternatives, Twelfth to Fifth Centuries BC*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ward, W. A., and Joukowski M. S., eds. 1992. *The Crisis Years: the 12th century B.C. from beyond the Danube to the Tigris*. Dubuque, IA: Kendall/Hunt Publishing Co.

Wardle, K. A., Crouwel J., and French E. 1973. A Group of Late Helladic 11 IB 2 Pottery from within the Citadel at Mycenae: 'the Causeway Deposit.' *Annual of the British School at Athens* 68: 297–348.

Weinstein, J. 1989. The Gold Scarab of Nefertiti from Ulu Burun: Its Implications for Egyptian History and Egyptian-Aegean Relations. *American Journal of Archaeology* 93: 17–29.

Weinstein, J. 1992. The Collapse of the Egyptian Empire in the Southern Levant. In *The Crisis Years: the 12th Century B. C.*, ed. Ward W. A. and Joukowsky M. S., 142–50. Dubuque, I A: Kendall/Hunt Publishing Co.

Weiss, H. 2012. Quantifying Collapse: the Late third Millennium BC. In *Seven Generations since the Fall of Akkad*, ed. Weiss H., vii–24. Wiesbaden: Harrassowitz.

Wente, E. F. 2003a. The Quarrel of Apophis and Seknenre. In *The Literature of Ancient Egypt*, ed. W. K. Simpson, 69–71. New Haven: Yale University Press.

Wente, E. F. 2003b. The Report of Wenamun. In *The Literature of Ancient Egypt*, ed. Simpson W. K., 116–24. New Haven: Yale University Press.

Wilson, J. 1969. The War against the Peoples of the Sea. In *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*, 3rd Edition with Supplement, ed. Pritchard J., 262–63. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Wood, M. 1996. *In Search of the Trojan War*. 2nd Edition. Berkeley: University of California Press.

Yakar, J. 2003. Identifying Migrations in the Archaeological Records of Anatolia. In *Identifying Changes: the Transition from Bronze to Iron Ages in Anatolia and Its Neighbouring Regions*. Proceedings of the International Workshop, Istanbul November 8–9, 2002, ed. Fischer B., Genz H., Jean E., and Korog K. lu, 11–19. Istanbul: Turk Eskigag Bilimleri Enstitiisii Yayinlan.

Yalgin, S. 2013. A Reevaluation of the Late Bronze to Early Iron Age Transitional Period: Stratigraphic Sequence and Plain Ware of Tarsus-Gozliikule. In *Across the Border: Late Bronze — Iron Age Relations between Syria and Anatolia*. Proceedings of a Symposium held at the Research Center of Anatolian Studies, Kogd University, Istanbul May 31-June 1, 2010, ed. K. A. Yener, 195–211. Leuven: Peeters.

Yasur-Landau, A. 2003a. One If by Sea... Two If by Land: How Did the Philistines Get to Canaan? Two: By Land — the Trek through Anatolia Followed a Well-Trod Route. *Biblical Archaeology Review* 29/2:34–39, 66–67.

Yasur-Landau, A. 2003b. The Many Faces of Colonization: 12th Century Aegean Settlements in Cyprus and the Levant. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 3/1: 45–54.

Yasur-Landau, A. 2003c. Why Can't We Find the Origin of the Philistines? In Search of the Source of a Peripheral Aegean Culture. In *The 2nd International Interdisciplinary Colloquium: the Periphery of the Mycenaean World*. 26–30 September; Lamia 1999, ed. N. Kyparissi-Apostolika and M. Papakonstantinou, 578–98. Athens: Ministry of Culture.

Yasur-Landau, A. 2003d. The Absolute Chronology of the Late Helladic IIIC Period: A View from the Levant. In *LH IIIC Chronology and Synchronisms. Proceedings of the International Workshop Held at the Austrian Academy of Sciences at Vienna, May 7th and 8th, 2001*, ed. Deger-Jalkotzy S. and Zavadil M., 235–44. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Yasur-Landau, A. 2007. Let's Do the Time Warp Again: Migration Processes and the Absolute Chronology of the Philistine Settlement. In *The Synchronisation of Civilisations in the Eastern Mediterranean in the Second Millennium B. C. III, Proceedings of the SCIEM2000–2nd EuroConference*, Vienna, 28th of May–1st of June 2003, ed. Bietak M. and Czerny E., 610–17. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Yasur-Landau, A. 2010a. *The Philistines and Aegean Migration at the End of the Late Bronze Age*. Cambridge: Cambridge University Press.

Yasur-Landau, A. 2010b. On Birds and Dragons: A Note on the Sea Peoples and Mycenaean Ships. In *Pax Hethitica. Studies on the Hittites and their Neighbours in Honor of Itamar Singer*, ed. Cohen Y., Gilan A., and Miller J. L., 399–410. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Yasur-Landau, A. 2012a. The Role of the Canaanite Population in the Aegean Migration to the Southern Levant in the Late Second Millennium BCE. In *Materiality and Social Practice: Transformative Capacities of Intercultural Encounters*, ed. Maran J. and Stockhammer P. W., 191–97. Oxford: Oxbow Books.

Yasur-Landau, A. 2012b. Chariots, Spears and Wagons: Anatolian and Aegean Elements in the Medinet Habu Land Battle Relief. In *The Ancient*

Near East in the 12th–10th Centuries BCE: Culture and History. Proceedings of the International Conference Held at the University of Haifa, 2–5 May, 2010, ed. Galil G., Gilboa A., Maeir A. M., and Kahn D., 549–67. AOAT 392. Munster: Ugarit-Verlag.

Yener, K. A. 2013a. New Excavations at Alalakh: the 14th–12th Centuries BC. In *Across the Border: Late Bronze-Iron Age Relations between Syria and Anatolia. Proceedings of a Symposium held at the Research Center of Anatolian Studies, Koc University, Istanbul May 31–June 1, 2010*, ed. Yener K. A., 11–35. Leuven: Peeters.

Yener, K. A. 2013b. Recent Excavations at Alalakh: throne Embellishments in Middle Bronze Age Level VII. In *Cultures in Contact: From Mesopotamia to the Mediterranean in the Second Millennium B. C.*, ed. Aruz J., Gra S. B., and Rakic Y., 142–53. New York: Metropolitan Museum of Art.

Yoffee, N., and Cowgill G. L., eds. 1988. *The Collapse of Ancient States and Civilization*. Tucson: University of Arizona.

Yon, M. 1992. The End of the Kingdom of Ugarit. In *The Crisis Years: The 12th Century B. C.*, ed. W. A. Ward and M.S. Joukowsky, 111–22. Dubuque, IA: Kendall/Hunt Publishing Co.

Yon, M. 2003. The Foreign Relations of Ugarit. In *Sea Routes...: Interconnections in the Mediterranean 16th–6th c. BC. Proceedings of the International Symposium Held at Rethymnon, Crete in September 29th–October 2nd 2002*, ed. Chr. Stampolidis N. and Karageorghis V., 41–51. Athens: University of Crete and the A. G. Leventis Foundation.

Yon, M. 2006. *The City of Ugarit at Tell Ras Shamra*. Winona Lake, IN: Eisenbrauns.

Yon, M. and Arnaud D. 2001. *Études Ougaritiques I: Travaux 1985–1995*. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations.

Yon, M., Sznycer M., and Bordreuil P 1995. *Le Pays d'Ugarit autour de 1200 av. J. — C.: Histoire et archéologie. Actes du Colloque International; Paris, 28 juin–1er juillet 1993*. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations.

Zaccagnini, C. 1983. Patterns of Mobility among Ancient Near Eastern Craftsmen. *Journal of Near Eastern Studies* 42: 250–54.

Zeiger, A. 2012. 3,000-Year-Old Wheat Traces Said to Support Biblical Account of Israelite Conquest; Archaeologist Amnon Ben-Tor

Claims Find at Tel Hazor Is a Remnant of Joshua's Military Campaign in 13th Century BCE. *Times of Israel*, July 23, 2012.

Zertal, A. 2002. Philistine Kin Found in Early Israel. *Biblical Archaeology Review* 28/3:18–31, 60–61.

Zettler, R. L. 1992. 12th Century B. C. Babylonia: Continuity and Change. In *The Crisis Years: the 12th Century B.C.*, ed. Ward W.A. and Joukowsky M. S., 174–81. Dubuque, IA: Kendall/Hunt Publishing Co.

Zink, A. R., et al. 2012. Revisiting the Harem Conspiracy and Death of Ramesses III: Anthropological, Forensic, Radiological, and Genetic Study. *British Medical Journal* 345 (2012): 345: e8268.

Zivie, A. 1987. *The Lost Tombs of Saqqara*. Cairo: American University in Cairo Press.

Zuckerman, S. 2006. Where Is the Hazor Archive Buried? *Biblical Archaeology Review* 32/2 (2006): 28–37.

Zuckerman, S. 2007a. Anatomy of a Destruction: Crisis Architecture, Termination Rituals and the Fall of Canaanite Hazor. *Journal of Mediterranean Archaeology* 20/1: 3–32.

Zuckerman, S. 2007b. Dating the Destruction of Canaanite Hazor without Mycenaean Pottery? In *The Synchronisation of Civilisations in the Eastern Mediterranean in the Second Millennium B.C. III*, Proceedings of the SCIEM 2000–2nd Euro Conference, Vienna, 28th of May–1st of June 2003, ed. Bietak M. and Czerny E., 621–29. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Zuckerman, S. 2009. The Last Days of a Canaanite Kingdom: A View from Hazor. In *Forces of Transformation: The End of the Bronze Age in the Mediterranean*, ed. Bachhuber C. and Roberts R. G., 100–107. Oxford: Oxbow Books.

Zuckerman, S. 2010. «The City, Its Gods Will Return ere...»: Toward an Alternative Interpretation of Hazor's Acropolis in the Late Bronze Age. *Journal of Near Eastern Studies* 69/2: 163–78.

Zwickel, W. 2012. The Change from Egyptian to Philistine Hegemony in South-Western Palestine during the Time of Ramesses III or IV. In *The Ancient Near East in the 12th–10th Centuries BCE: Culture and History*. Proceedings of the International Conference Held at the University of Haifa, 2–5 May, 2010, ed. Galil G., Gilboa A., Maeir A. M., and Kahn D., 595–601. AOAT 392. Munster: Ugarit-Verlag.

notes

Примечания

В этом я согласен с Дженнингсом (см.: Jennings 2011), который недавно писал о глобализации в Древнем мире. См. также: Sherratt 2003; эта статья, опубликованная десять лет назад, актуальна и сегодня, а Кейти Пол ныне защитила диссертацию по данной теме под моим руководством.

См.: Diamond 2005; а также: Tainter 1988 и переработанное издание: Yoffee and Cowgill 1988; еще обсуждение в: Killebrew 2005:33–34; Liverani 2009; Middleton 2010:18–19,24,53; Middleton 2012; Butzer 2012; Butzer and Endfeld 2012. О возвышении и падении империй с точки зрения теории мировых систем, которая вызвала жаркую дискуссию, см.: Frank 1993; Frank and Gillis 1993; Frank and Thompson 2005. Недавно состоялась конференция в Иерусалиме (декабрь 2011 г.) под названием «Анализируя коллапс: разрушение, уход и память»).

См.: Bell 2012: 180.

Транслитерация хеттских имен и названий на русский язык не является устоявшейся: встречаются и варианты с окончанием на гласную, и такие, где в конце добавляется «с». В настоящем тексте принят вариант написания имен с концевым «с» (Тудхалияс, Мурсилис и т. д.), но в названиях, как в данном случае, сохранена конечная гласная. — *Примечание редакции.*

См.: Bell 2012: 180-81.

См.: Sherratt 2003: 53–54, а также: Singer 2012.

См.: Braudel 2001: 114.

См.: Mallowan 1976; McCall 2001; Trumpler 2001.

См.: Roberts 2008: 5; Робертс указывает, что первым использовал этот термин Эммануил де Руж («peuples de la тег») в своей статье 1867 г.; см. также: Dothan and Dothan 1992: 23–24; Roberts 2009; Killebrew and Lehmann 2013: 1.

См., например, недавнюю дискуссию в: Killebrew 2005, Yasur-Landau 2010a и Singer 2012.

См.: Kitchen 1982:238-39; Monroe 2009:33–34. Некоторые египтологи помещают восьмой год правления Рамсеса III чуть ранее (1186 г. до н. э.) или чуть позднее (1175 г. до н. э.), поскольку датировка лет правления древнеегипетских фараонов является приблизительной и во многом представляет собой, так сказать, прихоть конкретных археологов и историков; в данной книге принимается, что Рамсес правил с 1184 по 1153 год до нашей эры.

См.: Raban and Stieglitz 1991; Cifola 1994; Wachsmann 1998:163-97; Barako 2001, 2003a, 2003b; Yasur-Landau 2003a; Yasur-Landau 2010a: 102-21, 171-86, 336-42; Demand 2011: 201-3.

Цит. по: Edgerton and Wilson 1936: pi. 46; revised trans., Wilson 1969: 262-63; см. также: Dothan, T. 1982: 5-13, with illustrations.

Имеется в виду хурритское царство, существовавшее в XVI–XIV столетиях до нашей эры. — *Примечание редакции.*

См. компиляцию всех сведений из египетских и прочих древних первоисточников о «народах моря», от правления Аменхотепа III, фараона Восемнадцатой династии, до Рамсеса IX (Двадцатая династия) и позднее: Adams and Cohen (2013) in Killebrew and Lehmann (eds.) 2013: 645-64 and tables 1–2.

См. Roberts 2008: 1–8; Sandars 1985: 117-37, 157-77; Vagnetti 2000; Cline and O'Connor 2003; Van De Mieroop 2007: 241-43; Halpern 2006-7; Middleton 2010:83; Killebrew and Lehmann 2013:8-11; Emanuel 2013: 14–27. См. также ниже о керамике и других артефактах материальной культуры.

См. обсуждение в: Cline and O'Connor 2003; Sandars 1985: 50,133 и Emanuel 2013:14–27. Отмечается (Killebrew and Lehmann 2013:7–8), что лукка и дануны также упоминаются в ранних египетских надписях времен Аменхотепа III и Эхнатона; см. таблицы 1–2 и приложение (Adams and Cohen 2013), а еще: Artzy 2013: 329-32.

См.: Амос 9:7 и Иер 47:4, где Крит именуется соответственно Киром и Кафтором. См. также работу: Hitchcock 2014.

См.: Roberts 2008: 1–3; Dothan and Dothan 1992: 13–28. Также: Finkelstein 2000: 159–61 и Finkelstein 2007: 517, где ярко описано, как ранние археологи (такие как Олбрайт) отождествляли пелесетов с филистимлянами; Dothan, T. 1982, Killebrew 2005: 206–34, Yasur-Landau 2010a: 2–3, 216–81 о материальных остатках филистимской культуры; недавнее подробное и комплексное обсуждение: Maeir, Hitchcock, and Horwitz 2013; Hitchcock and Maeir 2013; также Hitchcock 2011 и Stockhammer 2013.

См. Cifola 1991; Wachsmann 1998; Drews 2000; Yasur-Landau 2010b, 2012b; Bouzek 2011.

См. Breasted 1930: x-xi. Биография Брестеда: Abt (2011). Абт указывает, что Рокфеллер тайно выделил дополнительную сумму на расходы — на случай, если понадобится, — но не стал сообщать об этом Брестеду.

См., например: Raban and Stieglitz 1991.

Цит. по: Edgerton and Wilson 1936: рi. 46; перераб. перев.: Wilson 1969: 262-63.

Иначе «Большой папирус Харриса», или «Папирус Харриса I»; древнеегипетский папирус из собрания Британского музея (коллекция Э. Харриса), содержит перечень храмовых пожертвований и краткую «хронику» правления Рамсеса. — *Примечание редакции.*

Цит. по: Breasted 1906 (reprinted 2001) 4:201; Sandars 1985: 133.
См. также: Zwickel 2012.

См. Kahn 2012.

Цит. по: Edel 1961; См. Bakry 1973.

См. Breasted 1906 (2001) 3:253.

Цит. no: Breasted 1906 (2001) 3:241, 243, 249.

В истории Древнего Египта — период наивысшего расцвета цивилизации (с Восемнадцатой по Двадцатую династию фараонов, приблизительно с 1550 по 1070 год до нашей эры). — *Примечание редакции.*

См. обсуждение в: Sandars 1985:105-15; Cline and O'Connor 2003; Halpern 2006-7.

Группа кочевых скотоводческих племен, захватили власть в дельте Нила в середине XVII столетия до нашей эры, затем основали собственную династию правителей.

См. <http://www.livescience.com/22267-severed-hands-ancient-egypt-palace.html> и <http://www.livescience.com/22266-grisly-ancient-practice-gold-of-valor.html> (дата доступа 15 августа, 2012 г.).

Цит. по: Edgerton and Wilson 1936: pis. 37–39.

См.: Ben Dor Evian 2011: 11–22.

См. RS 20.238 (Ugaritica 5.24); цит. по: Beckman 1996a: 27; исходная публикация: Nougayrol et al. 1968: 87–89. См. также: Sandars 1985: 142-43; Yon 1992: 116, 119; Lebrun 1995: 86; Huehnergard 1999: 376-77; Singer 1999:720-21; Bryce 2005:333 (с неправильным указанием номера таблички). Истолкование этого письма вызывает бурные дебаты, поскольку не ясно, вправду ли это послание о помощи, и непонятно, чему в целом посвящалось послание.

См.: Schaeffer 1962: 31–37; также: Nougayrol et al. 1968: 87–89; Sandars 1985: 142–43; Drews 1993: 13–14.

См. обсуждение в: Sandars 1985; Drews 1993; Cifola 1994; также выступления в сборниках докладов: Ward and Joukowsky (1992) и Oren (1997). Противоположную точку зрения см. в: Raban and Stieglitz 1991 и в докладах: Killebrew and Lehmann 2013.

См.: Monroe 2009; Yasur-Landau 2010a; также выступления в сборниках докладов: Bachhuber and Roberts (2009), Galil et al. (2012) и Killebrew and Lehmann (2013); также краткий обзор в: Hitchcock and Maeir 2013 и Strobel 2013.

35См.: Bryce 2012: 13.

См. Roberts 2008:1-19. Также обсуждение в: Roberts 2009; Drews 1992:21–24; Drews 1993:48–72; Silberman 1998; Killebrew and Lehmann 2013: 1–2.

В названии главы обыгрывается название пьесы Б. Шоу «Оружие и человек», которое, в свою очередь, является парафразом цитаты из «Энеиды» Вергилия («Об оружии и о человеке пою»). — *Примечание редакции.*

См.: Cline 1995b, с примечаниями; также: Cline, Yasur-Landau, and Goshen 2011, с примечаниями.

См.: Bietak 1996, 2005; также: Bietak, Marinatos, and Palyvou 2007.

См.: Kamrin 2013.

См. Oren 1997.

См. Wente 2003a: 69–71.

ит. no: Pritchard 1969: 554-55; Habachi 1972: 37, 49; Redford, D. B. 1992: 120; Redford, D. B. 1997: 14.

См. Bietak 1996: 80.

См. Heimpel 2003: 3–4.

См. Dailey 1984: 89–93, esp. 91–92.

О подобном см.: Cline 1995a: 150; ранее: Zaccagnini 1983: 250-54; Liverani 1990: 227–29. О контактах минойцев с Месопотамией см.: Heltzer 1989 и Sorensen 2009; ранее также: Cline 1994: 24–30, о контактах между Эгейским бассейном и Месопотамией.

См.: Cline 1994: 126-28 (D. 3-12).

Цит. по: Durard 1983: 454–55; см. также: Cline 1994: 127 (D.7).

См. обсуждение в: Cline 1994, 1995a, 1999a, 2007a и 2010.

См.: Cline 1994: 126 (D.2), а также: Heltzer 1989.

См.: Evans 1921–35.

См.: Momigliano 2009.

Опубликовано немало книг о минойцах и их обществе; см., например: Castleden 1993 и Fitton 2002; также см.: Cline (ed.) 2010.

О Хиане см.: Cline 1994: 210 (по. 680) с примечаниями.

О Тутмосе см.: Cline 1994: 217 (по.742) с примечаниями.

Перевод Г. Стратановского. — *Примечание редакции.*

См.: Cline 1999a: 129–30.

См.: Pendlebury 1930. О самом Пендлбери: Grundon 2007.
Исходная работа Пендлбери ныне выпущена в виде двухтомника; см.:
Phillips 2008.

См.: Cline and Cline 1991.

См.: Panagiotopoulos 2006: 379, 392–93.

Цит. по: Strange 1980:45–46. См. также: Wachsmann 1987:35–37, 94; Cline 1994:109–10 (А. 12) с примечаниями; Rehak 1998; Panagiotopoulos 2006: 382–83.

См.: Troy 2006: 146–50.

См.: Panagiotopoulos 2006: 379–80.

См.: Panagiotopoulos 2006: 380–87.

ит. по: Strange 1980:97–98. См. также: Wachsmann 1987:120–21;
Cline 1994: HO (A. 13).

См.: Strange 1980: 74; Wachsmann 1987: 119–21; Cline 1994: 110 (A.14).

66Cм.: Panagiotopoulos 2006: 380–83.

Я впервые указал на это в докладе на ежегодной конференции Археологического института Америки; см.: Cline 1995a: 146, также: Cline 1994: 110–11 (A.16); Panagiotopoulos 2006: 381–82.

См.: Panagiotopoulos 2006:372–73,394; возражения: Liverani 2001: 176–82. См. также: Cline 1995a: 146–47; Cline 1994: HO (A.15).

Тутмос стал фараоном, женившись на сестре Аменхотепа I Яхмес, после смерти Аменхотепа, который не оставил наследников. — *Примечание редакции.*

См.: Clayton 1994: 101–2; Allen 2005: 261; Dorman 2005a: 87–88; Keller 2005:96–98.

См.: Tyldesley 1998: 1; Dorman 2005a: 88. См. также: <http://www.drhawass.com/blog/press-release-identifying-hatshepsuts-mummy> (дата доступа 29 декабря, 2010 г.).

См.: Clayton 1994: 105; Dorman 2005b: 107–9.

См.: Tyldesley 1998: 144.

См.: Clayton 1994: 106–7; Tyldesley 1998: 145–53; Liverani 2001: 166–69; Keller 2005:96–98; Roth 2005:149; Panagiotopoulos 2006:379–80.

См. Panagiotopoulos 2006: 373.

Цит. по: Strange 1980: 16–20, no. 1; См. Cline 1997a: 193.

См. Cline 1997a: 194–96.

См. Ryan 2010: 277, также: 5–28, 260–81 (обсуждение раскопок Райана). См. также отчеты, например: http://www.guardians.net/hawass/hatshepsut/search_for_hatshepsut.htm и [http://www.drhawass.com/blog/press-release — identifying-hatshepsuts-mummy](http://www.drhawass.com/blog/press-release—identifying-hatshepsuts-mummy) (дата доступа 29 декабря, 2010 г.).

О походе Тутмоса и взятии Мегиддо см.: Cline 2000: глава 1 с примечаниями; также (очень кратко): Allen 2005: 261–62.

См.: Cline 2000: 28.

См.: Darnell and Manassa 2007: 139–42; Podany 2010: 131–34.

См.: Podany 2010: 134.

Классический перевод на немецкий был опубликован Камменхубером в 1961 г. Современная попытка использовать способ Киккули: Nyland 2009.

См.: Redford, D. B. 2006: 333–34; Darnell and Manassa 2007: 141;
также: сообщенной А. Подани в личной беседе 23 мая 2013 г.

См.: Bryce 2005: 140.

См. мою гипотезу: Cline 1997a: 196. Обсуждение моих взглядов на восстание Ассува и Аххияву, в том числе подробности и выводы: Cline 2013: 54–68; Cline 1996 и Cline 1997a. Также: Вгусе 2005: 124–27, с примечаниями, и соответствующий раздел в: Beckman, Bryce, and Cline 2011.

Цит. по: Unal, Ertekin, and Ediz 1991: 51; Ertekin and Ediz 1993: 721; Cline 1996: 137–38; Cline 1997a: 189–90.

О хеттах и содержании следующих абзацев см. работы: Вгусе 2002, 2005, 2012; Collins 2007.

См. обсуждение в: Вгусе 2012: 64–75.

См.: Вгусе 2012: 47–49 и далее о Новохеттском царстве и мире вокруг.

См.: Вгусе 2012: 13–14; также: Вгусе 2005.

См.: Hittite Law no. 13; цит. по: Hoffner 2007: 219.

Для западной историографии свойственно широко использовать термин «империя» и применять его ко всем эпохам и государственным образованиям; следуя отечественной традиции, в настоящем тексте этот термин употребляется крайне редко. — *Примечание редакции.*

Иначе Анхесенатон, Ануксанамун; египетская царица, главная жена Тутанхамона, дочь Эхнатона и Нефертити. — *Примечание редакции.*

Как упоминалось выше, подробно моя точка зрения изложена и обоснована в: Cline 2013: 54–68; также: Cline 1996; Cline 1997a и соответствующий раздел в: Beckman, Blythe, and Cline 2011.

Цит. по: Carruba 1977: 158–61; см. также Cline 1996: 141 с обсуждением и примечаниями.

Цит. по: Houwink ten Cate 1970: 62 (также 72 п. 99, 81); см.: Cline 1996: 143 с примечаниями.

См.: Cline 1996: 145–46; Cline 1997a: 192.

См. примечания в: Cline 2010: 177–79.

См. примечания в: Cline 1994, 1996 и 1997a (обсуждение местонахождения Аххиявы) и также: Beckman, Bryce, and Cline 2011, равно как и: Kelder 2010 и Kelder 2012.

Тип погребальных построек, распространенных в Средиземноморье в бронзовый и железный века, фактически курган с каменным подкурганым помещением (помещениями). — *Примечание редакции.*

О деятельности Шлимана (с библиографией) см.: Rubalcaba and Cline 2011.

См.: Schliemann 1878; Tsountas and Manatt 1897.

См. Blegen and Rawson 1966:5–6; ранее: Blegen and Kourouniotis 1939: 563–64.

О сегодняшнем представлении о микенцах см. статьи в: Cline (ed.) 2010.

О микенских артефактах в Египте и на Ближнем Востоке см.: Cline 1994 (переизд. 2009) и библиографию.

См.: Cline 1996: 149; также: Cline 2013: 54–68.

См.: Cline 1997a: 197–98 и Cline 2013: 43–49 с примечаниями.

Перевод Н. Гнедича. — *Примечание редакции.*

Перевод: Fagles 1990: 185.

См.: Cline 1997a: 202–3.

См.: Kantor 1947: 73.

См.: Panagiotopoulos 2006: 406 n. 1: «Нет причин полагать, что Хатшепсут была пацифисткой, поскольку имеются надежные свидетельства минимум четырех, если не шести военных кампаний в ее правление, и одну из этих кампаний она возглавляла лично». См. также: Redford, D. B. 1967: 57–62.

В названии главы обыгрывается название одноименной голливудской романтической комедии 1957 г. — *Примечание редакции.*

См.: Cline 1998: 236–37; Sourouzian 2004. Также см. замечания ученого из Кембриджа Мэри Берд об этих статуях: <http://timesonline.typepad.com/donsJife/2011/01/the-colossi-of-memnon.html> (дата доступа 16 января, 2011 г.).

Работа над «эгейским списком» началась в 2000 г.; полная база была составлена весной 2005 г. на основе восьмисот фрагментов. См. обсуждение в: Sourouzian et al. 2006: 405–6, 433–35, pis. XXIIa, c.

См. Kitchen 1965: 5–6; Kitchen 1966.

По поводу первой публикации списков см.: Edel 1966; Edel and Gorg 2005. Соображения других ученых и альтернативные гипотезы: Hankey 1981; Cline 1987 и 1998, с цитатами из ранних работ.

См.: Cline and Stannish 2011.

См.: Cline 1987, 1990, 1994 и 1998; Phillips and Cline 2005.

См.: Cline 1987: 10; Cline 1990.

Имеется в виду храм (несколько храмов) внутри крепостных стен Микен. — *Примечание редакции.*

См. Cline 1994: xvii-xviii, 9–11, 35, 106; Cline 1999a.

См. Cline 1998: 248; также: Cline 1987 и Cline and Stannish 2011: 11.

Атон считался богом солнца, который предстает в форме солнечного диска; его обычно изображали в форме этого диска с исходящими от солнца лучами. — *Примечание редакции.*

См. Mynarova 2007: 11–39.

См. Amarna Letters EA 41–44; Moran 1992: 114–17.

Музей Передней Азии, расположен на Музейном острове, на первом этаже Пергамского музея, один из ведущих археологических музеев мира. — *Примечание редакции.*

См. Cohen and Westbrook 2000.

См. Moran 1992 (перевод всех писем).

См.: Amarna Letter EA 17; цит. по: Moran 1992: 41–42.

См.: Amarna Letter EA 14; Moran 1992: 27–37.

Например, см.: Amarna Letters EA 22,24 и 25; Moran 1992:51–61, 63–84.

См. Liverani 1990; Liverani 2001:135–37. Также: Mynarova 2007: 125–31, особенно относительно «амарнского архива».

Об антропологических исследованиях см.: Cline 1995a: 143, с примечаниями и библиографией по теме.

Ugarit Letter RS 17.166, цит. Cline 1995a: 144, перевод: Liverani 1990: 200.

Hittite Letter KUB XXIII 102:1 10–19, цит. no: Cline 1995a: 144,
перевод: Liverani 1990: 200.

См. обсуждение в: Cline 1995a.

Amarna Letter EA 24; цит. по: Moran 1992: 63. См. также обсуждение отношений Тушратты и Аменхотепа III: Kahn 2011.

См.: Amarna Letter EA 20, отправлено Аменхотепу III, Moran 1992:47–50, еще: Amarna Letters EA 27–29, отправлено Эхнатону, Moran 1992: 86–99.

Amarna Letter EA 22, lines 43–49; цит. по: Moran 1992:51–61, esp. 57. Подобные царские браки не были редкостью на древнем Ближнем Востоке; см.: Liverani 1990.

Месяцы ближневосточного календаря — соответственно 4-й и 5-й; автор приводит древнееврейские названия, в Вавилоне эти месяцы назывались «дуузу» и «абу». В современном григорианском календаре это приблизительно июль и август. — *Примечание редакции.*

См.: Cline 1998: 248.

Amarna Letter EA 4; цит. по: Moran 1992: 8–10.

Amarna Letter EA 1; цит. по: Moran 1992: 1–5.

Amarna Letters EA 2–3, 5; Moran 1992: 6–8, 10–11.

Мина — одна из древнейших единиц измерения веса, ее значение варьировалось в разных странах от 300 г до 1 кг; в Вавилоне мина составляла приблизительно 0,5 кг. — *Примечание редакции.*

См., например, Amarna Letters EA 19; цит. по: Moran 1992: 4.

Amarna Letter EA 3; цит. по: Moran 1992: 7.

Автор использует современный термин «абиссинское золото», то есть медный сплав, имитирующий золото по цвету. — *Примечание редакции.*

Amarna Letters EA 7 и 10; цит. по: Moran 1992:12–16, 19–20. См.
также: Podany 2010: 249–52.

Amarna Letter EA 7; цит. по: Moran 1992: 14.

Amarna Letter EA 7; Moran 1992: 14. См. также письмо 8, где Бурна-Буриаш жалуется Эхнатону на другое нападение на купцов, причем купцы погибли; Moran 1992: 16–17.

Французский социолог М. Мосс подчеркивал, что жители Меланезии, вопреки выводам Малиновского, проводят четкое различие между «обменом подарками» (круг Куду) и рыночным обменом (бартером). — *Примечание редакции.*

Кумарби — сын бога неба Ану, восставший против отца; оскотил Ану, и из семени последнего родился бог грозы Тешуб. Позднее сам Тешуб убил Кумарби, который злоумышлял против него. Здесь очевидны параллели с греческими мифами об Уране, Кроносе и Зевсе. — *Примечание редакции.*

См.: Malinowski 1922; также: Uberti 1962; Leach and Leach 1983; Mauss 1990: 27–29; Cline 1995a.

Уже отмечалось в: Cline 1995a: 149–50, с примечаниями и библиографией по теме.

Отмечалось в: Cline 1995a: 150. Также см.: Zaccagnini 1983: 25054; Liverani 1990: 227–29; Niemeier 1991; Bietak 1992: 26–28. Еще: Niemeier and Niemeier 1998; Pfalzner 2008a, 2008b; Hitchcock 2005, 2008; Cline and Yasur-Landau 2013.

Античная единица веса, составлявшая приблизительно от 16 до 26 кг; «прототипом» греческого был вавилонский талант (два варианта — 30 и 60 кг соответственно). Можно предположить, что в данном случае речь идет о таланте как шестидесятой части мины (ок. 8 кг). — *Примечание редакции.*

Amarna Letters EA 33–40. Отождествление Кипра с Аласией было сделано уже достаточно давно. Краткий обзор по теме см. в: Cline 2005.

Amarna Letter EA 35; Moran 1992: 107–9. Слово «талантов»
реконструировано по смыслу.

См.: Moran 1992: 39.

Amarna Letter EA 15; цит. по: Moran 1992: 37–38.

Нарицательное обозначение политического курса (по Германии времен Бисмарка), при котором все действия государства определяются не идеологией, а исключительно практическими соображениями. — *Примечание редакции.*

Amarna Letter EA 16; цит. по: Moran 1992: 38–41.

См.: Van De Mieroop 2007: 131, 138, 175; Bryce 2012: 182–83.

Журнал «Тайм» относит бюст к «10 важнейшим украденным артефактам»: см.: http://www.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,1883142_1883129_1883119,00.html (дата доступа 18 января, 2011 г.). См. также статью в «Нью-Йорк тайме»: http://www.nytimes.com/2009/10/19/world/europe/19iht-germany.html?_r=2 (дата доступа 18 января, 2011 г.).

См. слова песни, спетой комиком Стивом Мартином в телешоу в разгар «тутомании» в США в конце 1970-х годов. Клип можно без труда найти в Интернете, например, здесь: <http://www.hulu.com/watch/55342> и [http://www.nbc.com/saturday-night-live/digital-shorts/video/king — tut/1037261/](http://www.nbc.com/saturday-night-live/digital-shorts/video/king---tut/1037261/) (дата доступа 23 мая, 2013 г.).

См.: Hawass 2005: 263–72.

См.: Hawass 2010; Hawass et al. 2010.

См.: Reeves 1990: 44.

См.: Reeves 1990: 40–46.

См.: Reeves 1990: 48–51.

См.: Reeves 1990: 10.

См. фото в: Reeves 1990: 52–53.

См.: Bryce 2005: 148–59; Podany 2010: 267–71.

См.: Cline 1998:248–49. О династических браках Аменхотепа III см. также: Schulman 1979:183–85,189–90; Schulman 1988:59–60; Moran 1992: 101–3.

Цит. по: Singer 2002: 62; обсуждение см. в: Вгусе 2005: 154–55 (и 188).

См.: Yener 2013a, с примечаниями.

См.: Bryce 2005: 155–59, 161–63, 175–80; Bryce 2012: 14.

См.: Richter 2005; Merola 2007; Pfalzner 2008a, 2008b. Также: Richter and Lange 2012 (полная публикация архива); Ahrens, Dohmann-Pfalzner, and Pfalzner 2012 (глиняная печать Эхнатона); Moran di Bonacossi 2013 (кризис 1340 г. до нашей эры).

См. обсуждение в: Beckman, Bryce, and Cline 2011: 158–61.

Цит. по: Вгусе 2005: 178. Дальнейшее изложение опирается на: Вгусе 2005: 178–83. См., впрочем: Cline 2006; пересказ для детей.

Цит. по: Вгусе 2005: 180–81; номер письма — КВо ххviii 51.

Цит. по: Вгусе 2005: 181.

Цит. по: Вгусе 2005: 182.

Пример расхождения ученых во мнениях: Брайс (Bryce 2005: 179) называет вдовую царицу Анхесенамон, однако Ривз (Reeves 1990: 23) говорит, что это была Нефертити. См. также: Podany 2010: 285–89, где поддерживается версия Анхесенамон.

См.: Вгусе 2005: 183 и п. 130, с примечаниями.

См. обсуждение в: Cline 1991a: 133–43; Cline 1991b: 1–9; Cline 1994: 68–74.

См.: Cline 1998: 249.

См.: Bryce 1989a: 1–21; Bryce 1989b: 297–310.

В названии главы обыгрывается латинское выражение «*pro Aris et Focis*» (дословно — «за очаги и алтари»), которое часто встречается в трудах античных авторов, а позднее сделалось девизом многих войсковых подразделений и военизированных организаций (наподобие Американского легиона). — *Примечание редакции.*

Источники сведений весьма многообразны, но см. в особенности: Bass 1986,1987,1997,1998; Pulak 1988,1998,1999,2005; Bachhuber 2006; Cline and Yasur-Landau 2007. Также см.: Podany 2010: 256–58.

См.: Bass 1967; Bass 1973.

См.: Pulak 1998: 188.

См.: Pulak 1998: 213.

Иначе сумак; молотые ягоды одного из видов сумаха. —
Примечание редакции.

Дополнительно к работам Пулака, Басса и Баххубера см. список в: Monroe 2009: 11–12, и обсуждение на стр. 13–15, 234–38; также: Monroe 2010. Кое-что в последнее время было уточнено в лекции Пулака, прочитанной на научной конференции во Фрайбурге (Германия) в мае 2012 г.

См.: Weinstein 1989.

См.: Manning et al. 2009.

«Складная дщица» с начертанными на ней письменами; царь Прет отправил героя Беллерофонта, которого хотел погубить, с этой табличкой к своему тестю, ликийскому царю; в табличке требовалось, чтобы Беллерофонт убил чудовище Химеру. — *Примечание редакции.*

Город получил название от европейских археологов XIX века; в древности назывался Калах, располагался на берегу Тигра, к юго-востоку от современного Мосула, в IX столетии до нашей эры был столицей Ассирии. — *Примечание редакции.*

См.: Payton 1991.

RS 16.238+254; цит. по: Heltzer 1988: 12. См. также: Caubet and Matoian 1995: 100; Monroe 2009: 165–66.

RS 16.386; цит. по: Monroe 2009: 164–65.

См. Singer 1999: 634–35. О царской переписке того времени также: Nougayrol 1956.

См.: Bryce 2005: 234.

См.: Bryce 2005: 277.

См.: Bryce 2005: 236, со ссылками на предыдущие работы.

См.: Bryce 2005: 236–37.

Цит. по: Bryce 2005: 237–38, который следует Гардинеру.

См.: Bryce 2005: 235.

См.: Bryce 2005: 238–39.

См.: Bryce 2005: 277–78.

Перевод Н. Петровского. — *Примечание редакции.*

Цит. по: Вгусе 2005: 277, который следует Китчену.

См.: Bryce 2005: 277, 282, 284–85.

Цит. по: Вгусе 2005: 283, который следует Китчену.

Развернутую дискуссию о Трое и Троянской войне см. в следующей главе 6, а также в: Cline 2013; последняя работа готовилась одновременно с данной книгой и содержит многие схожие рассуждения, но выстроенные в ином порядке и с углублением в тему. В целом это развитие гипотезы, которую я впервые выдвинул в рамках аудиопроекта «Course Guide», который дополнял четырнадцать часов записи лекций под названием «Археология и «Илиада»: Троянская война у Гомера и в истории» (Recorded Books/ Modern Scholar, 2006).

См. обсуждение в: Beckman, Bryce, and Cline 2011:140–44.

См.: Beckman, Bryce and Cline 2011: 101–22.

См. Beckman, Bryce and Cline 2011: 101–22.

См. Beckman, Bryce and Cline 2011: 101–22.

См. Beckman, Bryce and Cline 2011:101–22.

См. обсуждение и ссылки в: Cline 2013. См. также: Strauss 2006.

См., например: Wood 1996; Allen 1999; Cline 2013.

См.: Mountjoy 1999a: 254–56, 258; также: Mountjoy 1999b: 298–99; Mountjoy 2006: 244–45; Cline 2013: 90.

См. обсуждение в: Cline 2013: 87–90.

См.: Loader 1998; Shelmerdine 1998b: 87; Deger-Jalkotzy 2008:388; Maran 2009:248–50; Kostoula and Maran 2012:217, со ссылкой на: Maran 2004.

См.: Hirschfeld 1990, 1992, 1996, 1999, 2010; Cline 1994: 54, 61; Cline 1999b; Cline 2007a: 195; Maran 2004; Maran 2009: 246–47.

См. Cline 1994: 50, 128–30. Также см.: Monroe 2009: 196–97, 226–27.

См.: Cline 1994:60,130 (Cat. nos. E13–14); Palaima 1991: 280–81, 291–95; Shelmerdine 1998b.

См. Cline 1994: 60, 130; также: Palaima 1991: 280–81, 291–95; Кнапп 1991. Еще: Yasur-Landau 2010a: 40, table 2.1, где сведены в таблицу эти и другие имена, которые затем переносятся на карту.

См.: Cline 1994: 50, 68–69, 128–31 (Cat. nos. E3, E7, E15–18); также: Latacz 2004:280–81, который цитирует Нимейера (Niemeier 1999: 154) относительно упоминаний на табличках из Пилоса женщин с Лемноса и Хиоса, а также, возможно, Трои (или Троады).

См.: Cline 1994:50,129 (Cat. nos. E8–11); ранее: Astour 1964:194, 1967: 336–44; также: Bell 2009: 32.

См.: Cline 1994: 35, 128 (Cat. nos. E1–2); Shelmerdine 1998a.

См. Zivie 1987.

Рассуждения о книге Исход ниже — отредактированная версия материала, впервые опубликованного мною в: Cline 2007b.

Перевод К. Бальмонта. — *Примечание редакции.*

Diodorus Siculus 1.47; цит. по: Oldfather 1961.

См. обсуждение в: Cline 2007b: 61–92 с примечаниями; также: Miller and Hayes 2006: 39–41; Bryce 2012: 187–88.

Цит. по: Pritchard 1969: 378.

См. обсуждение в: Cline 2007b: 83–85, с примечаниями; также: Hoffmeier 2005, Ben-Tor and Rubiato 1999.

См. обсуждение в: Cline 2007b: 85–87, с примечаниями.

Подобные заявления легко найти в Интернете; см., например:
[http://www.discoverynews.us/DISCOVERY%20MUSEUM/
BibleLandsDisplay/Red_Sea_Chariot_Wheels/Red_Sea_Chariot_Wheels_1.
html](http://www.discoverynews.us/DISCOVERY%20MUSEUM/BibleLandsDisplay/Red_Sea_Chariot_Wheels/Red_Sea_Chariot_Wheels_1.html) (дата доступа 27 мая, 2013 г.).

О датировке извержения, которая вызвала много споров среди ученых в последние десятилетия, см.: Manning 1999, 2010, с примечаниями.

См.: Cline 2007b, 2009a, 2009b.

См.: Zuckerman 2007a: 17, со ссылками на ранние работы Гарштанга, Ядина и Бен-Тора.; см. также: Веп-Тог 2013.

См.: Zuckerman 2007a: 24.

См.: Ben-Tor and Zuckerman 2008: 3–4, 6.

На данный момент новых данных по датировке не опубликовано.
— *Примечание редакции.*

См.: Веп-Тоґ 1998,2006,2013; Веп-Тоґ and Rubiato 1999; Zuckerman 2006, 2007a, 2007b, 2009, 2010; Веп-Тоґ and Zuckerman 2008; также: Ashkenazi 2012; Zeiger 2012; Marom and Zuckerman 2012.

См. обсуждение в: Cline 2007b: 86–92; Cline 2009a: 76–78; также: Cline 2009b.

См. Bryce 2009: 85.

См. Kuhrt 1995: 353–54; Bryce 2012: 182–83.

См. Bryce 2005:314.

См. Porada 1992:182–83; Kuhrt 1995:355–58; Singer 1999:688–90; Potts 1999: 231; Bryce 2005: 314–19; Bryce 2009: 86; Bryce 2012:182–85. Зингер относит начало правления Тукульти-Нинурты к 1233-му, а не к 1244 г. до нашей эры.

О сражении с хеттами в северной Месопотамии см.: Вгусе 2012: 54, 183–84. О возможной отправке даров в беотийские Фивы см.: обсуждение в: Porada 1981, также: Cline 1994: 25–26.

Цит. по: Beckman, Bryce, and Cline 2011: 61; ранее: Bryce 2005: 315–19.

Цит. по: Beckman, Bryce, and Cline 2011: 63.

Ранее обсуждалось в ряде моих публикаций; см., например: Cline 2007a: 197, с примечаниями.

Цит. по: Beckman, Bryce, and Cline 2011: 61; ранее: Bryce 2005: 309–10.

См. обсуждение в: Beckman, Вгусе, and Cline 2011:101–22; ранее: Вгусе 1985, 2005: 306–8.

См.: Вгусе 2005: 321–22; Demand 2011: 195. Также: Kaniewski et al. 2013 о возможной засухе на Кипре.

Цит. по: Вгусе 2005: 321; обсуждение 321–22 и 333; см. также перевод в: Beckman 1996b: 32 и обсуждение: Hoffner 1992: 48–49.

Цит. по: Beckman 1996b: 33; см. также: Bryce 2005: 332; Singer 2000: 27; Singer 1999: 719, 721–22; Hoffner 1992: 48–49; Sandars 1985: 141–42.

См.: Bryce 2005: 323, 327–33; Singer 2000: 25–27; Hoffner 1992: 48–49.

См. Singer 2000: 27.

См. Phelps, Lolos, and Vichos 1999; Lolos 2003.

См.: Bass 1967; Bass 1973.

См.: Bass 1988; Bass 2013.

См.: Cline 1994:100–101.

См.: Yon 2006: 7. Научная литература по данной теме весьма обильна, но работа Йон представляет собой краткое и информативное изложение, как ранее работа Кертиса (Curtis 1999). О политической и экономической истории Угарита см. также: Singer 1999. Еще: Podany 2010: 273–75.

См.: Caubet 2000; Yon 2003, 2006: 7–8.

См.: Yon 2006: 142–43 с описанием этих сосудов и кратким обсуждением.

См.: Dietrich and Loretz 1999; Yon 2006:7–8,44, с примечаниями.

См.: Yon 2006: 7–8, 19, 24; Lackenbacher 1995a: 72; Singer 1999: 623–27, 641–42, 680–81, 701–4. Послания царей Угарита имеют нумерацию EA 45 и 49; сюда же можно отнести письма EA 46–48; см.: Moran 1992.

См.: Van Soldt 1991; Lackenbacher 1995a: 69–70; Millard 1995:121; Huehnergard 1999: 375; Singer 1999: 704. Также см.: Singer 2006: esp. 256–58; Bell 2006: 17; McGeough 2007: 325–32.

См. Singer 1999: 657–60, 668–73; Pitard 1999: 48–51; Bell 2006: 2, 17; McGeough 2007; Bell 2012: 180.

См. Yon 2006: 20–21, с обсуждением на стр. 129–72, (меч описывается на стр. 168–69); Singer 1999: 625, 676; McGeough 2007: 297–305.

Также шекель, древняя мера золота и серебра, составляла от 9 до 17 г; 3000 сиклей равнялись одному «еврейскому» таланту (60 или 50 мин). — *Примечание редакции.*

По табличке RS 17.382 + RS 17.380; см.: Singer 1999:635;
McGeough 2007: 325.

См.: Lackenbacher 1995a; Bordreuil and Malbran-Labat 1995; Malbran-Labat 1995. Ранние гипотезы о гибели Угарита: Astour 1965 и Sandars 1985.

См.: Yon 2006: 51, 54; McGeough 2007: 183–84, 254–55, 333–35; Bell 2012: 182–83. О кипро-минойцах см.: Hirschfeld 2010, с примечаниями.

См.: Yon 2006:73–77, с примечаниями; van Soldt 1999:33–34; Bell 2006: 65; McGeough 2007: 247–49; Bell 2012: 182.

Угаритский текст RS 20.168; см.: Singer 1999: 719–20; первая публикация: Nougayrol et al. 1968: 80–83.

См.: Malbran-Labat 1995; Bordreuil and Malbran-Labat 1995; Singer 1999: 605; van Soldt 1999: 35–36; Yon 2006: 22, 87–88; Bell 2006: 67; McGeough 2007:257–59; Bell 2012:183–84. Также: Bordreuil, Pardee, and Hawley 2012.

RS 34.165. См.: Lackenbacher in Bordreuil 1991: 90–100; Hoffner 1992: 48; Singer 1999: 689–90.

См.: Singer 1999: 658–59; see now also Cohen and Singer 2006; McGeough 2007: 184, 335.

См. Singer 1999: 719–20, с обзором предыдущих исследований;
Bordreuil and Malbran-Labat 1995: 445.

См. Lackenbacher and Malbran-Labat 2005: 237–38 and nn. 69, 76; Singer 2006: 256–58; Cline and Yasur-Landau 2007: 130; Bryce 2010; Bell 2012: 184. Письмо от хеттского царя (возможно, Суппилиу-маса II) имеет номер RS 94.2530, а письмо хеттского сановника — RS 94.2523.

RS 88.2158. Lackenbacher 1995b: 77–83; Lackenbacher in Yon and Arnaud 2001: 239–47; см. обсуждение в: Singer 1999: 708–712; Singer 2000: 22.

RS 34.153; Bordreuil 1991: 75–76; цит. по: Monroe 2009: 188–89.

RS 17.450A; см. обсуждение в: Monroe 2009: 180, 188–89.

См.: Malbran-Labat 1995: 107.

См. Millard 1995:121.

См. Singer 1999: 729–30 and n. 427; Caubet 1992: 123; Yon 2006: 22; Kaniewski et al. 2011: 4–5.

См. Yon 1992: 111, 117,120; Singer 1999:730; Bell 2006:12,101–2.

Угаритский текст RS 86.2230. См.: Yon 1992: 119; Hoffner 1992: 49; Drews 1993:13; Singer 1999: 713–15; Arnaud in Yon and Arnaud 2001: 278–79 Yasur-Landau 2003d: 236; Bell 2006: 12; Yon 2006: 127; Yasur-Landau 2010a: 187; Kaniewski et al. 2010: 212; Kaniewski et al. 2011: 5.

KTU 1.78 (RS 12.061); См. Kaniewski et al. 2010: 212 и Kaniewski et al. 2011: 5, где цитируются Дитрих и Лоренц (Dietrich and Loretz 2002). При этом вопреки Деману (Demand 2011:199), который ссылается на раннюю публикацию Липински, разрушение вряд ли могло произойти столь поздно, как в 1160 г. до нашей эры.

См., например: Sandars 1985.

См.: Millard 1995: 119 and Singer 1999: 705; также см.: van Soldt 1999: 32; Yon 2006:44; Van De Mierop 2007: 245; McGeough 2007: 23637; McGeough 2011:225.

См. Yon 1992: 117; Caubet 1992: 129; McClellan 1992: 165–67; Drews 1993: 15, 17; Singer 2000: 25.

См. Courbin 1990, цит. в: Caubet 1992: 127; также: Lagarce and Lagarce 1978.

См. Bounni, Lagarce, and Saliby 1976; Bounni, Lagarce, и Saliby 1978, цит. в: Caubet 1992:124; см. также: Drews 1993:14; Singer 2000:24; Yasur-Landau 2010a: 165–66; Killebrew and Lehmann 2013: 12.

См.: Kaniewski et al. 2011: 1 и 2. Ранние обсуждения находок в этом месте: Maqdissi et al. 2008; Bretschneider and Van Lerberghe 2008, 2011; Vansteenhuyse 2010; Bretschneider, Van Vyve, and Jans 2011.

См. Kaniewski et al. 2011: 1–2.

См. Kaniewski et al. 2011: 1.

См. Badre 2003 и обсуждение; также см.: Badre et al. 2005; Badre 2006, 2011; Jung 2009; Jung 2010: 177–78.

См. Jung 2012: 115–16.

См. Drews 1993: 7 н. 11, 15–16; ранее: Franken 1961; Dothan, T. 1983: 101, 104; Dever 1992: 104. Также см.: Gilmour and Kitchen 2012.

См. короткое обсуждение в: Weinstein 1992: 143.

См. короткий обзор и обсуждение в: Dever 1992: 101–2.

См.: Loud 1948:29 и 70–71; также: Kempinski 1989:10,76–77,160; Finkelstein 1996:171–72; Nur and Ron 1997:537–39; Nur and Cline 2000: 59.

См. Ussishkin 1995; также личная беседа (май 2013 г.).

См.: Weinstein 1992:144–45; Ussishkin 1995:214; Finkelstein 1996: 171; cf. Loud 1939: pi. 62 no. 377.

См. Feldman 2002, 2006, and 2009; Steel 2013:162–69. Ранее: Loud 1939; Kantor 1947.

См. Weinstein 1992:144–45; Ussishkin 1995:214; Finkelstein 1996: 171; также: Yasur-Landau 2003d: 237–38; Zwickel 2012: 599–600.

Сведения получены от И. Финкельштейна, Э. Ари и М. Тофоло; благодарю их за разрешение упомянуть о продолжающихся исследованиях, результаты которых пока не опубликованы.

См.: Ussishkin 1995:215.

См.: Ussishkin 2004b: таблицы 2.1 и 3.3.

См.: Ussishkin 2004b: 60–69.

См.: Ussishkin 2004b: 60–62.

См.: Ussishkin 2004b: 62, 65–68.

См.: Ussishkin 2004b: 71; Barkay and Ussishkin 2004: 357.

См. Zuckerman 2007a: 10, со ссылкой на: Barkay and Ussishkin 2004: 353, 358–61 и на: Smith 2004: 2504–7.

См.: Barkay and Ussishkin 2004: 361; Zuckerman 2007a: 10.

См. Ussishkin 2004b: 70; также: Ussishkin 1987.

См. Ussishkin 2004b: 69–70, с обзором ранних публикаций.

См.: Ussishkin 1987; Ussishkin 2004b: 64 и цветные схемы на стр. 136; см. также: Weinstein 1992:143–44; Givón, Sweeney, and Larkin. 2004: 1626–28; Ussishkin 2004d. Еще: Zwickel 2012: 597–98.

См. Ussishkin 1987.

См.: Carmi and Ussishkin 2004:2508–13, таблица 35.1; Barkey and Ussishkin 2004: 361; Ussishkin 2004b: 70; Givon, Sweeney, and Lalkin 2004:1627–28. Уссишкин в переписке со мною (14 мая 2013 г.) замечает: «Что касается датировки гибели Лахиша-VI примерно 1130–1131 годом, тут опираются на допущение, что египтяне должны были владеть Ла-хишем вплоть до тех пор, пока не потеряли Мегиддо и Бент-Шан севернее; ссылаются на статую Рамсеса VI в Мегиддо и считают, что его города еще существовали около 1130 года. Я поддерживаю это мнение».

То есть представление о возрасте артефакта, полученное из анализа взаимного расположения культурных слоев и перекрывающих их природных пород. — *Примечание редакции.*

См.: Zwickel 2012: 598, с примечаниями.

См.: Ussishkin 2004b: 70.

См.: Ussishkin 2004b: 70.

См.: Ussishkin 2004b: 69–72, с обзором ранних публикаций.

См.: Ussishkin 1987; Ussishkin 2004b: 71–72; Zuckerman 2007a: 10.
Также: Zwickel 2012: 597–98.

См.: Ussishkin 2004b: 71 и цветные схемы на стр. 127; также: Вагкау and Ussishkin 2004: 358, 363; Smith 2004: 2504–7.

См.: Nur and Ron 1997; Nur and Cline 2000, 2001; Nur and Burgess 2008; Cline 2011.

См. Ussishkin 2004c: 216, 267, 270–71.

См. Weinstein 1992: 147.

См. Master, Stager, and Yasur-Landau 2011: 276; также: Dothan, M. 1971: 25; Dothan, T. 1982: 36–37; Dever 1992: 102–3; Dothan and Dothan 1992: 160–61; Dothan, M. 1993: 96; Dothan and Porath 1993: 47; Dothan, T. 1990, 2000; Stager 1995; Killebrew 1998: 381–82; Killebrew 2000; Gitin 2005; Barako 2013:41. Еще краткое обсуждение в: Demand 2011: 208–10 и более развернутое, с анализом культуры и потенциального взаимодействия филистимлян и хананов, в: Killebrew 2005: 197–245; Killebrew 2006–7; Killebrew 2013; Yasur-Landau 2010a: esp. 216–334; Faust and Lev-Tov 2011; Yasur-Landau 2012a; Killebrew and Lehmann 2013: 16; Sherratt 2013; и Maeir, Hitchcock, and Horwitz 2013.

См. Dothan, T. 2000:147; также аналогичные выводы: Dothan, T. 1998: 151. Еще: Yasur-Landau 2010a: 223–24.

См.: Master, Stager, and Yasur-Landau 2011: 261, 274–76 и далее;
ранее: Dothan, T. 1982: 36.

См.: Stager 1995: 348, цит. в: Yasur-Landau 2012a: 192. Также см.: Middleton 2010: 85, 87.

См.: Potts 1999:206,233 и таблицы 7.5–7.6. См. также обсуждение в: Zettler 1992: 174–76.

Цит. по: Potts 1999: 233 и таблица 7.6.

См.: Potts 1999: 188, 233 и таблица 7.9; Bryce 2012: 185–87.

См.: Yener 2013a; Yener 2013b: 144.

См.: Drews 1993: 9.

См. комментарии в: Gtiterbock 1992: 55, со ссылкой на ранние публикации Курта Биттеля, Генриха Оттена и др. См. также: Вгусе 2012: 14–15.

См.: Neve 1989:9; Hoffner 1992:48; Guterbock 1992:53; Bryce 2005: 269–71, 319–21; Genz 2013: 469–72.

Букв, «граница выше пола», археологический термин, означающий датировку по культурному слою над определенным уровнем (исходят из допущения, что материал данного слоя не мог оказаться ниже конкретного уровня). — *Примечание редакции.*

См.: Hoffner 1992: 49, 51.

Иначе каски (кашки), группа племен в Анатолии и южном Причерноморье. Позднее были разгромлены ассирийцами. — *Примечание редакции.*

См.: Hoffner 1992:46–47, со ссылкой на ранние публикации Курта Биттеля, Генриха Оттена и др.; также см.: Singer 2001; Middleton 2010: 56.

См.: Muhly 1984: 40–41.

См.: Bryce 2012: 12; Genz 2013: 472.

См.: Seeher 2001; Bryce 2005:345–46; Van De Mieroop 2007:24041; Demand 2011: 195; Bryce 2012: 11; Genz 2013: 469–72.

См.: Drews 1993: 9, 11, с примечаниями; Yasur-Landau 2010a: 159–61, 186–87, с примечаниями. О Тарсе см.: Yalgin 2013.

См.: Drews 1993: 9, с примечаниями.

См.: Вгусе 2005: 347–48. Другие отмечали это до Брайса; см., например: Guterbock 1992:53, со ссылкой на Биттеля; также: Genz 2013.

Как и в предыдущей главе, этот краткий обзор разрушения Трои Vila соответствует моей книге (Cline 2013) и опирается на аудиопроjekt «Course Guide», о котором говорилось в примечаниях выше.

См.: Mountjoy 1999b: 300–301 и таблица 1 на стр. 298; Mountjoy 2006: 245–48; также: Cline 2013: 91.

См.: Mountjoy 1999b: 296–97; Cline 2013: 93–94.

См., например: Blegen et al. 1958: 11–12.

Цит. по сценарию документального фильм Би-би-си «Правда о Трое»: <http://www.bbc.co.uk/science/horizon/2004/troytrans.shtml> (дата доступа 17 апреля, 2012 г.); см. также обсуждение в: Cline 2013: 94–101.

См.: Mountjoy 1999b: 333–34; Cline 2013: 94.

См., например: Deger-Jalkotzy 2008:387,390 и перечень поселений
в: Shelmerdine 2001: 373 п. 275.

См.: Middleton 2010: 14–15. Дальнейшее обсуждение: Middleton 2012: 283–85.

См.: Blegen and Lang 1960: 159–60.

Принятое в археологии обозначение перехода от бронзового века к железнному в человеческой истории. — *Примечание редакции.*

См.: Rutter 1992: 70; также: Deger-Jalkotzy 2008: 387.

См. начальное обсуждение в: Blegen and Rawson 1966: 421–22. О новой датировке гибели Пилоса см.: Mountjoy 1997; Shelmerdine 2001: 381.

См.: Blegen and Kourouniotis 1939: 561.

См.: Davis 2010: 687 и обсуждение в: Davis 1998: 88, 97.

См.: Blegen 1955: 32 и ссылки в работе: Blegen and Rawson 1966.

См.: Deger-Jalkotzy 2008: 389, с обсуждением этой дискуссии и ссылками на работы: Hooker 1982, Baumbach 1983 и Palaima 1995; см. также: Shelmerdine 1999 и Магап 2009: 245, с примечаниями.

См.: Iakovidis 1986: 259.

См.: Taylour 1969: 91–92, 95; Iakovidis 1986: 244–45; также: Nur and Cline 2000: 50.

См.: Wardle, Crouwel, and French. 1973: 302.

м. French 2009: 108; еще: French 2010: 676–77.

См. Iakovidis 1986: 259; также: Middleton 2010: 100.

См. Iakovidis 1986: 260.

См. Yasur-Landau 2010a: 69–71; см. также диссертации: Murray 2013 и Enverova 2012.

См.: Maran 2009:246–47; Cohen, Maran, and Vettters 2010; Kostoula and Maran 2012.

См. Maran 2010: 729, со ссылкой на: Kilian 1996.

См.: Nur and Cline 2000: 51–52, также: Nur and Cline 2001.

См. Kilian 1996: 63, цит. по: Nur and Cline 2000: 52.

См. Yasur-Landau 2010a: 58–59, 66–69, с примечаниями; Maran 2010; Middleton 2010: 97–99; Middleton 2012: 284.

См. Karageorghis 1982: 82.

См. Karageorghis 1982: 82–87; далее: Karageorghis 1992: 79–86; также см.: Karageorghis 2011. See also Sandars 1985:144–48; Drews 1993: 11–12; Bunimovitz 1998; Yasur-Landau 2010a: 150–51; Middleton 2010: 83; Jung 2011.

См. Karageorghis 1982: 86–88, 91.

См. Karageorghis 1982: 88; короткое обсуждение см. в: Demand 2011:205–6.

См.: Karageorghis 1982: 89.

О разрушении Энкоми см.: Steel 2004:188, со ссылкой на ранних археологов; также см.: ountjoy 2005. Об угаритском тексте RS 20.18 (Ugaritica 5.22) см.: Karageorghis 1982: 83; опубликован в: Nougayrol et al. 1968:83–85; новый перевод в: Вгусе 2005:334; еще см.: Sandars 1985: 142.

См.: Drews 1883: 11–12; Muhly 1984; Karageorgis 1992.

См.: Steel 2004:187. Также: Iacovou 2008 и Iacovou 2013 (последняя работа была представлена в 2001-м и дополнена в 2008 г.).

См.: Steel 2004: 188.

См.: Steel 2004: 188–90; также см. обсуждение керамики в: Jung 2011.

См.: Voskos and Knapp 2008; Middleton 2010:84; Knapp 2012; также см.: Karageorghis 2011.

См.: Astrom 1998: 83.

См.: Kaniewski et al. 2013.

См. Karageorghis 1982:89–90. Перевод «Странствия Унуамона»: Wente 2003b.

См.: Steel 2004:186–87, 208–13; также см. обсуждение в: Iacovou 2008.

См.: Kitchen 2012: 7–11.

Составленный в Древнем Египте список всех мифических и исторических правителей страны с древнейших времен до Семнадцатой династии фараонов (окончание списка утеряно); был куплен в Луксоре в 1820 году и позднее продан Египетскому музею в Турине. — *Примечание редакции.*

См.: Snape 2012: 412–13; ранее: Clayton 1994: 164–65. История полностью: Redford, S. 2002.

См.: Clayton 1994:165; Redford, S. 2002: 131.

Древнеегипетский символ (уаджет), могущественный амулет, олицетворение власти, силы и плодородия; по мифу, это левый глаз божества, выбитый в схватке с Сетом и позднее исцеленный богом Тотом; считалось, что именно этим оком Гор воскресил Осириса. — *Примечание редакции.*

См.: Zink et al. 2012; отчеты в СМИ («Лос-Анджелес тайме», «Юс-Эс-Эй тудэй» и др.): <http://articles.latimes.com/2012/dec/18/science/la-sci-sn-egypt-mummy-pharoah-ramses-murder-throat-slit-20121218>; <http://www.usatoday.com/story/tech/sciencefair/2012/12/17/ramses-ramesses-murdered-bmj/1775159/>; <http://www.pasthorizonspr.com/index.php/archives/12/2012/ramesses-iii-and-the-harem-conspiracy-murder> (дата доступа 29 мая, 2013 г.).

См.: Zink et al. 2012; отчеты СМИ — по адресам в предыдущей сноске.

См.: Singer 2000: 24 и Caubet 1992:124 о заселении мест
наподобие Рас-ибн-Хани и керамике. Также см.: Sherratt 2013: 627–28.

См.: Caubet 1992:127; также см.: Yasur-Landau 2010a: 166; Killebrew and Lehmann 2013: 12, с примечаниями.

Иначе «циклопическая кладка», использование при строительстве тесаных каменных плит без раствора; примером такого типа сооружений являются гробницы и Львиные ворота Микен. — *Примечание редакции.*

См.: Steel 2004:188–208, со ссылкой на ранние публикации; также см.: Yasur-Landau 2010a.

См. «Собаку Баскервиль» А. Конан Дойла.

См., например: Sandars 1985; Drews 1993; и выступления в сборниках научных трудов: Ward and Joukowsky (1992) (особенно обзор Muhly [1992]) и Огеп (1997).

См.: Monroe 2009; Middleton 2010; Yasur-Landau 2010a; и сборники научных трудов: Bachhuber and Roberts (2009), Galil et al. (2012) и Killebrew and Lehmann (2013); также краткие и развернутые обзоры: Killebrew 2005:33–37; Bell 2006:12–17; Dickinson 2006:46–57; Friedman 2008: 163–202; Dickinson 2010; Jung 2010; Wallace 2010: 13, 49–51; Kaniewski et al. 2011: 1; и Strobel 2013.

См. Davis 2010: 687.

См.: Deger-Jalkotzy 2008: 390–91; Магап 2009: 242. Также см.: Shelmerdine 2001:374–76,381 и особенно подробное рассмотрение причин «бронзового коллапса» в: Middleton 2010 и Middleton 2012, а еще обсуждения в: Murray 2013 и Enverova 2012.

См.: Schaeffer 1948: 2; Schaeffer 1968: 756, 761, 763–765, 766, 768; Drews 1993:33–34; Nur and Cline 2000:58; Bryce 2005:340–41; Bell 2006: 12.

См. Callot 1994: 203; Callot and Yon 1995: 167; Singer 1999: 730.

См. Nur and Cline 2001, со ссылками на: Nur and Cline 2000.

См. Kochavi 1977: 8, цит. в: Nur and Cline 2001:34; Nur and Cline 2000: 60. Также см. обсуждение в: Cline 2011.

См.: Nur and Cline 2000; Nur and Cline 2001; также: Nur and Burgess 2008.

См. Nur and Cline 2001:33–35, со ссылкой на: Nur and Cline 2000, развернутое обсуждение дискуссии в: Drews 1993: 33–47; также см. обсуждения в: Middleton 2010:38–41; Middleton 2012: 283–84; Demand 2011: 198. Об Энкоми см.: Steel 2004: 188 and n. 13, с примечаниями.

Купольная гробница (толос) в Микенах, якобы принадлежавшая мифическому царю Атрею. — *Примечание редакции.*

Примеры из: Nur and Cline 2000: 50–53 and gs. 12–13, откуда взяты цитаты.

См.: Stiros and Jones 1996; также: Nur and Cline 2000; Nur and Cline 2001; Shelmerdine 2001:374–77; Nur and Burgess 2008.0 населения Тиринфа см.: Muhlenbruch 2007, 2009; и комментарии: Dickinson 2010: 486–87 and Jung 2010: 171–73, 175.

См.: Anthony 1990,1997; Yakar 2003:13; Yasur-Landau 2007:61011;
Yasur-Landau 2010a: 30–32; Middleton 2010: 73.

См. Carpenter 1968.

См. обсуждение в: Drews 1992: 14–16 и Drews 1993: 77–84; также см.: Drake 2012, о новой жизни теории Карпентера, но в обновленном варианте. О влиянии завершения позднего бронзового века на жизнь и торговлю в Греции железного века см.: Murray 2013, Enverova 2012.

См.: Singer 1999: 661–62; Demand 2011: 195; Kahn 2012: 262–63.

Хетсский текст KUB 21.38; цит. по: Singer 1999: 715; также см.: Demand 2011: 195.

Египетский текст KRI VI 5, 3; цит. по: Singer 1999: 707–8; также см.: Hoffner 1992: 49; Bryce 2005: 331; Kaniewski et al. 2010: 213.

Хеттский текст KBo 2810; цит. по: Singer 1999: 717–18.

RS 20.212; цит. по: Monroe 2009:83; McGeough 2007:331–32; см.: Nougayrol et al. 1968: 105–7, 731; Hoffner 1992: 49; Singer 1999: 716–17, с примечаниями; Bryce 2005: 331–32; Kaniewski et al. 2010: 213.

RS 26.158; обсуждение: Nougayrol et al. 1968: 731–33; См. Lebrun 1995: 86; Singer 1999: 717 n. 381.

Найден перевод этого послания на угаритский: KTU 2.39/RS 18.038; Singer 1999:707–8,717; Pardee 2003:94–95. Ранние комментарии: Nougayrol et al. 1968: 722. См.: Kaniewski et al. 2010: 213.

См.: Singer 1999:717.

Угаритский текст RS 34.152; Bordreuil 1991:84–86; цит. по: Cohen and Singer 2006:135. См. Cohen and Singer 2006:123,134–35, со ссылкой на первую публикацию: Lackenbacher 1995a; также см.: Singer 1999:719, 727; Singer 2000: 24; Kaniewski et al. 2010: 213.

О письме из «дома Уртену» (RS 94.2002+2003) см.: Singer 1999: 711–12; Hoffner 1992:49.

RS 18.147; цит. по: Pardee 2003: 97. Исходное послание не обнаружено, но это дословно цитируется в этом письме-ответе.

KTU 2.38/RS 18.031; цит. по: Monroe 2009: 98 and Pardee 2003: 93–94; см. также: Singer 1999: 672–73, 716, с примечаниями.

См., например: Carpenter 1968; Shrimpton 1987; Drews 1992; Drews 1993: 58; Dickinson 2006: 54–56; Middleton 2010: 36–38; Demand 2011: 197–98; Kahn 2012: 262–63; Drake 2012.

См. Weiss 2012.

См. Kaniewski et al. 2010 и Kaniewski, Van Campo, and Weiss 2012;
также: Kaniewski et al. 2013.

См. Kaniewski et al. 2010:207. В других исследованиях изучались ледяные и осадочные керны; см.: Rohling et al. 2009 и др. в: Drake 2012.

См.: Kaniewski et al. 2013.

См.: Kaniewski et al. 2013: 6.

См.: Kaniewski et al. 2013: 9.

К спелеотемам относятся сталактиты, сталагмиты, колонны и другие вторичные минеральные отложения, образующиеся в пещерах под воздействием влаги. — *Примечание редакции.*

См. Drake 2012: 1862–65.

См. Drake 2012:1868; тут говорится: «Байесовский анализ предполагает, что перемена случилась до 1250–1197 годов до нашей эры; вывод делается на основе изучения диноцист и фораминифер».

См.: Drake 2012: 1862, 1866, 1868.

См. пресс-релиз: <http://www.imra.org.il/story.php3?id=62135> и своего рода официальную публикацию (Langgut, Finkelstein, and Litt 2013). Считается, что в Египте в те годы тоже могла случиться засуха; см.: Bernhardt, Horton, and Stanley 2012.

См.: Drake 2012: 1866, 1868.

См.: Carpenter 1968:53; также см.: Andronikos 1954 и Drake 2012: 1867.

См.: Zuckerman 2007a: 25–26.

См.: Zuckerman 2007a: 26. Возражения: Веп-Тог 2013.

См.: Bell 2012: 180.

См. обсуждения в: Carpenter 1968: 40–53; Drews 1993: 62–65; Dickinson 2006: 44–45; Middleton 2010: 41–45.

См.: Carpenter 1968: 52–53; Sandars 1985: 184–86.

См.: Murray 2013.

См.: Singer 1999:733; Monroe 2009:361–63; обоих цитирует: Bell 2006:1.

RS L 1 (Ugaritica 5.23); цит. по: Singer 1999:728 и Bryce 2005:334; см. также: Sandars 1985: 142–43 и первую публикацию: Nougayrol et al. 1968: 85–86; еще см.: Yon 1992: 119. Ван Сольдт (van Soldt 1999: 33 n. 40) сообщает, что текст был приобретен на блошином рынке.

RS 20.18 (Ugaritica 5.22), цит. по: Bryce 2005: 334 и с учетом замечаний в: Singer 1999: 721; также см.: Sandars 1985: 142 и первую публикацию: Nougayrol et al. 1968: 83–85.

RS 88.2009; публикация: Malbran-Labat in Yon and Arnaud 2001: 249–50; обсуждение: Singer 1999: 729.

RS 19.011; цит. no: Singer 1999: 726.

См. Singer 1999: 730.

См. перечень локаций кладов в: Singer 1999: 731.

См.: Singer 1999: 733.

RS 34.137; см.: Monroe 2009: 147.

См.: Sherratt 1998: 294.

См.: Sherratt 1998: 307; также см. обсуждение в: Middleton 2010: 32–36.

См.: Kilian 1990: 467.

См.: Artzy 1998. Также: Killebrew and Lehmann 2013: 12 и Artzy 2013 в сборнике под редакцией Киллебрю и Леманна.

См.: Bell 2006: 112.

См.: Routledge and McGeough 2009: 22, также: Artzy 1998 and Liverani 2003.

См.: Routledge and McGeough 2009: 22, 29.

См. Muhly 1992: 10, 19.

См. Liverani 1995: 114–15.

RS 34.129; Bordreuil 1991: 38–39; См. Yon 1992:116; Singer 1999: 722, 728, с примечаниями; также: Sandars 1985: 142; Singer 2000: 24; Strobel 2013:511.

См. Singer 2000: 27, со ссылкой на: Hoffner 1992: 48–51.

См.: Yasur-Landau 2003a; Yasur-Landau 2010a: 114–18; Yasur-Landau 2012b. Также см.: Singer 2012 и возражения: Strobel 2013: 512–13.

См.: Genz 2013: 477.

См.: Kaniewski et al. 2011.

См. Kaniewski et al. 2011: 1.

См. Kaniewski et al. 2011: 4.

См.: Kaniewski et al. 2011: 4.

См.: Harrison 2009,2010; Hawkins 2009, 2011; Yasur-Landau 2010a: 162–63; Bryce 2012: 128–29; Singer 2012; Killebrew and Lehmann 2013: 11. Также см.: Janeway 2006–7 об эгейцах в Азии.

См.: Yasur-Landau 2003a; также: Yasur-Landau 2003b, 2003c и 2010a с примечаниями; Bauer 1998; Barako 2000,2001; Gilboa 2005; Ben-Shlomo et al. 2008; Maeir, Hitchcock, and Horwitz 2013.

См. обсуждения в: Demand 2011: 210–12, Stern 2012, Artzy 2013 и Strobel 2013: 526–27. Также см.: Gilboa 1998, 2005, and 2006–7, с библиографией; Dothan, T. 1982:3–4; Dever 1992:102–3; Stern 1994, 1998, 2000; Cline and O'Connor 2003, esp. 112–16, 138; Killebrew 2005: 204–5; Killebrew and Lehmann 2013: 13; Barakao 2013; Sharon and Gilboa 2013; Mountjoy 2013; Killebrew 2013; Lehmann 2013; Sherratt 2013. Утверждение об обнаружении поселения шерданов близ Мегиддо в Израиле было опровергнуто Финкельштейном; см.: Zertal 2002 и Finkelstein 2002. Перевод «Странствия Унуамона»: Wente 2003b.

См.: Bell 2006:110–11.

См.: Finkelstein 2000:165; также см.: Finkelstein 1998 и Finkelstein 2007. Уайнстайн (Weinstein 1992:147) ранее обрисовал схожий сценарий коллапса египетского владычества в Ханаане, происходившего в два этапа: первый — при Рамсесе III и второй — при Рамсесе VI. См. также: Yasur-Landau 2007: 612–13, 616 и Yasur-Landau 2010a: 340–41.

См.: Killebrew 2005: 230–31, где суммированы предыдущие
ВЫВОДЫ.

См.: Yasur-Landau 2003a; см. также обсуждения в: Yasur-Landau 2010a: 335–45; Yasur-Landau 2012b; Bryce 2012:33; Killebrew and Lehmann 2013: 17.

Ясур-Ландау, личная беседа, июль 2012 г.

См.: Yasur-Landau 2012a: 193–94; также см.: Yasur-Landau 2012b и ранее: Yasur-Landau 2007: 615–16.

См.: Yasur-Landau 2012a: 195.

См.: Hitchcock and Maeir 2013: 51–56, esp. 53; также см.: Maeir, Hitchcock, and Horwitz 2013.

См. Hitchcock and Maeir 2013: 51–56, esp. 53; также: Maeir, Hitchcock, and Horwitz 2013.

См. обсуждение в: Strobel 2013: 525–26.

См.: Sandars 1985: 11, 19. Помимо Сэндарс, лучшего знатока данной темы, лишь немногие авторы пытались писать о «народах моря» и «бронзовом коллапсе», в том числе: Nibbi 1975 и Robbins 2003. См., впрочем, катастрофический провал Робертса: Roberts's 2008, с тем же названием, что и книга Нибби.

См.: Sandars 1985:11.

См.: Demand 2011: 193, citing Renfrew 1979.

См., например: Lorenz 1969,1972. Также см.: Yasur-Landau 2010a: 334, где тоже используется метафора бабочки в связи с событиями конца позднего бронзового века.

См.: Renfrew 1979: 482–87.

См.: Diamond 2005; также: Middleton 2010 и 2012 и ранее: Tainter (1988) и сборник под редакцией Иоффе и Каугилла (Yoffee and Cowgill 1988), с примечаниями.

См.: Drews 1993: 85–90, esp. 88; также: Deger-Jalkotzy 2008: 391.

Так у автора; конечно, гомеровские поэмы — результат коллективного устного сказительства, и приписывание их Гомеру — лишь традиция. — *Примечание редакции.*

См. обсуждение в: Dever 1992: 106–7 системного коллапса в Ханаане в этот период. Также см.: Middleton 2010: 118–21 о событиях в Эгейском бассейне и: Drake 2012: 1866–68.

См.: Liverani 1987: 69; также: Drews 1993:86 и Monroe 2009: 293, оба цитируют Ливерани.

См.: Liverani 1987: 69; также: Monroe 2009: 292–96 с критикой взглядов Ливерани.

См.: Monroe 2009: 294–96.

См.: Monroe 2009: 297.

См.: Monroe 2009: 297.

См.: Monroe 2009: 297.

См.: Drake 2012: 1866–68; Kaniewski et al. 2013.

См.: Drews 1993; моя рецензия на книгу Дрюса: Cline 1997b.

См. недавнее обсуждение коллапса и его потенциальных причин: Middleton 2012.

См.: Johnson 2007: 3–5.

См.: Bell 2006: 14–15.

См.: Johnson 2007: 13.

См.: Johnson 2007: 13–16.

См.: Johnson 2007: 14–15; Sherratt 2003: 53–54.

См.: Johnson 2007: 15.

См.: Johnson 2007: 17.

См.: Bell 2006: 15, цит.: Dark 1998: 65, 106 и 120.

См.: Dark 1998: 120.

См.: Dark 1998: 120–21.

См.: Bell 2006:15. Также см.: Killebrew and Lehmann 2013:16–17.

См.: Langgut, Finkelstein, and Litt 2013: 166.

См. диссертацию: Murray 2013.

4 сентября 476 года предводитель варваров, бывший командир римского войска Одоакр вступил в Равенну и сверг императора Ромула Августула; несколько лет спустя восточный (византийский) император Флавий Зенон отказался назначать нового императора на западе, и тем самым Западная Римская империя окончательно прекратила существование. — *Примечание редакции.*

См. Davis 2010: 687.

См. Maran 2009: 242.

См.: Millard 1995:122–24; Bryce 2012:56–57; Millard 2012; Lemaire 2012; Killebrew and Lehmann 2013: 5–6.

См. Van De Mierop 2007: 252–53.

См. Sherratt 2003: 53–54; Bryce 2012: 195.

В археологии принятое обозначение Греции конца «темных веков» (900–700-е годы до нашей эры), по так называемому геометрическому стилю греческой вазописи этого периода (меандры, кресты, окружности и др.). — *Примечание редакции.*

См. сборники: Schwartz and Nichols (2006) и McAnany and Yoffee (2010), частично своего рода ответ на работу Даймонда 2005 года. Научная конференция по данной теме недавно прошла в университете Южного Иллинойса (март 2013 г.); она называлась «За пределами коллапса: археологические перспективы выживания, обновления и реорганизации в комплексных обществах».

См.: Dever 1992: 108.

См.: Monroe 2009: 292.

См.: Cho and Appelbaum 2008, A1.